

ОДЕССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

210-летию Одессы посвящается

Дом князя Гагарина

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Выпуск 3

Часть первая

Одесса
ЗАО «ПЛАСКЕ»
2004

ББК 83.3 (4Укр-4Оде-2Оде) Л6

Д 66

УДК 069.02:8 (477.74-25)

Д 66 **Дім князя Гагаріна:** Збірник наукових статей і публікацій /Одеський літературний музей. — Вип. 3. Частина перша. — Одеса: ЗАТ «ПЛАСКЕ», 2004. — 264 с., іл.
ISBN 966-95616-9-8

В сборнике представлен широкий спектр материалов об истории литературной жизни Одессы XIX—XX веков — научные статьи, биографические очерки, описания раритетных экспонатов, первые публикации материалов, хранящихся в фондах Одесского литературного музея.

Книга адресована исследователям, научным сотрудникам музеев и архивов, краеведам и всем, кто интересуется литературной и культурной историей Одессы.

У збірнику представлено широкий спектр матеріалів з історії літературного життя Одеси XIX—XX століть — наукові статті, біографічні нариси, описи раритетних експонатів, перші публікації матеріалів, що зберігаються у фондах Одеського літературного музею.

Книга призначена дослідникам, науковим співробітникам музеїв та архівів, краєзнавцям і загалом всім, кого цікавить літературна та культурна історія Одеси.

Редакційна колегія:

Ліптуга Тетяна Іванівна, директор ОЛМ;

Семикіна Галина Георгіївна, завідувача відділом науково-дослідницької та експозиційної роботи ОЛМ;

Яворська Олена Леонідівна,
заступник директора з наукової роботи ОЛМ

Д $\frac{4603010000}{2004}$

© Одеський літературний музей, 2004
© ЗАТ «Пласке», 2004

*А дом князя Гагарина!
Тот дом, в котором открыл свою деятельность
одесский Литературно-художественный клуб!*

А. М. Дерибас

ОГЛАВЛЕНИЕ

Т. И. Липтуга. Предисловие5

Статьи

Л. С. Хивренко. Мемуары А. И. Арнольди8

Т. Е. Донцова. Окошко в «старую Одессу»75

О. К. Куценко. Новые экспонаты музея.....94

Л. В. Майборода. Пантелеймон Куліш — письменник,
этнограф, фольклорист100

С. Т. Выскребенцева. «Человек с большим и сильным
сердцем». (К 150-летию со дня рождения
В. Г. Короленко)104

А. И. Божко. Лознгрин одесский119

Г. В. Закіпна. Перший український друкар Одеси.....131

М. С. Давидова. «І всякому добро нести — немає вище
красоти!» (С. Шелухін в Одесі)148

Е. А. Каракина. Поэт («Мадригал» В. Жаботинского)158

С. З. Луцик. Чудо в пустыне. Одесские альманахи
1914—1917 годов.....166

А. Л. Яворская. Неосуществленная книга В. Бабаджана
(Онуфрий Чапенко. «Марсова дудка»)237

Публикации

А. И. Арнольди. Семейная хроника и мои воспоминания.
Часть 2-я17

Дмитрий и Андрей Драго. Фрагменты дневника.....81

Лознгрин. Одесские письма128

Сергій Шелухін. Вірші154

Онуфрий Чапенко. Марсова дудка244

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый раз при подготовке очередного выпуска сборника научных статей и публикаций «Дом князя Гагарина» его создатели и редакционный совет обнаруживают увеличение объема книги. Растет число авторов сборника, объем их статей. Все больше подготавливается материалов из фондов Одесского литературного музея для первой публикации.

3-й выпуск «Дома князя Гагарина» представлен в двух томах.

Авторский состав сборника изменяется не только количественно, но и качественно. Кроме научных сотрудников музея, ведущих многолетнюю исследовательскую работу в фондах музея, авторами нового выпуска стали литературоведы, краеведы, журналисты, составляющие круг друзей и единомышленников научного коллектива музея. И среди них не только одесситы.

Именно 3-й выпуск сборника выявляет тенденцию расширения интересов в выборе тем, направлений в научно-исследовательской и изыскательской работе, которую ведет музей в последние годы, характеризует глубину его научных поисков, многообразие творческих и научных связей.

Материалы книги неравноценны по объему. В ней представлены такие серьезные исследования как статья известного одесского краеведа и знатока отечественной культуры первой половины двадцатого столетия С. З. Лушика «Чудо в пустыне», посвященная одесским альманахам 1915—1917 годов; главы из новой книги «Мед и деготь» профессора Иерусалимского университета Е. Д. Толстой, повествующие о пребывании в Одессе писателя А. Н. Толстого. Скрупулезной точностью фактов и характеристик отличается комплекс материалов, подготовленных А. Л. Яворской, о писателе-одессите С. Гехте. Ею впервые разработана биография Гехта, публикация писем писателя сопровождается подробными комментариями.

Особый интерес представляет первая публикация писем художника Сандро Фазини, старшего брата И. Ильфа, из Парижа в Одессу, подготовленная А. И. Ильф, дочерью писателя, с которой музей сотрудничает и дружит уже много лет.

Эпистолярное наследие вообще занимает значительное место в новом издании. Этому жанру посвящены публикации нашей соотечественницы из Голландии, представительницы известной одесской семьи, Т. Ф. Фюогд-Стояновой «Девятнадцать писем

В. А. Пяста»; интересен и трогателен материал, разработанный Н. Е. Михайловой, — «Биография в письмах» — о переписке Б. Лавренева с одесским адресатом.

Не меньший интерес вызывают и статьи небольшие, но открывающие совершенно новые темы и имена. Это статья Т. Е. Донцовой «Окошко в „старую Одессу”» с публикацией мемуаров отца и сына Драго и статья Л. С. Хивренко, предваряющая публикацию объемных фрагментов из мемуаров генерала русской армии А. И. Арнольди. Одесскому периоду писательницы Тэффи посвящена статья И. Г. Саврасовой и публикация рассказа в одесской прессе.

Развитие получила в новом выпуске и украиника. Замечательному поэту и переводчику С. Шелухину посвящена статья и публикация его стихов, подготовленная М. С. Давыдовой. О Пантелеймоне Кулише как фольклористе пишет Л. В. Майборода. Статья Г. В. Закипной и публикация части мемуаров крупнейшего одесского издателя Е. И. Фесенко, сделавшего неопределимый вклад в развитие украинской культуры в XIX столетии, открывает новую рубрику в тематической структуре сборника — история книгоиздательства в Одессе.

Несомненно, заслуживают внимания работы о поэзии. Еврейским поэмам Г. Шенгели 1920-х годов посвящена статья (с републикацией книги) Е. М. Голубовского, ставшего одним из постоянных авторов сборника «Дом князя Гагарина». Об особенностях стихотворения В. Жаботинского «Мадригал» пишет Е. А. Каракина. Поэзия в ее песенном проявлении — такова тема статьи Л. А. Мельниченко, рассказывающей об истории знаменитой песни «Ты одесит, Мишка» и анализирующей ее текстовые варианты.

Последовательную линию в изучении истории одесской журналистики ведет А. И. Божко. Если во 2-м выпуске сборника ее работа была посвящена творчеству известного одесского журналиста начала XX века С. Т. Герцо-Виноградского (Барона Икса), то новая статья рассказывает об одесском периоде жизни его не менее талантливого и известного брата П. Т. Герцо-Виноградского (Лознгрин).

Традиционными в сборнике являются и материалы, посвященные новым поступлениям в фонды музея. О судьбе мемориальных досок, увековечивающих память в Одессе великого Пушкина, повествует статья О. К. Куценко.

Особо хочется выделить статьи, не просто рассказывающие о новых материалах и сведениях, поступивших в музей, но и — впервые в сборнике «Дом князя Гагарина» — посвященные

теории и практике экспозиционной работы. Статья опытного экспозиционера С. Т. Вискребенцевой о разработке, а затем воплощении в жизнь юбилейной выставки, посвященной творчеству известного русского писателя В. Г. Короленко, не только содержит анализ влияния литературного наследия писателя-борца на процессы, происходящие в современном обществе в сфере культуры, морали, социальной политики, но и дает методологию раскрытия этих идей музейными средствами на примере выставки, созданной автором к юбилею писателя. Теоретические выкладки иллюстрируются примерами экспозиционной подачи того или иного аспекта в развитии темы выставки, становятся более убедительными в сопровождении первой публикации архива В. Г. Короленко, хранящегося в фондах музея.

К материалам о практике музееведения и методах экспозиционного показа можно отнести и статью А. Н. Полторацкой «Жорж Сименон — поклонник Одессы», рассказывающую об опыте создания выставки, посвященной 100-летию со дня рождения Ж. Сименона. Пути выхода на источники поступления новых сведений и экспонатов (уникальных фотоматериалов), их экспозиционная интерпретация — таков предмет исследования в статье Полторацкой.

Появление в 3-м выпуске сборника нового направления — музееведческого — логично и свидетельствует о накоплении большого и уникального опыта в музейной практике научного коллектива ОЛМ и необходимости его теоретического обоснования и анализа.

Столь широкий диапазон тем, имен, исследовательских жанров, которым характеризуется новый выпуск сборника, а также заметный интерес со стороны научной и культурной общественности к двум предыдущим дают основания для оптимистических прогнозов относительно развития этого направления в деятельности Одесского литературного музея.

Издание 3-го выпуска научного сборника «Дом князя Гагарина» не могло бы состояться без активной и весомой помощи постоянного партнера, мецената и попечителя музея — ЗАО «Пласке» и его президента О. И. Платонова. Благодаря его усилиям и инициативам в свет вышли книги, изданные совместно с музеем: «Рассказы о музее», «Путешествие в Одессу», календарь на 2003/2004 год «Приятно ли жить в Одессе?» и на 2004/2005 год — «Литературная Одесса»; готовятся новые работы издательства «Пласке».

Директор Одесского литературного музея
Т. И. Липтуга

Л. С. Хивренко

МЕМУАРЫ А. И. АРНОЛЬДИ

Автор имеющихся в нашем распоряжении записок «Семейная хроника и мои воспоминания» Александр Иванович Арнольди — офицер, с 1868 года генерал русской армии, родился 21 апреля 1817 года. Его семья была тесно связана с Новороссийским краем и с Одессой. Мать А. И. Арнольди — Надежда Ивановна, урожденная Лорер, была сестрой декабриста Николая Ивановича Лорера, автора известных «Записок». Многочисленные родственники А. И. Арнольди по матери жили в Одессе и окрестностях — владели землей и имениями в Херсонской губернии.

В первом браке Надежда Ивановна была замужем за коллежским советником О. И. Россетом, служившим инспектором Одесского карантинного госпиталя. Осип Россет, сподвижник и друг герцога Ришелье, умер от чумы в Одессе в 1814 году во время эпидемии. У его вдовы осталось пятеро малолетних детей — сыновья Клементий, Иосиф, Аркадий, Карл-Александр и дочь Александра. Все они были крестниками герцога Ришелье.

В своих воспоминаниях дочь О. И. Роскета Александра Осиповна Смирнова-Россет, рассказывая о детстве в Одессе, писала об отце и о герцоге Ришелье, которого называла другом отца.

«Дорогой отец мой был последней жертвой чумы. Он велел меня позвать, остановил на пороге и сказал: «Ты, мой друг, мое самое любимое дитя, обещай мне заботиться о твоих братьях, давать им добрые советы. Я не тревожусь за ваше будущее: герцог обещал мне представить вас императору и его благодетельнице-матери, ты будешь воспитываться в каком-нибудь институте, а твои братья — в кадетском корпусе. С хорошим образованием можно быть уверенным, что всегда проложишь себе путь в бескрайнем человеческом мире. Что касается вашего состояния, то оно поручено герцогу и вашему дяде Дмитрию»¹.

Далее А. О. Смирнова-Россет вспоминала о прощании с умершим отцом.

«Приехала бабушка с моими тетками. Отца моего обратель l'abb Nicole, и поэтому в дом приехал католический священник».

ский священник. С отца сняли парик, он был прекрасен, потому [что] и жизнь и смерть его были прекрасны. Маменька и все его целовали, а я тщетно просила позволения с ним проститься, но мне отказали. Весь город следовал за погребальной процессией. Герцог ехал впереди верхом, в мундире, с Андреевской лентой и орденом св. Людовика. По дороге у греческой и русской церкви служили литии <...> Только что мы вернулись с похорон, начали перевозить нашу мебель на Дерибасовскую в наш маленький дом»².

У Надежды Ивановны осталось недалеко от Одессы большое имение Адамовка, а также хутор в 25 десятин на Куяльнике и большой участок на берегу моря – приморский хутор в 37 десятин между участками бывшего коменданта Одессы генерал-майора Ф. А. Кобле и негоцианта А. Фиогности. «Хутор наш считался лучшим. Отец мой сам сажал, прививал деревья, даже развел виноградники и посадил тополь»³, – писала А. О. Смирнова-Россет. В Одессе у Надежды Ивановны было два дома – на Пересыпи и на Дерибасовской.

Спустя некоторое время Надежда Ивановна снова вышла замуж – за полковника Ивана Карловича Арнольди, впоследствии генерала, служившего в конной артиллерии. От второго брака у нее тоже были дети – Александр, Иван, Ольга и Лев Арнольди. Из воспоминаний А. О. Смирновой-Россет явствует, что дети Россет не приняли своего отчима и не могли простить матери этого замужества.

А. О. Смирнова-Россет. Худ. П. Ф. Соколов. 1834—1835

Выйдя замуж за И. К. Арнольди, Надежда Ивановна продала дом на Пересыпи, в конце 1821 года продала графу Разумовскому хутор на Куяльнике, а в мае 1824-го продала и свой приморский хутор генерал-майору Л. А. Нарышкину. Когда с июля по август 1824 года на хуторе А. Фиогности в Одессе жила княгиня В. Ф. Вяземская, ее соседом был уже новый хозяин хутора «Надежды Розетихи» Лев Нарышкин.

После смерти Надежды Ивановны (она умерла в декабре 1825-го) И. К. Арнольди женился повторно. От брака с Софьей Карловной родилась дочь Софья. Таким образом, у Александра Ивановича Арнольди было шестеро братьев и три сестры. Наиболее известна из них его сестра Александра Осиповна Смирнова-Россет — одна из выдающихся женщин петербургского светского общества XIX века, близкая знакомая А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, мемуаристка, автор интереснейших «Записок» и писем. Его брат Клементий Россет — также хороший знакомый А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. Брат Лев Арнольди — мемуарист, автор воспоминаний о Н. В. Гоголе, у него хранилось много рукописей М. Ю. Лермонтова. Некоторое время Лев Арнольди учился в Одессе в Ришельевском лицее, об этом упоминает в своей «Семейной хронике» А. И. Арнольди.

Сам Александр Иванович воспитывался в Петербурге, в Пажеском корпусе, самом аристократическом военном учебном заведении того времени. Еще в годы учебы в доме своей сестры А. О. Смирновой-Россет он встречался с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским.

В 1837 году А. И. Арнольди был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, в котором прослужил около 20 лет. В феврале 1838 года в этот полк, расквартированный в Нижегородской губернии, был переведен М. Ю. Лермонтов. Около двух месяцев А. И. Арнольди и М. Ю. Лермонтов служили в одном полку, некоторое время они даже жили в одном доме, в соседних комнатах. Судьба свела их и на Кавказе летом 1841 года. Они оба жили в Пятигорске, вращаясь в одном кругу курортной молодежи.

Там же, в Пятигорске, в мае 1841 года А. И. Арнольди встретился, можно сказать познакомился, со своим дядей Н. И. Ло-

рером. Об этой встрече рассказал в своих воспоминаниях Н. И. Лорер.

Н. И. Лорер. Середина 1850-х

«Входя в ворота гостиницы вечного Найтаки, я увидел несколько дорожных экипажей, и тут же встретил гвардейского гусарского молодого офицера. Вообразите себе мое удивление, когда, расспросив о проезжающих, я узнал, что это фамилия генерала Арнольди, отправляющаяся на Кавказские минеральные воды. Молодой человек был сыном славного генерала Арнольди, женатого, в первом браке, на моей родной сестре, и приходился мне племянником. Я тотчас же направился к нему и назвал себя, мы обнялись и тут,

можно сказать, познакомились, ибо я оставил его 8-летним мальчиком, при моей ссылке в 1826 году»⁴.

И далее — об А. И. Арнольди:

«Я обнял его родственно и радовался, что нашел в нем благородную, чистую душу и славного, по отзывам товарищей-гвардейцев, фронтового офицера»⁵.

А. И. Арнольди был одним из ближайших свидетелей последних дней жизни М. Ю. Лермонтова, хотя непосредственно участия в событиях, приведших к роковой дуэли, он не принимал. В день дуэли А. И. Арнольди ездил к родным в Железно-

водск. Вот как описывает он свое возвращение из Железноводска в Пятигорск:

«Проведя день у мачехи моей, под вечер я стал собираться в Пятигорск, и, несмотря на то, что меня удерживали под предлогом ненастья, все-таки поехал, так как не хотел пропустить очередной ванны. Смеркалось, когда я проехал Шотландку, и в темноте уже светились мне приветливые огоньки Пятигорска, как вдруг слева, на склоне Машука, я услышал выстрел; полагая, что это шалют мирные горцы, так как не раз слышал об этом рассказы, я приударил коня нагайкой и вскоре благополучно добрался до дома, где застал Шведе, упражнявшегося на фортепиано. Раздевая меня, крепостной человек мой Михаил Судаков доложил мне, что по соседству у нас несчастье и что Лермонтова привезли на дрожках раненного... Недоумевая, я поспешил к соседу, но, застав ставни и двери его квартиры на запоре, вернулся к себе. Только утром я узнал, что Михаил Юрьевич привезен был уже мертвым, что он стрелялся с Мартыновым, на 10 шагах, и, подобно описанному им фаталисту, кажется, далек был от мысли быть убитым, так как, не подымая пистолета, медленно стал приближаться к барьеру, тогда как Мартынов пришел уже к роковой точке и целил в него; когда Лермонтов ступил на крайнюю точку, Мартынов спустил курок, и тот пал, успев вздохнуть раз, другой, и, как рассказывали, презрительно взглянул на Мартынова. Я полагаю, что, кроме двух секунданта, Глебова и Александра Васильчикова, вся молодежь, с которою Лермонтов водился, присутствовала скрытно на дуэли, полагая, что она кончится шуткой и что Мартынов, не пользовавшийся репутацией храброго, струсит и противники помирятся. <...>

Ранним утром на другой день я видел Лермонтова в его квартире на столе, в белой рубашке, украшенной цветами. Комната была пуста, и в углу валялась его канусовая малиновая рубашка с кровавыми пятнами на левой стороне под сердцем. Шведе по заказу Столыпина написал портрет с покойного и сделал мне такой же. Я

нахожу его лучшим портретом Лермонтова, даже лучше того, которым сестра моя владеет и поныне (в молодых еще летах, в гусарском ментике)...»⁶

А. И. Арнольди присутствовал на похоронах Лермонтова. У него хранилось несколько картин Лермонтова, переданных впоследствии в Лермонтовский музей.

Вся жизнь Александра Ивановича Арнольди была связана с армией. Он был блестящим кавалерийским офицером, всегда жил интересами эскадрона и полка, в котором служил. Читая его воспоминания, нельзя не почувствовать, что военная служба занимала главное место в жизни мемуариста.

В начале 1860-х годов Арнольди неожиданно оставляет службу и выходит в отставку, переживая душевный кризис, связанный с личными обстоятельствами. Однако жить без армии он не смог и в феврале 1864 года вновь возвратился на военную службу. Тогда же он наконец женился на Юлии Миллер, вдове своего недавно скончавшегося родственника и друга Александра Миллера, в которую был влюблен почти 15 лет.

Летом 1868 года А. И. Арнольди был произведен в генералы. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов он командовал 4-й кавалерийской дивизией, был первым комендантом освобожденной Софии.

В 1880-е годы Александр Иванович выходит в отставку.

Скончался он 25 января 1898 года, в возрасте 80 лет.

Свои воспоминания Александр Иванович Арнольди начал писать 4 декабря 1869 года. Эта дата указана на первом листе первой части рукописи.

Первая часть мемуаров А. И. Арнольди известна историкам литературы. Впервые ее исследовал и выборочно опубликовал Ю. Г. Оксман в 58-м томе «Литературного наследства» в 1952 году. Публикация Оксмана «Лермонтов в записках А. И. Арнольди»⁷ представляет собой отрывки из воспоминаний Арнольди, посвященные М. Ю. Лермонтову, с введением и примечаниями. Из текста первой части воспоминаний извлечены только страницы о Лермонтове и его окружении.

Выдержки из первой части записок А. И. Арнольди Ю. Г. Оксман опубликовал по машинописной копии с автографа первой части, переданной ему Н. Н. Арнольди, вдовой старшего сына

А. И. Арнольди (всего у А. И. Арнольди было три сына). Из публикации неясно, хранился у Н. Н. Арнольди автограф первой части воспоминаний или только копия.

Первая часть воспоминаний А. И. Арнольди писалась с конца 1869 до 1875 года. Поправки и дополнения вносились в 1880-е годы (до 1887-го включительно), а последнее из коротких примечаний датировано 1893 годом. Первая часть воспоминаний охватывает биографию отца А. И. Арнольди, семейные предания и события жизни мемуариста до 1842 года.

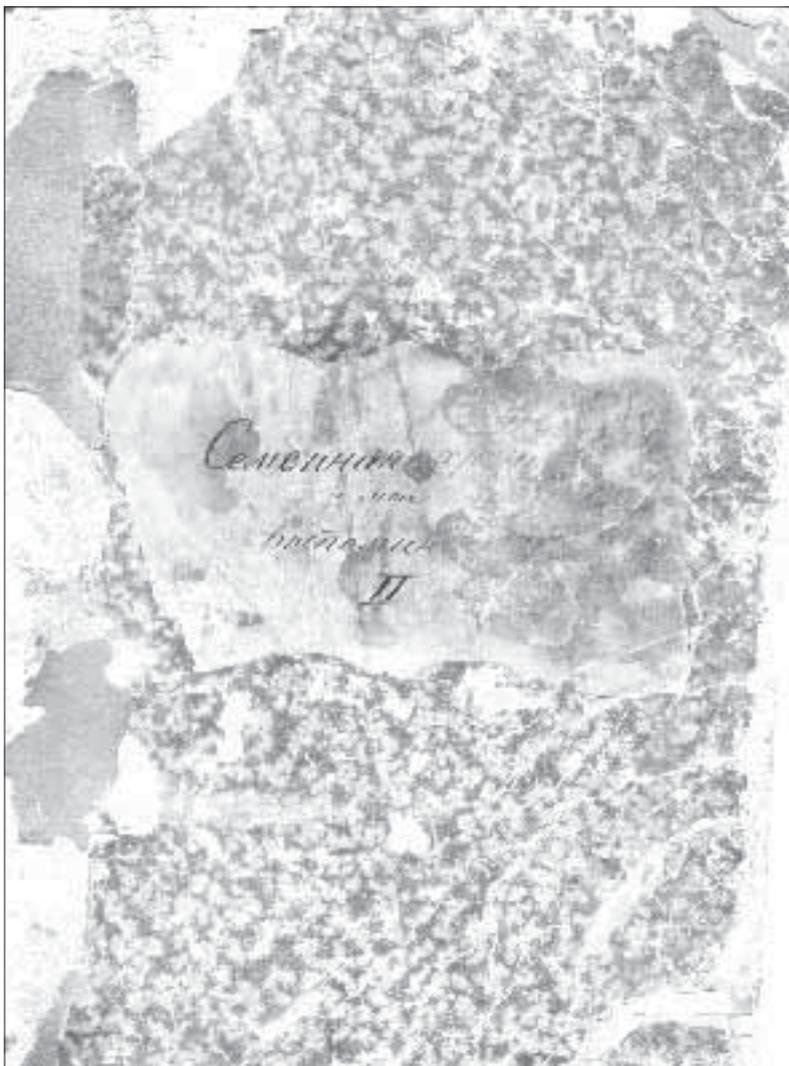
Вторая часть записок А. И. Арнольди вводится в научный оборот впервые. Текст печатается по автографу второй части рукописи.

Вторая часть «Семейной хроники и моих воспоминаний» писалась А. И. Арнольди с 1876 по 1884 год и охватывает события жизни автора с 1842 по 1865 год. Приписки и дополнения датированы, в основном, 1888 годом. На одной из страниц есть косвенное указание, что текст пишется в 1873 году, но это не подтверждается другими датами, упоминаемыми в тексте воспоминаний.

Публикуемые фрагменты из второй части воспоминаний А. И. Арнольди дают лишь некоторое представление о рукописи, изучение которой будет продолжено. Это лишь первое знакомство с мемуарами, автор которых встречался с А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым, был свидетелем и участником многих важных событий XIX века.

Рукопись представляет собой переплетенный альбом, состоящий из 190 листов, исписанных с двух сторон довольно неразборчивым почерком А. И. Арнольди. В некоторых местах (особенно это касается более поздних приписок и примечаний) текст, изобилующий вставками, дополнениями и сокращениями, поддается прочтению с большим трудом. Безусловно, текст рукописи нуждается в дальнейшей расшифровке и научном изучении. В связи с этим мы сочли возможным печатать отрывки из мемуаров без примечаний.

Публикуемые извлечения из воспоминаний А. И. Арнольди рассказывают о некоторых событиях 1842–1852 годов. В 1842 году 25-летний гусарский поручик А. И. Арнольди был командирован на Кавказ и в течение года принимал участие в несколь-

Обложка второй части записок А. И. Арнольди

ких экспедициях против горцев в Чечне, Дагестане, Кабарде, Аварии и других районах Северного Кавказа. В этой части мемуаров интересно описание русским офицером событий Кав-

казской войны, которая к тому времени шла уже около 40 лет, интересен его взгляд, его отношение к этой войне.

Представляет интерес и рассказ А. И. Арнольди о его приезде в 1843 году в Одессу (здесь он бывал еще ребенком, когда была жива мать) и о встречах с родственниками Лорерами в этот приезд. Впоследствии Арнольди довольно часто приезжал в Одессу, посещая имение семьи Адамовку поблизости.

В 1840-е годы отец А. И. Арнольди жил в Кременчуге — там находился штаб резервной артиллерии, которой командовал генерал И. К. Арнольди. В конце 1852 года И. К. Арнольди вышел в отставку и в январе 1853-го поселился в Петербурге. Многие страницы публикуемых отрывков из мемуаров рассказывают о приездах А. И. Арнольди в родительский дом, посвящены отцу, братьям, сестрам, «счастливому семейству нашему».

Примечания

¹ Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма. — М., 1990. — С. 31.

² Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма. — М., 1990. — С. 31—32.

³ Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма. — М., 1990. — С. 287.

⁴ Записки декабриста Н. И. Лорера. — М., 1931. — С. 252.

⁵ Записки декабриста Н. И. Лорера. — М., 1931. — С. 266.

⁶ Оксман Ю. Лермонтов в записках А. И. Арнольди // Литературное наследство. — Т. 58. — М., 1952. — С. 470, 472.

⁷ Литературное наследство. — Т. 58. — М., 1952. — С. 449—476.

А. И. Арнольди

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Часть 2-я

Фрагменты

Таким образом тянулись мы длинную кишкою четвертый день и к вечеру достигли страшного отвесного обрыва, спуск с которого, едва проезжий, испорчен был совершенно горцами, и остановились ночевать, хотя вдали виднелся уже Дарго и в долине местность была открытая и безлесная. Только два батальона с двумя орудиями под командою генерала Лабинцова с невероятными усилиями и затруднениями были на канатах спущены в котловину и выдвинуты вперед. Я с линейными казаками был в прикрытии орудия, выставленного на самом краю обрыва, и тешился целый вечер, кидая ручные гранаты на головы шнырявших у подножия скалы горцев. Отряд наш, как я сказал уже, по необходимости растянулся верст на шесть по гребню лесистого отрога, от которого и вправо и влево тянулись то отлогие, а чаще весьма крутые спуски, изрытые еще геологическим переворотом земной коры. Рассыпанные по обе стороны длинные цепи стрелков, отстреливаясь от невидимых врагов, защищали отряд с боков; арьергард отбивался от беспрестанно наседавших толпами горцев, а авангард взял в эти четыре дня 9 или 10 завалов. При такой растянутости отряда в лесистой местности всякое управление частями, само собою разумеется, становилось невозможным и начальствующие лица и части мало того, что не видались между собою, но и не знали, что где делается в данную минуту. Я до того устал и измучился физически и морально, что, шляясь по кустам, имел несколько раз даже намерение всадить себе пулю в ногу для того, чтобы меня несли на носилках как раненого.

Ночь быстро наступила, и войскам приказано было ночевать на тех самых местах, где кого застанет приказание. С Сипягиным развели мы небольшой огонь у огромной колоды сру-

Публикация мемуаров А. И. Арнольди приближена к нормам современной орфографии и пунктуации.

бленного чинара и, покуривая трубочки, утоляли голод наш солдатскими сухариками, так как у нас, как и у всего отряда, воды не было уже четвертые сутки, и мы не видали все это время наших лошадей и выюков. Я начинал дремать, завернувшись в бурку, как вдруг казачий артиллерийский офицер весьма любезно предложил нам поделиться водою из небольшого кованого бочонка, который он берет с самого Герзель-аула на передке орудия и как опытный кавказец сумел сохранить на черный день. Через какую-то соломинку или камышовую тростинку утолили мы жажду, хотя, правду сказать, я никогда в мою жизнь не страдал ею.

Разлакомившись, решено было между нами добыть во что бы то ни стало чаю, и по жребию мне же досталось идти за ним ко выюкам. А где они? Как их найти? Я упоминаю об этом, чтобы наглядно показать растянутость нашего отряда на ночлег и те природные препятствия, которые войскам приходилось преодолевать, так как, пустившись часов в 9 вечера на поиск китайско-русского живительного нектара, только часов через пять вернулся и все-таки с пустыми руками: я никак не мог дойти до центра отряда, где должны были находиться наши выюки, хотя в темноте отважно и неутомимо шагал через раненых, сложенных по дороге, перелезал через орудия и зарядные ящики, попадавшие мне на каждом шагу, обходил коновязи артиллерийских лошадей, стоявших Бог знает в каком беспорядке на всяком мало-мальски ровном местечке.

Разочарованные неудачей, мы скоро с досады все крепко заснули, прижавшись плотнее к огромному стволу какого-то гиганта растительного царства. Редко кто обладает способностью тотчас же по пробуждении приходить в себя и одновременно пустить в ход все свои способности, но я думаю, что и такие счастливицы потерялись бы на первых порах, ежели б были разбужены так неожиданно, как мы, страшным грохотом ружейной пальбы, которая продолжалась несколько минут и невыразимыми перекатами повторялась эхом в горах. Полагаю, что в это время весь отряд вскочил на ноги и с глгучим нетерпением ожидал развязки, и уверен, что многим причудилось светопреобразование. Пронесясь с середины левой застрельщицьей цепи по всей линии стрелков кругом всего отряда, т. е. верст на 12—15, пальба разом прекратилась, как разом началась, и мертвая тишина воцарилась по-прежнему.

Вот что мы узнали на другой день: какому-то молодому солдатуку в цепи почудилось, что ли, или на него в самом деле наткнулся горец-вор, пробиравшийся к отряду, только новобранец выстрелил наудачу, а вся цепь для самозащиты разрядила свои ружья и, конечно, на ветер, так как неприятеля ни против кого не оказалось; горцы, незнакомые с системою аванпостов, вообще имеют обыкновение оставлять на ночь неприятеля и творят свой намаз. Рассказывали тогда же, что граф Штакельберг, поручик гвардейской артиллерии, ординарец графа Граббе, дремал в это время и держал свою лошадь в поводу, сидя на обрыве и свесив ноги в ту кручу, где расставлена была наша сторожевая цепь; когда вместе с другими он вскочил на ноги при первом звуке выстрелов, то не нашел уже своего коня подле себя, а отрезанный кинжалом конец чумбура был в его руках. Полагают, что счастливый вор, пробиравшийся сквозь нашу цепь и лишивший его коня, и был причиной всего переполоха.

Неожиданно на рассвете войска получили приказ отступать тем порядком, в каком находились, так что арьергард делался авангардом и наоборот. Говорили тогда, что к этому грустному решению, когда главная цель нашего похода была уже почти достигнута и Дарго виднелся впереди в синей дали, привела гр. Граббе громадная потеря, понесенная нами, как в людях (до 500 чел. убитых и 1500 чел. раненых), так и в патронах и зарядах, которых выпущено было двойной комплект на орудие и до полутора миллионов патронов, а между тем нам предстояло взятие неприступного аула и дальнейшее 16-дневное следование в Дагестан.

В 1845 году граф Воронцов, заменивший Головина и Нейдгардта, предпринял ту же экспедицию и взял-таки Дарго, но потерял до 14 тысяч человек выбывшими из строя, а особенно в так называемой сухарной экспедиции, где пал храбрейший Пассек, когда тщился выручить отряд, везший провиант к главным силам.

Наступление воронцовского отряда произведено было по другую сторону р. Аксая, почти параллельно нашему движению, а отступление — по той самой местности, где мы претерпели нашу неудачу...

Но все это были только цветочки, а ягодки ждали нас впереди!.. Самые отчаянные и дерзкие нападения со стороны горцев

начинались обыкновенно при отступлении отрядов, и тем грознее становились они, чем наша неудача была больше.

Лазутчики наши рассказывали впоследствии, что целые племена, как, например, тавлинцы, озадаченные неудержимым напором русских, верили в нашу непобедимость и медлили поднимать оружие против нас, доколе мы двигались вперед, несмотря на требования Шамиля, лично руководившего толпами. При первом же шаге нашем назад они обнажили оружие против нас и обрушились несметными толпами на таявший и без того отряд наш и увеличили число неприятелей наших до 13 тысяч, которым мы могли противопоставить только шесть или семь, так как многие тысячи солдатиков наших были обречены на пассивное участие в деле, вынося раненых товарищей и пополняя собой недостаток перевязочных средств.

Слепые исполнители воли начальства, плелись мы нога за ногу по знакомой кровавой дорожке обратно, и я шагал с казаками под грохот неумолкаемой пальбы в прикрытии тех же орудий, с которыми накануне был впереди всех. С большим трудом и потерями генерал Лабинцов выбрался за нами из трущобы, в которую был спущен накануне.

В одной из многочисленных котловин, в которые мы то и дело спускались, весь отряд наш был надолго задержан подломившеюся телегою или другим каким препятствием, и мы с 27 орудиями нашими на передках сучились в сплошную нестройную массу. Многие из ездových слезли с лошадей и беспечно отдыхали, утомленные солдаты всех частей войск без дела сновали взад и вперед.

Вдруг совершенно неожиданно взор мой остановился на толпе в черкесках, подобных нашим казачьим, которая с шапками в руках торопливо спускалась к нам по той лесистой отлогости, которую мы незадолго оставили за собой. Впереди всех мне бросился в глаза горец в темной черкеске с желтыми ноговицами и наколенниками, в заломленной назад папахе и с шапкой наголо в руках, лицо которого живо представляется мне и теперь. Белые оскаленные зубы его так и блестели на загорелом темном лице.

Картина пологого спуска, шагах в пятидесяти от меня, представляла в совершенстве потревоженную муравьиную кучу: на

половине расстояния между мной и упомянутой выше фигурой горца я увидел десяток-другой навагинцев, быстро отступающих или, лучше сказать, бегущих на меня вопреки усилиям какого-то офицера, который останавливал их и силился направить на неприятеля, выросшего перед нами как из земли. Тут же я заметил камердинера князя В. Васильчикова Мальма, в сером пиджаке с голубым галстуком на шее, преспокойно передающего повод вьючной лошади своего господина в руки того горца, которого я увидел первым.

Лишь только я сообразил, что мимолетное видение это — неприятель, первым движением моим было намерение броситься на выручку своих, но было уже поздно, так как, когда я оглянулся на товарищей казачков и артиллеристов как бы для того, чтобы увлечь их за собою, то уж никого не было возле меня, а орудия наши стояли на передках на тех же местах, но без упряжи, а грозная лавина быстро надвигалась без выстрела даже, предшествуемая толпой оторопевших беглецов наших, которая и увлекла меня в общий поток. Один в поле не воин!..

С трудом пробирался я с толпой трусов густым лесом в гору, не зная, куда приведет меня этот путь, но смутно чувствуя, что я только что сделал что-то нехорошее. Рассказывали после, что будто бы в этом несчастном месте навагинцы оплошали в цепи, пропустив десяток-другой отчаянных горцев, которые по сему случаю порядочно поживились, попав на нашу артиллерию, обоз и вьюки. Совершенно нечаянно выполз я версты за две по крайней мере на обширную площадку, покрытую чистым чинаровым лесом, на которой наконец нашел весь наш отряд, обоз, вьюки и генерала Граббе, спокойно курящего из длинного чубука.

Не знаю, что побудило меня, а кажется, что чувство самосохранения, подойти и заговорить с нашим спокойным начальником и просить позволения поставить на этом месте орудие, так как оно казалось мне удобным для защиты и доминировало над котловиною, которая кругом нас в это время кипела, как в котле, и застлана была сизым дымом. К удивлению моему, генерал не обиделся предложению безусого поручика и только спросил: а где его взять?

С гр. Толем и Гартингом (поручиком Веймарнского гусарского полка, старым товарищем по Пажескому корпусу, кото-

рого звали «Кот и повар», потому что он в детстве прекрасно говорил эту басню Крылова) отыскиали мы какой-то горный единорог и даже набрали прикрытия, растасовывая по поганам и воротникам отсталых ленивцев и трусов, которые в одиночку и парами, оставив свои части, предавались отдыху, когда другие их товарищи резались с горцами в цепи.

В это время деморализация в полках была полная. Да и не мудрено, так как большая часть начальников была ранена или убита и в одном только кабардинском полку три батальонных командира (Островский, Домбровский и Траскин) или были ранены, или же покоились сном непробудным.

Не знаю по чьему распоряжению, несколько кабардинских рот батальона Константина Траскина были спущены для отбития оставленных нами орудий, и я видел на этой же поляне Константина Семеновича на носилках, уже раненного, и говорил с ним в последний раз, так как он вскоре умер от вражеской пули, которая сразила его, когда он отбил оставленные нами 26 орудий (одно орудие горцы успели свалить в недосыгаемую кручу). Я помню его в розовой ситцевой рубашке и в золотых очках, лежащего в ряду многих наших раненых, когда, примостившись у дерева, я жадно пил чай, до которого наконец-таки добрался.

В нескольких шагах от меня рыли небольшие могилы для убитых, священник, переходя от одного умирающего к другому, приветливо нагибался над страдальцами и напутствовал в жизнь вечную тех, кому выпал жребий этот, а рота сапер, проработав порядком на завалах, с разбитыми почти у всех нижних чинов скулами от отдачи тогдашних кремневых ружей и с почерневшими от скусывания патронов губами, разливалась звонко ухарскую солдатскою песнею.

Что за животное человек! Как скоро он забывает, как притупляются все его хорошие, мягкие чувства!.. Я никогда не пил во всю мою жизнь чая с таким наслаждением, как в этот вечер.

С поручиком гр. Штакельбергом (умер недавно в звании посла нашего в Вене), завернув в шерстяное белое одеяло, похоронили мы Константина Семеновича Траскина между двух сросшихся деревьев и, заметив место, указали могилу его одному из мирных татар наших для вывоза тела при более благоприятных обстоятельствах на линию, что впоследствии и было исполнено.

Остаток дня мы устраивались, раздали на руки людям оставшиеся патроны и то, что не помещалось в патронные сумы, забирали в карманы, мешочки и затыкали даже за галстуки. Многие части обоза, как затруднявшие наше отступление, были изрублены и сожжены; соль и провиант рассыпаны и втоптаны в землю... Людей накормили горячей пищей, выдали спиртом винную порцию, и все оживило при звуках музыки, которая гремела по разным трупобам окружающей нас гористой и пересеченной местности.

Но вот пробили зарю с обычною ракетой и боевым зарядом, посланным по толпам уходящих горцев, спешивших совершать свой обычный намаз, и все стало утихать...

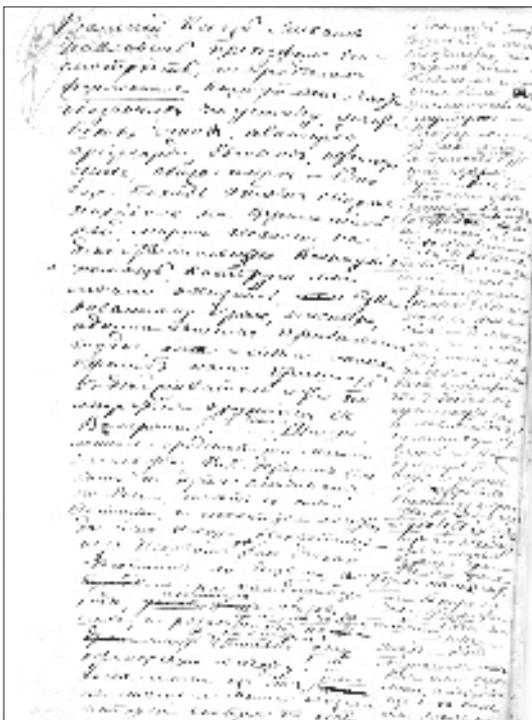
При наступившей темноте, которая казалась еще чернее, еще глубже от бесчисленных костров, раскинутых на необозримом пространстве, отряд наш поднялся, части выступали одна за другой, и мы потянулись почти ощупью за фонарем проводника...

Впоследствии я узнал, что ночное отступление это было военною хитростью с нашей стороны, так как оно дало нам возможность уйти без потерь от грозного неприятеля верст на пять и сохранило жизнь нескольких храбрых.

Как будто бы все чувствовали настоятельность строгого порядка и дисциплины, и 12-тысячный отряд с сотнями раненых, полевой артиллерией и вообще всякими тяжестями двигался в кромешной темноте в такой тишине, которая меня и поныне удивляет. Не слышать было даже стога раненых, которым, само собою разумеется, доставалось терпеть порядочно от толчков в непроходимом лесу.

И в эту ночь, как и в предшествующую, головной солдат, наткнувшись на горца-пастуха, выстрелом своим увлек остальных наших оберегателей, так что ружейная пальба на несколько минут огласила, как и двое суток перед тем, окрестность, и отряд остановился внезапно, как вкопанный, и простоял несколько минут. С последним эхом ружейного выстрела мы зашагали далее и к рассвету успели-таки сократить наш смертный путь на несколько верст, а очнувшиеся горцы соседних аулов и хуторов должны были догонять нас.

В этот день, соскучившись бездействием, я, взяв солдатское ружье, отправился в цепь и, хотя стрелял много, так что набил

Страница рукописи мемуаров А. И. Арнольди

себе даже ключицу, явственно не видел ни одного врага, а между тем вокруг меня были убитые и раненые.

Генерал Граббе, проезжая по цепи, узнал меня, говорил со мною и дразнил тем, что я опешил, т. е. сделался пехотинцем.

Кто-то из адъютантов генерала Головина, заступавший временно выбывшего из строя батальонного командира кабардинского полка, поручил мне заведование левою цепью, и я,

прикомандировав к себе горниста, имел случай припомнить несколько нехитростных сигналов, обыкновенно употребляемых на Кавказе и которые я знал еще в Пажеском корпусе.

Мы провели еще одну ночь в лесу и на седьмой день, т. е. 9-го числа, стали вылезать к Герзель-аулу открытым местом, тревожимые, однако, заметно поредевшим вокруг нас неприятелем.

Версты за две до крепости я совсем неожиданно нашел свою лошадь и, взгромоздясь на нее, опередил отряд и поспешил на место прежней стоянки своей на берегу быстрого мелкого Аксая, где раньше стояла моя палатка.

В ожидании выюков я погрузился в мутную воду, которой и наглотался, видно, через меру, потому что на другой день почувствовал страшный озноб и, несмотря на 40-градусную жару в воздухе, мерз невыносимо. К счастью, моя крепкая натура пе-

ренесла приступ этой злой лихорадки, свойственной Кавказу, а я воздержанием от всякой пищи и лимонной кислотой с чаем, без латинской кухни и пособия врачей, выздоровел, но ослаб до того, что еле-еле держался на лошади даже через неделю, когда мы двинулись в Дагестан в новую экспедицию.

Товарищ мой и сожитель Всеволод Николаевич Сипягин заболел ветряной оспой, и гладкое хорошенькое лицо его покрылось какими-то гноевидными пузырями, которые, сливаясь, образовали одну общую большую рану, так что он принужден был отпроситься на излечение в Тифлис, и мы с ним расстались.

Ротмистр кавалергардского полка Скарятин, впоследствии убитый в 1848 году в венгерской кампании под Германштадтом, поскакал в Петербург с донесением о неудачной экспедиции к государю и был сделан флигель-адъютантом, а по войскам отдан был приказ, в котором генерал Граббе благодарил нас за совершенные в эти дни подвиги и приписывал всю неудачу экспедиции себе, тогда как, по-моему, он был виноват в этом, как Иисус перед жидами... Говорили тогда, что Скарятин повез с собою прошение несчастливого начальника нашего об увольнении его от должности начальника войск на линии.

Скарятин, потерявший в этой экспедиции свои выюки, подобно многим офицерам, не имел даже белья на перемену, и я помню, как мы наделили его разными частями одежды, кто чем был богат. Золотые часы мои с эмалью, с разбитым стеклом, отданные по неимению шкатулки на сохранение тому же Скарятину перед экспедицией, само собою разумеется, также пропали с его выюком, но вообразите мое удивление, когда я однажды прочел в объявлении от штаба, ежедневно отдаваемом при приказе, что в числе разных шинелей, халатов, белья и других вещей, отбитых удалыми и честными солдатами нашими, были поименованы и мои часы; видимо, они побывали в чужих руках, ибо, когда мне их отдали, они изображали собою безобразный комок золота, бронзы и стали.

Новый отряд формировался для новой экспедиции, и Граббе прислал мне с начальником штаба Норденстамом предложение состоять при нем ординарцем. Я с радостью, конечно, ухватился за этот случай, уверенный, что впредь не буду по крайней мере голодать и бедствовать.

Мы выступили к Темир-Хан-Шуре при страшной жаре. На первом переходе я впервые увидел и познакомился с четверьмя офицерами прусских войск: поручиками бароном Вердером и Гиллером — 1-го гвардейского полка и бароном Герсдорфом Невшательского егерского батальона, прибывшими в наш отряд с позволения своего правительства для участия в экспедициях и ознакомления с своеобразной кавказской войной.

Вердер был маленький желтенький немец и в то время не выказывал тех особых военных дарований, какими отличался, командуя корпусом в последнюю франко-прусскую войну, сумев благоразумно окончить осаду Страсбурга. Гиллер в 1843 году был ранен в одной из экспедиций, получил Владимира с бантом, и мне удалось его встретить в 1865 году на наших маневрах в Красном Селе и уже в чине генерал-лейтенанта. Под Кенигсгрецем он пал во главе кавалерийской дивизии. Герсдорф был рослый и тучный стрелок, а четвертого немца я и совсем не помню.

Все они казались нам тогда пресмешными и их порядочно надували лошадьми и оружием, которыми эти донкихоты по необходимости обзаводились на правительственные, впрочем, деньги, которыми были аккредитованы в Тифлисе.

Помня хорошо, что иноземцы-соглядатаи, посещающие углы и закоулки России, большею частью выносят о ней сведения неверные, неточные и ошибочные, мы все наперерыв старались указывать этим тевтонским рыцарям только на особенно выдающиеся резкие и хорошие стороны нашего солдатского быта, и мне удалось на первых же порах удивить их, обратив их внимание на выносливость русского солдата.

Как я сказал уже выше, жара стояла тропическая, и на 42-верстном переходе без воды немчики наши раскисли порядочно и, повеся носы, плелись перед толпой полковых песенников, которые заливались вслед за своим запевалой. Несмотря на то, что запевала, заложив ружье за ранец и тонким фальцетом выводя затейливые ноты, всю дорогу управлял хором и проплясал впрысядку, а часть ее прошел даже на руках, он на привале, в довершение всего, снял сапоги, разулся и в грязной онуче своей принялся размачивать полузаплесневелые сухарики свои в какой-то луже и с наслаждением лакомылся ими. Нем-

цев, видимо, покорило это знакомство с суворовскими и ермоловскими богатырями!

Верст за 7 от Темир-Хан-Шуры начальник Дагестана генерал-лейтенант Клюки фон Клюгенау выслал нам навстречу какие-то дроги, линейки для штабных и несколько бочек воды для отряда. При въезде в форштадт нас встретило все незатейливое военное население городка, и слух наш был очарован звуками мотивов «Нормы», «Монтеки-Капулетти» и штраусовских вальсов. Я был в чрезвычайно приятном настроении духа, когда увидел наконец женщин с зонтиками, детей и всю эту мирную обстановку, и просто очарован, когда слез у крыльца дома, отведенного для адъютантов Граббе, где мы скоро разместились в прохладных чистых комнатах. Где я нашел на столе и сочные фрукты, и мед, и лед, которые нам предложены были радушными хозяевами нашими. Мне кажется и до сей поры, что только военные могут ценить блага мира сего и наслаждаться такими предметами, которые большинством человечества попираются ногами и без которых, по их мнению, не может жить ни один цивилизованный!..

Я дежурил в очередь при генерале Граббе в доме командующего войсками Дагестана и познакомился с женою генерала Клюки, плотной немкой с грубыми чертами лица и наклееными бровями, которые она при встрече главного начальника края в торопливости наклеила неравномерно, одну изгибом кверху, а другую — книзу! Она была преласковая барыня, постоянно снабжала меня экземплярами «Revue de deux mondes» и помогала коротать скучные дежурства. Только однажды я сопутствовал генералу в поездке его в евгениевское укрепление (чиркей) на Сулаке, верстах в 20 от Темир-Хан-Шуры, и успел срисовать предместное укрепление и крутые шиферные берега Сулака.

В свободное время мы ездили с Жерве по окрестностям верхом и посетили между прочим Кафыр-Кумык, нечто вроде средневекового замка на неприступной горе, бывшего когда-то главным местопребыванием правителя страны до покорения ее русскими.

Не помню, сколько времени мы блаженствовали в Темир-Хан-Шуре, только в одно утро отряд, назначенный в экспедицию на Андийский Койсу, где, кажется, намечались заложить

укрепление, снялся и потянулся в горы, предшествуемый главным начальником Граббе и его многочисленной свитой адъютантов, ординарцев, в числе которых находился и я. Мы весело гарцевали шумной толпой на своих отдохнувших конях покуда по плоской равнине, но вскоре втянулись в ущелье и стали подниматься в горы.

Характер местности Дагестана совершенно иной, нежели Чечни, Кабарды, Кубанского края и других мною посещенных. Горы лишены всякой растительности, да и самая травка, попадающаяся на отлогостях, выжжена была палящим солнцем.

При заходящем солнце достигли мы высшей точки перевала и, обогнув его, вскоре пришли в Бурундук-Кале, оборонительную башню с орудием на верхней платформе и несколькими десятками солдатиков — ее защитников. Составляя отрог главного Кавказского хребта, горы эти называются, кажется, Арак-тау и возвышаются на 8000 футов. Не ручаясь за верность цифры этой, скажу только, что, выехав накануне из Темир-Хан-Шуры без сюртуков, мы наутро на привале едва согревались бурками, шубами и проснулись занесенные снегом.

На самой высшей точке перевала я невольно отстал от свиты товарищей, чтобы насладиться и восхищаться обширнейшим видом *vol oiseaux*, какой когда-либо удавалось мне видеть. Огромной географической картой расстился почти весь Кавказ у моих ног: вправо серебрилось Каспийское море, Терек голубой ленточкой, с появления своего на равнине из Казбека, струился бесконечными изгибами по всей долине, омывая станицы Екатериноград, Моздок, Наур, Червленную, Шелковичную, и в кумыкских степях терялся у Кизляра в море, а влево Кубань, пройдя некоторое расстояние параллельно с ним, круто поворачивала на запад и катила свои волны в Черное море. Вся местность была застлана розовым оттенком, и целые леса в несколько десятков верст в диаметре казались небольшими лиловыми пятнами; пыль, вздымаемая стадами скота и овец, возвращающихся в станицы, и дым из труб жилищ, при безветрии, золотыми облачками пестрили всю картину на трехсотверстном пространстве... В то время я был еще слаб в живописи, но все-таки жалею, что не набросал на бумагу этой прелестнейшей панорамы, и удивляюсь тому, что истые артисты наши пейзажи-

сты не черпали своих вдохновений в этой стране красот, а рутинно воспроизводили постоянно одни и те же местности Рейна и Швейцарии, которые далеко не представляют того дикого величия и разнообразия, которыми изобилует Кавказ.

Флигель-адъютант князь Гагарин, воспитанный в Париже, состоявший в то время при наместнике Головине (ныне вице-президент Академии художеств, женатый на Sophie Дашковой), делал с нами этот поход и впоследствии познакомил артистический мир с Кавказом, издав сотню или более видов его с описанием на французском языке, сделанным графом Штакельбергом под названием *Le Caucase pittoresque*. Виды прелестнейшие, но издание дорого и не многим доступно. Карандаш Гагарина бойкий, а выбор местностей и эпизодов кавказской жизни вообще отличается изящным вкусом и вполне знакомит любителя с этой страной. Правда, что в то время доступ в дикие ущелья Колхиды был не всегда возможен для артиста, и ежели такой охотник появлялся, то мог проникать в них только вместе с отрядом. С умиротворением Кавказа стали появляться на выставках эти невиданные доселе чудеса, перенесенные на полотно, и лучшими я считаю некоторые виды профессора Лагорио, а безукоризненными — немецкого профессора Горшельда (недавно умершего), состоявшего при князе Барятинском, с которым он успел побывать на всем пространстве земель когда-то нам враждебных и негостеприимных, а также Тима, ученика Гораса Верне, побывавшего с ним в Алжире, который, издавая «Художественный листок», часто помещал там виды Кавказа и эпизоды 60-летней войны нашей в этом крае.

Переночевав близ Бурундук-Кале на крутых скатах гор, окружающих башню по левой ее стороне, мы стали спускаться в темный и узкий коридор меж диких скал. Пройдя аул Игранай, окруженный садами, добрались до предмостного укрепления нашего Зыряни, где генерал Пассек с офицером Гродненского гусарского полка Хелмицким, моим товарищем, на следующий год, т. е. в 1843 году, был блокирован или заперт Шамилем и откуда выбрался с помощью генерала Фрейтага, пришедшего ему на спасение из Темир-Хан-Шуры.

Вообще вся эта местность, по которой мы прошли, покорялась оружию русских исподволь, шаг за шагом, а часто даже не

оружием, а предательством влиятельных туземцев, постоянно враждующих между собою.

Самая незначительная размолвка с нашими приставами в Чимрах, Чергебиле и прочих разбойничьих гнездах искрой поднимала по-видимому смиренных наших подданных, которые сейчас же легко расправлялись с небольшими командами нашими, разбросанными по аулам более для виду, и весь край охватывался восстанием. Так случилось в 1843 году с тою местностью, которою мы свободно проходили в 1842 году. Много стоило нам трудов и крови, чтобы восстановить прежний порядок и завладеть стратегическими пунктами.

В Зырянах, за неимением места для всего нашего штаба в крепости, я провел ночь в палатке под саманными (глина с навозом) стенами укрепления и никогда не забуду тех мучений, которые испытал с другими своими товарищами ночлега от земляных блох, мириадами облепивших нас и немилосердно сосавших нашу кровь. Воображаю, каково было положение гарнизона, обязанного постоянно там находиться.

Зыряни аул лежит в садах у подножья отвесной скалы, а переправа производится на летучем пароме. Версты за две от укрепления горная дорога, по которой мы шли, круто поворачивает вправо и, то пролегая по иссохшему ложу речонки, то извиваясь по скалам, углубляется все ниже и ниже до Цатаныха и Моксоха по круглякам и мелким голякам. У Цатаныха мы ночевали в глубокой котловине, под страшным ливнем, а утром совершенно тонули в густом тумане облаков, которые окутывали нас со всех сторон и часто раздражались страшными раскатами грома, когда по временам солнце сверху обдавало нас.

На третьем или четвертом переходе, углубясь в земли непокорных нам горцев, мы все спускались ниже и ниже с военными предосторожностями к бешеной речке Андийскому Койсу, имея храброго полковника генерального штаба Шульца в авангарде. Он так быстро подвигался, опрокидывая неприятеля, что выстрелы его отряда слышались нам верст за десять впереди.

Главные силы остановились на привале, и генерал Граббе, опасаясь за авангард, слишком выдвинувшийся, послал меня удержать ретивого его начальника. Поручение было доволь-

но опасное, и я помню, как я неистово скакал по каменистому крутому спуску через дымящийся в развалинах, только что нами взятый аул в сопровождении казака своего Курмонаярова, когда по покатосям и вправо, и влево от меня попадались грациозно рисующиеся мрачные фигуры горцев, только что выбитых из своих домов.

Ежеминутно ожидая вражеской пули, я несся как ураган и наконец-таки поймал сумасшедшего начальника авангарда, когда он обделал уже все без помощи других войск. Исполнив поручение, я не почел нужным возвращаться к своему начальнику и решился дожидаться отряда на горе, соединяющей два отрога гор, от которой местность в одну сторону спускалась террасами верст на семь к самой реке, а в другую подымалась, громоздя голые скалы все выше и выше, что представлялось мне какою-то розовою фантастическою завесою.

Я назвал полковника Шульца сумасшедшим потому, что его все так называли на Кавказе за то, что в одном и том же деле, будучи ранен сначала в руку, а потом в ногу, он перевязал их только платками и, оставаясь в цепи, дождался-таки третьей пули в щеку, которая выбила ему зубы и снесла все небо... При мне он часто вынимал свою искусственную челюсть и свободно выдвигал серебряную пластинку, заменявшую ему небо, и проделка эта делала его неузнаваемым. Впоследствии, говорят, он женился в Остзейском крае на молоденькой и прехорошенькой немочке, а в крымскую кампанию, имея годовой отпуск в кармане, провел целый год на укреплениях и в траншеях Севастополя волонтером. Каждый должен согласиться, что такая чрезмерная любовь к опасностям ненормальна, но природа человеческая разнообразна до бесконечности и Шульд не единственный пример в рядах нашей армии.

Старики очевидцы рассказывают, что Остерман-Толстой и князь М. С. Воронцов никогда не бывали так остроумны, находчивы и любезны, как в самые критические минуты их боевой жизни, под градом картечи, пуль и ядер. Завидное настроение.

Наконец отряд наш сосредоточился в котловине за Горжей, о которой я говорил выше. Штаб разместился на небольших террасах волнистой местности, а авангард спустился к самой реке, верст за пять в ногах наших. Жерве, Гартинг и я помести-

лись в одной палатке, подле палатки Веревкина, полковника генерального штаба, которого все называли Ахмет-ханом, ибо он обзавелся шелковым значком по примеру наибов Шамиля и всегда являлся в рядах наших, сопутствуемый этою хоругвою. За участие в какой-то дуэли в гвардии он незадолго перед сим сослан был на Кавказ и, хотя отличался храбростью, умом и знаниями, не сделал себе, однако ж, карьеры, потому что сильно придерживался «зелена вина».

От скуки я и Жерве всходили утром на другой день на гору вправо от нас, поднимающую высоко под облака свою верхушку. Я упоминаю об этой прогулке потому, что артистическое любопытство мое было на другой же день наказано самой несносной командировкой, которую я когда-либо получал за свою службу.

Вечером Граббе со свитой и конвоем собрался на обозрение местности, занятой нашим авангардом, и мы сделали приятную прогулку верхом, хотя на одной небольшой разветвляющейся долине, у подножия отвесных скал, по нас стреляли горцы, засевшие на самом гребне утесов. Несколько станков крепостных ружей, направленных очень метко, свалили с подоблачной кручи несколько вражеских трупов, и мы избавились от докучливых защитников Шамиля.

Местность оказалась неудобною для возведения укрепления, и нужно было отступить или, лучше сказать, выбраться из мешка, в который мы забрались, с наименьшею потерею. Несметные толпы Шамиля окружали нас со всех сторон, а смельчаки постоянно перестреливались через речку с нашею сторожевою цепью, и я с этого пункта хорошо рассмотрел в подзорную трубу имама под огромным дождевым зонтиком, окруженного верными мюридами.

Штаб вернулся из рекогносцировки в сумерки, и кавказская ночь быстро накрыла нас мраком, маня к отдохновению.

Было около 11 часов, когда, не снимая верхнего платья и закутываясь в бурку, я умищался на войлоке в своей палатке и мысленно сожалел о тех, кому выпадет жребий быть на службе при генерале в такую пору темной ночи, как до меня явственно долетели звуки голоса, меня звавшего. Я притворился спящим, но товарищи меня растолкали, и я, потеряв надежду на возможность уклониться от настойчиво преследующего зова, оделся и

смело вышел навстречу неприятности в лице начальника штаба отряда полковника Вольфа (ныне генерала от инфантерии в кодификационной комиссии).

Узнав, что я утром взбирался на гору, нависшую над нами, он вздумал послать меня к секрету нашему, бывшему под командою гвардейского офицера Соболевского, с приказанием держаться там до последней крайности и оберегать наш правый фланг и тыл до присоединения авангарда к главным силам отряда, ежели бы горцы пытались охватить нас с этой стороны.

Волею-неволею я должен был исполнить это немудреное, но головоломное поручение и, проверяя у Жерве приблизительное направление поста, хотя мы до него утром и не доходили, пустился в темноте отважно шагать, падать, спотыкаться, скатываться и проделывать разные эквилибристические штуки. Мне казалось, что я давно уже должен был перевалить за высокий гребень этого гиганта, но я напрасно оглашал подоблачное пространство своим отчаянным голосом — Соболевский не откликнулся.

Далеко внизу, к стороне неприятеля, хотя и без звука по своей отдаленности, начали уже вспыхивать огоньки ружейной перестрелки и змейкой взбирались по горе, где я находился. Я разом понял всю важность поручения, мне данного, и тот вред, который произойдет от несвоевременной передачи приказа, и, хотя порядочно устал, еще быстрее стал спускаться с кручи, намереваясь взять лошадь и во что бы то ни стало достигнуть цели. Мигом мой горский конь был оседлан, а сметливый солдатик из той части, от которой был выставлен секрет на горе, указал мне даже тропу, по которой я стал взбираться ввысь. Подъем был в некоторых местах до того крут, что я буквально ложился на шею своей лошади, и камни беспрестанно катились из-под ее ног, а поводья болтались, так как я предоставил умное животное его собственному инстинкту.

Вдруг мой запыхавшийся конь отчего-то остановился и не хотел сделать ни шага вперед, несмотря на понуждение нагайкой. Осторожно слез я с него и в темноте не мог нащупать ногою ни впереди, ни сбоку почвы, так как мы стояли, вероятно, с моим буцефалом на каком-нибудь пьедестале и при свете могли бы послужить моделью любой конной статуи, да еще в такой невозможной позе, за какую не взялся бы и сам Фальконет. Не отдавая

себе отчета в том, что я делаю, но не выпуская, однако же, повода, я обошел или, лучше сказать, обтерся о коня и сильно дернул его на себя, чтобы повернуть его обратно. Поворот совершился благополучно, и я снова спустился к тому месту, откуда начал свое восхождение, а отдав лошадь, в третий раз полез в гору, решившись перебраться скорее в Закавказский край, чем вернуться к начальнику штаба, не исполнив поручения. К счастью моему, начинало светать, а выбирая удобные места, на которые я становился уже сознательно, я скоро отыскал Соболевского.

Представьте себе проклятия, которыми я осыпал моего товарища, когда он мне сообщил, что в предшествующие мои два восхождения он слышал мои неистовые крики отчаяния и не отзывался по правилам устава, который требует полной тишины и скрытости от таких постов. Мне кажется и теперь, что на этот раз товарищ мой пересолил.

Измученный донельзя, оборванный, весь в грязи скатился я с высоты, когда солнце стояло уже довольно высоко, и, отдав отчет полковнику Вольфу в поручении и проглотив чарку спирта, им предложенную, я заснул, можно сказать, у ног его сном непробудным, потому что меня не потревожила даже страшная пальба, возгоревшаяся в отряде у Кюки фон Кюгенау, только он стал отступать.

Жерве был при нем в этом деле и с отважным генералом этим, с его адъютантом и несколькими конвойными казаками отбил орудие, оставленное где-то на террасе, с которой оно по темноте не могло выбраться. Еще до присоединения авангарда принесли к нам на площадку несколько десятков раненых, и по моем пробуждении Граббе послал меня на перевязочный пункт в помощь врачам для рассортировки и направления тех из них, которые могли обойтись без посторонней помощи, по пути нашего отступления. Исполняя это грустное поручение, я переходил от одного раненого к другому и набрел на двух солдатиков, которые дружно и спокойно сидели между своими мешками, амуницией и ружьями.

- Вы что, ребята?
- Раненые, ваше благородие.
- Во что?
- Я в шею, а я в ногу, ваше благородие.

— Вас перевязали, чего ж вы ждете, ребята? Можете ли идти одни?

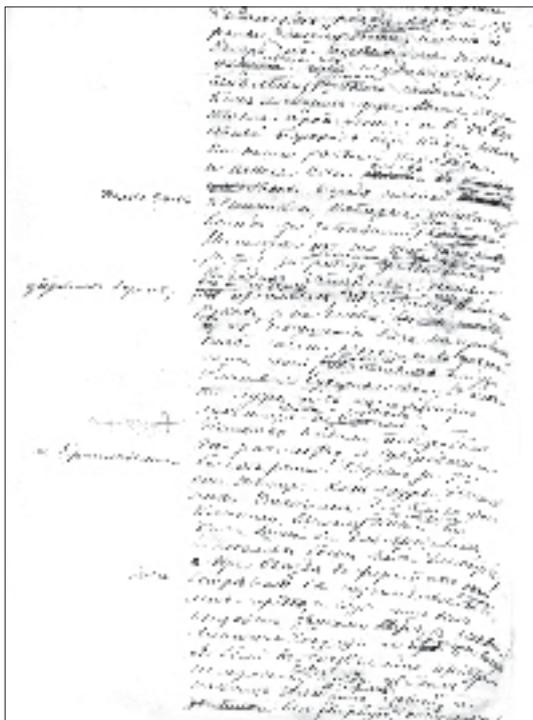
— Можем, ваше благородие.

— За чем же дело стало?

— Так вот казенной амунички некому сдать, капитанармуса нет...

— Ну я вам помогу; вот вам по рублю на водку — и с Богом в путь.

И раненый в шею, поддерживая раненого в ногу, заковыляли по дорожке в гору. Имена этих безответных солдат Шандалин и Ши-

Страница рукописи мемуаров А. И. Арнольди

роков, Апшеронского пехотного полка, записаны у меня в записной моей книжке того времени.

Горцы провожали нас выстрелами до перевала, где стояли палатки штаба, а до Цатаныха мы дошли уже без выстрела.

Не знаю, для какой цели, с этого ночлега часть отряда нашего возвращалась с ранеными и тяжестями прямо в Темир-Хан-Шуру, а часть потянулась в Аварское ханство, в Хунзах, владетель коего элиссуйский султан был, как кажется, в это время ненадежен в верноподданничестве и, находясь в отсутствии, строил какие-то козни против нас в стане Шамиля.

Хунзах, столица Аварии, лежит на плоском плато, которое на окраине селения обрывается отвесной скалой, в пропасть которой бросали преступников, приговоренных к смерти. Эта новая Тарпейская скала изображена в альбоме князя Гагарина.

Я посетил дворец-саблю владетеля, набросал вид с его плоской крыши и ночевал в той самой комнатке, где влачила свои дни Султанета, предмет жгучей страсти Амата-бека, так поэтически описанная Марлинским (Бестужевым) в повести того же имени. Комнатка была совершенно лишена мебели, хотя чашечный цветок бальзамина в горшке на окне указывал мне ясно, что этот приют неги посещался и поныне живыми существами. Мириады земляных блох, мучившие меня целую ночь, несколько охладили мое разыгравшееся воображение. Я посетил также мечеть, т. е. почти развалившийся сарай, где убит был Гамзат-бек, преемник учения Казимуллы, погибшего от штыков наших в Гимрахе при начале мюридизма, им проповедуемого, в 30-х годах.

Без всяких приключений мы возвращались через несколько дней в Темир-Хан-Шуру, где отряд наш должен был быть распущен.

Здесь уместно припомнить один небольшой эпизод из кавказской жизни и тех отношений наших к мирным горцам, которые поражают и поныне человека, не знакомого с его дикими обитателями. Личная отвага, дерзкая храбрость и находчивость в минуты опасности, вовремя выказанные, всегда обуздывали грубые инстинкты толпы, и человек, подобный закаленному в боях Кюки фон Кюгенау, часто спасал Кавказ одним своим словом от больших недоразумений и кровавых столкновений.

Надобно знать, что, когда мы потянулись в Игали, дагестанское начальство обеспечило наше наступление туземною милицией, которая выставлена была наблюдательными постами в более опасных местах. Отряды эти по недоразумению или по оплошности и нераспорядительности канцелярий продержали на позиции долее того времени, на которое они снарядились, и вот, когда Кюки фон Кюгенау распорядился войсками нашими при крутом спуске, а Граббе со свитою, опередив его, собирался завтракать под развесистым каштаном, к нам направилась нестройная толпа пеших мусульман и, обступив главного начальника края, начала через переводчика высказывать свои жалобы. Граббе готов был внять им и взять их сторону, когда подъехал на рыжем Карабахе и сам виновник несправедливости, которой подверглись горцы, генерал Кюки. «Что такое,

что такое?» — вопрошал он на ломаном русском языке и, едва успев выслушать объяснения Граббе, ринулся в толпу лезгин и беспощадно стал наделять оторопевших горцев полновесными пощечинами, приговаривая: «Подлецы, скоты! Экая беда, что вам довелось проголодать день-другой, когда русский честный солдат всю жизнь свою на Кавказе и по вашей милости голодает или питается одними сухарями... Пошли прочь!» — и минутное возмущение было укрощено несколькими пощечинами.

Рассказывали, что этому самому Кюлки в 1839 году, когда государю Николаю Павловичу вздумалось посетить Кавказ, поручено было склонить Шамиля выехать навстречу русскому падишаху с поклоном. Переговоры об этом политическом свидании велись долго через влиятельных туземцев, и для окончания их Шамиль требовал личного свидания с Кюлгенау, предлагая ему Курадахский мост как место, где они могут съехаться и сговориться.

Зная вероломство горцев, можно было видеть в этом приглашении ловушку, но Кюлки, ни минуты не колеблясь, согласился на это свидание и к довершению дерзкой отваги тотчас же отправился вглубь неприязненных нам земель, в какое-то орлиное гнездо, с шестью донскими казаками.

Шамиль принял его на ковре, окруженный шестьюстами мюридов, готовых по мановению своего повелителя на всякое безумство и зверство. Но все это ничто в сравнении той опасности, которой подвергался одно мгновение горячий генерал, когда, помогая себе палкой и взобравшись на скалу, протягивал уже Шамилю дружескую руку. Фанатик Ахверды-Магома, отважнейший из наибов, мгновенно бросился между ними и остановил своего повелителя, требуя, чтобы он не осквернил рук своих прикосновением гяура. Всплывший генерал наш замахнулся на него палкой и, осыпая ругательствами, сумел-таки доказать ему, что честь пожатия руки русского генерала останется при имаме, и сей последний крепко пожал ее. Однако переговоры не удались, и Шамиль не выезжал на встречу государя.

Побывав в двух различных местностях Кавказа, мне и многим другим моим товарищам захотелось посетить и другие страны его, и мы напросились в отряд, который через Грозную, по сухумской линии через Казак-Кичу и Закан-Юрт, направлял-

ся на Оссу для возведения укрепления в Галашевском ущелье и должен был послужить связью в той цепи укреплений, которая железным кольцом опоясывала все теснее и теснее горцев, обитателей равнин.

Два батальона кабардинцев с дивизионом полевой артиллерии под командою высокого немца полковника Гротенфельда вскоре отделились от отряда и направились к крепости Грозной, куда мы прибыли ночью и долго ожидали на площади, покуда нас разведут по квартирам.

Усталый, со многими своими товарищами я терпеливо ожидал десятников, которые суетились, размещая высшее начальство, как неожиданно был обозван знакомым голосом старого корпусного товарища и однокашника Тимирязева, о котором совсем забыл с тех пор, как он выписан был на Кавказ из егерского гвардейского полка за какой-то неблагоприятный поступок за карточным столом. В корпусе я был дружен с этим человеком, умным, красивым, отлично учившимся, а здесь встреча с ним была мне неприятна и как-то болезненно отозвалась на душе; однако я не смог выказать ему своего презрения и принял предложение ночевать у него. Впоследствии я узнал, что блистательной службой на Кавказе несчастный товарищ мой успел стяжать себе репутацию бесстрашного офицера, был изукрашен многими орденами и убит под Севастополем в должности командира полка.

<...>

На другой день к вечеру мы достигли места, где предполагалось возвести укрепление, и после легкой перестрелки с туземцами расположились огромным квадратом на берегу р. Осы; наутро инженерный капитан Касслер уже начал разбивать укрепление, команды занимались выделкой саманного кирпича, рубкою огромных чинаров, за которыми мы ездили версты за две на склоны гор, окружавших нас с юга и запада, а также добывали правильные плиты и столбы с магометанских кладбищ в ущелье.

Начальник отряда полковник Нестеров, комендант Владикавказа, приезжал с нами познакомиться и, сделав свои распоряжения, возвратился к своему посту, поручив командование и наряды тому же Гротенфельду, с которым мы пришли, и дав ему в помощники в виде адъютанта товарища моего по корпусу Александра Маевского, разжалованного из штабс-капитанов

и полковых адъютантов лейб-гвардии литовского полка за покушение на убийство одного из своих однополчан, который в крупном разговоре ударил его линейкой по руке. У Маевского в то время, к несчастью, был в руках кинжал для разрезывания книг, и он не задумался всадить его в спину дерзкому нахалу. Маевский, очень умный человек, искупив свою вину трехгодовой солдатской службой, был произведен в офицеры и убит, кажется, в 1845 году при штурме завалов.

Из других моих товарищей того времени я помню хорошо артиллеристов Торельда, начальника нашей немногочисленной полевой артиллерии, Брискорна Петра Ивановича и Левенштерна, а также прусских офицеров, о которых я говорил выше.

С Вердером мы состряпали доморощенный мерный столик адолит и, имея компас, сняли окружающую нас местность. Мне довелось впоследствии читать, уже не помню в каком иллюстрированном французском журнале, заметки этого маленького немчика.

Я жил с Жерве и графом Толем в балагане из хвороста, который мы изнутри обтянули палаткой и коврами и устроили себе прекомфортабельное жилище на западном фесе нашего лагеря. Мы проводили время то на работе, которая кипела при возведении укрепления, то потешались зрелищем джигитовки и перестрелки наших линейцев с неприятелями, которые постоянно рыскали вокруг стана нашего и пользовались всякою нашею оплошностью.

Часто денщик мой, старый слуга батюшки еще, Дементий, будил меня словами: «Вставайте, уж началось» — и приглашал на перестрелку, как на какое-то представление, и мы зачастую ходили на тот фас, где гремели выстрелы, и пили свой утренний чай на линии огня. Однажды перестрелка эта была особенно жива, хотя и безвредна, и занимала нас удалством наших ловких линейцев, которые перестреливались с десятком-другим оборванных горцев, из которых один в чалме и красном одеянии особенно отважно и близко подъезжал к нам.

Находясь возле заряженного полевого орудия и его прикрытия, я подстрекнул Брискорна пустить картечью в этого нахала, а когда он исполнил это и священная особа мгновенно свалилась с лошади, рота кабардинцев без всякой команды ки-

нулась за телом муллы, и мы все кучею устремились к нашей добыче. Но так как горцы всегда дорожат телами своих единоверцев, то весьма естественно, что и на этот раз толпа их ринулась на защиту своего павшего муллы, и передовым солдатам нашим досталась только чалма и сапоги убитого, которые с триумфом принесены были нами в лагерь. К счастью, что при этом шуточном столкновении не было убитых и только некоторые завязтые солдатки поплатились небольшими царапинами и легкими шашечными ранами. Нестеров, узнав впоследствии о моей проделке, хотел посадить меня под арест, но, к счастью моему, не исполнил своего намерения.

Вскоре мне поручено было исправление должности офицера генерального штаба, и я по очереди с Жерве поверял караулы, посты, днем выбирал места для секретов и принимал лазутчиков. Ночи были темные, и мне часто случалось плутать от одной пары часовых до другой и, надеясь на свою горскую лошадь, проезжать по таким местам, по которым и днем я не решился бы направить ее.

Однажды в день моего дежурства, поздно ночью, я был вызван в цепь для принятия лазутчика. Со всеми предосторожностями, употребляемыми в таких случаях, я свел его к Нестерову, находившемуся тогда в отряде, и присутствовал при его допросе. Дикий горец без оружия, сложенного в цепи, закутанный в башлык, открывавший только его искрившиеся плутовские глаза, прискакал за 35 верст из партии удалцов-горцев, чтобы за несколько серебряных русских рублей сообщить нашему начальнику, что на рассвете партия его с добычею, сделанной на линии, будет пробираться восвояси там-то, и таким образом продавал жизнь своих товарищей. Вот после этого и жалеете этот рыцарский народ, защищающий свою свободу! А таково было мнение нашего общества, не знакомого с разбойничьим характером горцев. Притом нельзя сказать, что это предательство было исключительным случаем, так как повторялось ежедневно; некоторые обитатели различных местностей Кавказа, находясь между двух огней — штыков русских и мести Шамиля, часто меняли свое подданство и наружную покорность русскому оружию и исподволь пробирались себе да пробирались в трущобы.

Рассказывали тогда, что вскоре после того, что отряд наш занял указанное место с боя и стал возводить укрепление, Шамиль, обозревая окрестные аулы, повесил нескольких старшин за то, что они не смогли защититься и уступили нам, а по удалении Шамиля бедняки переселились под выстрелы возводимого нами укрепления.

На другой день, по сведениям, доставленным лазутчиком, о котором я говорил, Нестеров стоял уже в непроницаемом тумане скрытно с небольшим отрядом на броне какой-то бешеной речонки, которой имени не помню, а с гор бдительные линейные казаки наши следили за партией, которую подлый лазутчик обещал навести на нас, расположенных в густом орешнике. Целый день, однако, мы прождали напрасно и только вечером встретили на самой переправе несколько десятков воров со скотом наших станиц, и почти всех их потопили или уничтожили картечными выстрелами.

В один жаркий день я лежал почти раздетый в своем балагане с открытыми лубочными дверями и рассеянно глядел на отлогий скат гор, на выстрел от меня поднимающийся и увенчанный тем лесом, из которого мы брали бревна для возведения оборонительных казарм наших. Вдруг в лагере раздался пушечный выстрел и забили тревогу. Выскочив в одном белье, я увидел на этой отлогости огромную толпу горцев, исключительно на белых конях, как ураган несущихся во весь карьер на наш стан. Дежурное орудие уже обдавало их картечью, а полураздетые и полусонные солдатики наши с ружьями стекались отовсюду на угрожаемый фас. Кавказского солдата не скоро озадачишь, и вот бдительности караульных наших и дружному отпору мы обязаны были, что остались живы. Ахверды-Магома с мюридами своими не мог доскакать до наших палаток и, потеряв десяток-другой удалцов, которые валились после каждого выстрела орудия нашего, должен был, обогнув наш лагерь с трех фасов, скрыться в лесу противоположных гор. Несколько дней спустя рассказывали у нас, что этот смелый наездник уже с неделю скрывался недалеко от нашего лагеря и все выжидал благоприятного времени, оставляя даже в покое наших дровоосков, которые ежедневно ходили в лес.

<...>

Раза два я ездил с оказией во Владикавказ за 70 верст, чтоб пожить хоть несколько цивилизованной жизнью, и плясал на вечерах у Нестерова и у Рихтера, командира 2-го Малороссийского казачьего полка, женатого, как я сказал выше, на Мусиной-Пушкиной. В одну из таких поездок, за аулом Назраном, многие из нашей шумной молодежи отделились от оказии и поскакали на какую-то каменную постройку, которая верстах в двух от нас рисовалась белою массою своих стен, подобно большому улью. Это был памятник, как нам рассказывали мирные черкесы, поставленный благочестивыми мусульманами над могилой правоверного угодника, где тела его и его жены сохранялись нетленно и куда окрестные мусульмане ходили на поклонение. Эти-то мусульманские мощи мы и поскакали посмотреть.

В небольшой каплице с круглым сводом, довольно грубой кладки, мы нашли каменный пол с круглым отверстием и под ним небольшую комнатку, грубо высеченную в той же скале, с двумя телами, совершенно голыми и до того одеревенелыми, что они имели вид неполированного орехового дерева. Холст, которым завернута была на бедрах женщина, уподоблялся упругостью своею железному листу; головы обоих были без волос, хотя на лице женщины кожа только высохла, а на трупе мужчины торчал один голый череп. Очевидно было, что магометанских угодников часто тревожили досужие неверующие посетители, так как труп мужчины, в полусидячем положении, держал во рту кукурузу, с которой, конечно, не мог умереть по своей охоте. Желая сохранить воспоминание об этой поездке, я взял с собою череп и отрубил кинжалом ступню мужской ноги, намереваясь оправить пальцы в серебро или бронзу и употреблять как *presse-papier*.

Возвратившись на Осу, я поделился своею добычею с Жерве, отдав ему большой палец и сохранив остальные четыре по второй сустав. Только несколько лет тому назад я подарил и их и череп племяннику моему Михаилу Николаевичу Смирнову.

Ребяческая шалость эта чуть не стоила мне жизни, ибо вскоре окрестные жители, не найдя своей святыни на месте, догадались по черепу, красовавшемуся у меня в балагане на сучках и который многие из моих кунаков видели у меня, что я и был тем святотатцем, который лишил их части святого, и при про-

езде моем через Назрань, где я переменял почтовых лошадей, собравшись толпой, приступали уже ко мне с угрожающими жестами и, вероятно, растерзали бы меня в клочки, ежели бы я не ускакал на готовой почтовой тройке и навсегда покинул эту негостеприимную местность.

Нестеров же, узнав о моей шалости, едва не вызвавшей бунта целого племени, хотел посадить меня под арест, но удовольствовался строгим выговором.

В октябре месяце, кажется, Жерве, Гартинг, Торельд, Брискорн, Левенштерн и я отпросились погулять на две недели в Тифлис и на трех тройках пустились в путь. За несколько верст от Владикавказа Военно-Грузинская дорога уже начинает вдаваться в горы, и длинным коридором, окаймленным недосыгаемыми вершинами, по которому шумит грозный Терек, прядая со скалы на скалу, едешь по гладкому натуральному шоссе, а виды один другого разнообразнее, угрюмые и привлекательные, сменяются как в панораме.

Ларс, Казбек, Кайшаур, Коби, Ананур, Пассанаур и Душет суть станции, которые тогда по крайней мере существовали на этом пространстве. На станции Казбек мы ночевали, и утром я срисовал вид горы Казбек, которая высоко вздымается над грядой исполинских гор в 16 верстах по прямому направлению от станции, а также древнюю бедную церковь с своеобразным алтарем, имеющим несимметричные ниши, окна и ходы. Мы вскоре проехали бешеную Малку с помощью мирных лезгин, которые для этой цели и живут у нее, пользуясь подачками проезжающих, а потом Дарьяльское ущелье с замком Тамары, героини поэмы Лермонтова «Демон». Миновав Гут-гору, самую высокую точку перевала, где поставлен крест, мы увидели далеко внизу, в синей дали, совершенно *vol d'oiseau*, какой-то аул и струившую свои воды голубенькой ленточкой быстрюю Арагву. Местность делалась привлекательнее, растительность разнообразнее и ярче, и мы стали спускаться в Закавказский край. Пассанаур, Душет и Ананур — грузинские городишки с каменными церквами, очевидно древнейшей постройки и византийского вкуса. Часто вьющиеся растения — хмель, плющ и виноградная лоза застилают собою целые стены здания и просятся под карандаш художника.

После полудня приехали мы в Тифлис и остановились на Эриванской площади в гостинице Арцруни в четырех номерах с общею залою и балконом на площадь, за которые мы заплатили, равно и за обед, 36 рублей за одни сутки. Вследствие такой дороговизны на другой день мои товарищи переместились на Авлабар (предместье города) в какие-то *chambres garnies*, а я, выйдя после обеда на балкон, увидел, к крайнему моему удивлению, своего двоюродного брата Ивана Артемьевича Вороновского, служащего, как оказалось, на Кавказе, и перебрался к нему тут же в гостиницу во дворе.

В то время Тифлис, кроме некоторых европейских кварталов, был совершенным городом Востока. Строения его, разбросанные по оврагам и горам, почти все были с плоскими крышами, улицы кривые и до того узкие, что в большей части их два колесных экипажа, конечно, не разъехались бы, а с одного балкона на другой можно было при добрых отношениях пожать руку соседу. Огромный верблюд с тюками на спине или бурдюком с кахетинским вином часто загромождал ход пешеходу, да и полуголый коричневый атлет-носильщик (муша) проделывал то же. Во всех почти домах нижние этажи заняты были разнообразными лавками с фруктами, зеленью, табаком, оружием, коврами и шелковыми материями, которые при вечернем освещении фонарей, хотя и с сальными свечами, живописно и своеобразно бросались в глаза всякому новичку. В углу зеленой лавки громоздились кучи винограда всевозможных цветов, форм и вкуса; фиги, винные ягоды, персики, ананасы, арбузы, дыни, падлажаны разложены были по полкам в самом живописном беспорядке, а нанизанные на веревочки кукуруза и красный перец красиво и аппетитно висели гирляндами.

Оружейник, обтянув свою лавочку яркою красною материею, искусно сгруппировал ружья, шашки, кинжалы, пистолеты, щиты и кольчуги, блестящие золотою и серебряною насечкою. Груды турецкого табаку, свежего, только что накрошенного, преимущественно трабизонского, в ящиках, папушках и пачках манили любителя этого зелья, а радушный хозяин такой лавочки редко, бывало, упустит случай предложить почти каждому прохожему затыжку-другую. Мясная лавка с разнообразными кровавыми атрибутами своими красовалась возле кожевенной лавки

с азиатскими седлами, с вышитыми шелками чепраками и разнообразными ремнями, уздами и конской сбруей и сменялась лавкою с красным товаром, где канаус разных цветов, шали, тар-маламы, бархатные салфетки и подушечки, переплетаясь между собою, составляли какой-то фантастический шатер. Передний фас лавок весь открыт и на ночь только забирается досками. Восточный люд со всеми своими типами кишит в этих закоулках, и много попадаетея женщин-старух, в чадрах одноко.

Караван-сарай (вроде нашего петербургского Пассажа), расположенный на р. Куре, поразил меня в особенности. Извозчики, русские мужички, ездят в дрожках парою с криком «кабарда», что значит берегись.

Я проводил целые дни, шляясь по городу, и любовался им с разных мест: и из старой крепости, и с монастыря св. Давида, где похоронен Грибоедов. Однажды я был в турецких банях, где горячая вода, натуральная, а не нагретая, заключает в себе частицы каких-то минералов или солей; здесь я подчинился обычаям Востока, заключающимся в том, что банщики, раздев посетителя, проводят по мраморному полу через несколько отделений бани с все возвышающейся температурою, окунают в последней жарко нагретой комнате в бассейн, намыливают огромным количеством пены, растирают и вытягивают все суставы, снова обмывают, а затем ведут под руки в прохладное место, суют чубук в рот, угощают холодным арбузом или шербе-том и наконец выпускают на свет Божий.

Наместника генерала Головина не было в Тифлисе, и мы провели две недели без всяких формальностей, никому не являлись и никого из начальства не видели. Граф Толь, поручик кавалергардского полка, проехался по Закавказскому краю, а я, как и остальные мои товарищи, по безденежью лишен был этого удовольствия и жалею об этом и ныне.

Проведя две недели в Тифлисе, мы вернулись на Оссу и принялись за прежние свои обязанности. В это время генералы Головин и Граббе сдали свои должности Нейдгардту и Гурко. При объезде первого нам удалось ему представиться в укреплении Нестеровском в Галашевском ущельи, которое было кончено. Тогда же мы отпросились в Ставрополь, так как годовичная командировка наша приходила к концу. Получив согласие главно-

командующего, мы простились с начальством нашим, и, конвоируя его с малороссийскими казаками, я добрался до Владикавказа, где прожил с Виктором Васильчиковым, вылечившимся Сипягиным, Торельдом и только что разжалованным из штабс-ротмистров лейб-гвардии гусарского полка за дуэль с А. Долгоруким князем Яшвилем более двух недель и усиленно занимался все время цельной стрельбой из пистолетов в тире какого-то поляка, открытом им в саду; я до того наловчился в этом искусстве (заплатил за порох и право стрельбы 180 руб.), что в один вечер, с другими моими товарищами стрелками, разбил 40 яиц, выкладываемых перед нами в 20 шагах расстояния.

В Ставрополе я снова встретился с Жерве, и мы поместились на одной квартире, где он занимался по поручению своего начальства сводкою отчетов последних экспедиций наших и куда для этой цели натаскали нам целые вороха архивов, донесений и проч.

В конце декабря из любопытства я решился сопутствовать своему товарищу, назначенному штабом в чичероне прусским офицерам, отправляющимся на осмотр нашего правого фланга; на двух тройках, где на санях, а где на колесах, мы посетили станицу Баталпашинскую, где, не застав настоящего начальника этого военного отдела полковника Игельстрома, по-кавказски провели время у подполковника Роопа, старого немецкого студента-бурша и александрийского гусара. Страшная оргия этого вечера, повлияв более или менее на нас, русских, уложила надолго непривычных немчиков наших, и они страдали известными последствиями чуть ли не до самого возвращения своего в отечество.

С конвоем мы доезжали даже до укрепления Хумары, последнего пункта, занятого нами так далеко в глубь неприятельских земель.

Один пост наш — «Кубань», с каменным мостом, и развалины Некрасовской христианской церкви мною срисованы и хранятся у меня в альбоме.

Проездом мы посетили известный мне уже Пятигорск и к 1 января прибыли в прочный окоп, местопребывание начальника правого фланга Сергея Димитриевича Безобразова, бывшего флигель-адъютанта и адъютанта великого князя Констан-

тина Павловича. После истории с женою своею, урожденной княжной Хилковой, в которой он не нашел того, что вправе ожидать всякий жених, и с которой поступил чересчур круто, Безобразов был сослан на Кавказ, командовал Нижегородским драгунским полком и заменил затем генерала Засса.

Этот последний в бытность мою в Ставрополе вышел в отставку и вывез в прибалтийские губернии до 30 возов своего имущества. При назначении на это важное место, несколько лет перед тем, Засс своею бешеной храбростью и неуспешною деятельностью сумел вселить в непокорных нам горцев ужас и вскоре до того овладел умами князей и узденей, что они постоянно сдерживали хищнические инстинкты своих подданных и линия наша была почти спокойна. Но храбрый воин скоро пресытился боевою славою и стал заботиться об обогащении табунами, скотом, целыми отарами овец, а также драгоценным оружием, которым владели некоторые богачи между горцами с крестовых походов даже; для удовлетворения своего корыстолюбия он не стеснялся применять подкуп, яд, одиночные убийства и другие средства.

Много рассказов про Засса и его проделки с горцами передавалось тогда из уст в уста, а в горах и поныне поют про его мужественную фигуру с бесконечными белокурыми усами, про его коня, про верность его выстрела, про его шашку, а матери унимают его именем расплававшихся капризных детей своих.

Генерал Безобразов жил турецким пашою в прочном окопе со своим штабом, и у него мы встретили новый 1843 год. Радужный, тароватый хозяин старался занимать нас, и мы ездили в мирный аул, лежащий в нескольких верстах от Кубани, на свадьбу какой-то княжны.

Я совершил эту поездку на белой в гречке лошади, принадлежавшей некогда Шамилю и взятой в Ахульго в 1839 году, когда имам, окруженный русскими войсками, в виду неминуемого плена, бросив на жертву свое семейство и своих верных мюридов, темною ночью на веревке спустился в реку Койсу и успел счастливо проплыть на корчаге мимо нашей сторожевой цепи.

Тогда же я видел у Безобразова прекрасные рисунки (гуашью) инженерного офицера Хрипкова видов Кавказа с самого Эльборуса и таких мест, куда русские еще не заглядывали. Где они? Интересно было бы их отыскать!..

За первым же обедом нашим у Безобразова я заметил в числе его гостей горца в бедной одежде, смиренно сидящего на хозяевом конце стола и насыщающегося со всеми привычками и обычаями европейца, и был очень удивлен, когда на спрос Сергея Димитриевича на французском языке, отчего Омар не пьет вина, горец благодарил его по-французски же и с чистым парижским выговором.

Это был горец лет тридцати пяти, проданный египетскому паше, воспитывавшийся с сыном Ибрагим-паши и посланный в числе нескольких молодых египтян в Париж для окончания воспитания в то время, когда реформатор этот стал вводить в стране фараонов новые порядки и цивилизацию образованных народов.

Кончив учение в политехнической школе, Омар, само собою разумеется, должен был давно уже заметить преимущества образования и, отстав от своих и не пристав к чужим, по сродной всякому человеку способности любить родину, мечтал только о горах, о своих родителях, и однажды, покинув Париж, явился на «правом фланге» Кавказа. Исполнив пламенное желание обнять отца, мать и родичей, которые, давно оплакав его исчезновение, перестали о нем и думать, и убедившись в той пропасти, которая образовалась между ним и грубыми сынами природы, Омар решил, чтобы жить вблизи родных гор, посвятить свои познания России и занял место переводчика, так как, к счастью, не забыл тех восточных языков, которыми говорил в юности.

Из прочного окопа мы вернулись в Ставрополь и в начале февраля, как мне помнится, представлялись новому командующему линией генералу Гурко. Я упоминаю об этом незначительном обстоятельстве только для того, чтобы показать, как полезно в жизни, делая свое дело добросовестно на всяком месте, на которое судьба бросает человека, никуда никогда не напрашиваться, да и никогда и ни от чего и не отказываться. Павел Христофорович Граббе, вероятно, вследствие рекомендательного письма отца моего, у которого в батарее служил и с которым был дружен, как я сказал выше, или же лично убедившись в моей способности к кавказской войне, когда я в трех или четырех экспедициях, с ним сделанных, несколько раз попадался ему на глаза в деле, отозвался обо мне новому начальнику линии с са-

мой хорошей стороны. Представьте же мое удивление, когда при первом знакомстве с новым генералом он при 25 товарищах моих гвардейцах очень ласково и лестно обо мне отозвался, объявил, что я представлен к чину штабс-ротмистра, и предлагал мне тогда же перейти в армию майором, суля кубанский казачий полк, который тогда состоял, как и все линейные полки, из нескольких десятков тысяч человек, из которых 1500 были всегда на конях и наготове к службе.

Предложение это мне, 25-летнему юноше, очень лестное, но я, к сожалению, в то время отклонил его и тем лишил себя, может быть, блестящей военной карьеры и единственно оттого, что был молод, слишком жаждал цивилизованных наслаждений и не мог решиться закабалить себя на Кавказе, лишенном в то время, как известно, всякого комфорта.

Штабс-капитан Слепцов, адъютант Траскина, получил в то время это назначение и в 10 лет службы на Кавказе, кроме Георгия, Анны 1-й степени, генеральского чина и проч. наград, успел стяжать репутацию героя и пал в одной стычке с горцами.

Боевой год истекал, экспедиций не предполагалось, и прикомандированные стали разъезжаться по полкам. Я с Жерве один из первых отпросился в Россию и, удовлетворенные двойным жалованием и прогонными, выехали восвояси через Ростов, Новочеркасск, Бахмут, Изюм и без особенных приключений прибыли в Харьков.

В это время брат мой Лев после пребывания в 1-й С.-Петербургской гимназии поступил было в Петербургский университет, но, не поладив с профессором Куторгой, пробыл в Ришельевском лицее недолго и, поссорившись и там с директором Княжевичем, решил по настоянию отца добиваться степени кандидата по юридическому факультету и жил в Харькове с греком Эпитесом и поляком Сальницким в скромной квартире.

Жерве, пробираясь к своим родным в Белосток, согласился погостить у меня в Кременчуге, и вот мы, отдохнув день-другой в гостинице Мотузки, поплелись в Кременчуг по страшной грязи.

Всякий поймет, какими чувствами я должен был быть преисполнен в надежде обнять отца, которого боготворил и давно не видал, а также при мысли о тех удобствах и баловстве, которые меня ожидали. Радовался я очень также встретиться с сестрой

Ольгою, которая по выходе из института и по прибытии с год фрейлиной при дворе решила перебраться под отеческий кров, так как никогда не любила света, шума, суеты и вообще блеска, который царил в то время при нашем пышном дворе.

Тихая и скромная, миловидная и полненькая брюнетка, с прекраснейшими глазами, сестра моя не могла, так сказать, тянуться на содержание в 6000 р. ассигнациями, которые небогатый отец мог ей уделять, за остальными своими товарками, и мне кажется, что это-то обстоятельство понудило ее оставить двор и с дальнею нашею родственницею (двоюродною сестрою покойной матери, урожденной княжной Кудашевой) Марфюю Даниловною Гербель приехать в родительский дом.

На курьерской рыжей тройке, которую и теперь помню, в бурке и башлыке, обросший бородою, весь в грязи, мчался я по большой улице Кременчуга и еще издали увидел сестру Ольгу в цельном стекле окна дома, занимаемого отцом. Не узнав меня в непривычном костюме, она равнодушно отходила уже от окна, когда я на крыльце упал в объятия отца...

<...>

В этот год пребывания моего у отца я познакомился со многими новыми лицами, из которых с некоторыми сошелся и подружился.

Хорошо помню адъютантов отца моего: Аркадия Столыпина, женатого на Голицыной, которая вскоре умерла, и женившегося потом на кн. Горчаковой. Впоследствии Столыпин был флигель-адъютантом, наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, а ныне живет в отставке в Петербурге и пишет разборы музыкальных сочинений. В 1878 году, снова вступив на службу, он был назначен генерал-губернатором Филиппополя в то время, когда я заправлял Софией, а впоследствии командовал корпусом.

Столыпин вообще был в то время талантливым молодым человеком, легко писал стихи, из которых я помню экспромт — ответ на стихи брата моего Льва «Как бы желал я папой быть», которые хранятся у меня. В Кременчуге же я видел Столыпина в первый раз танцующим новый танец «польку frem-blancfe» с моею сестрою Sophie, девушкою 14 лет. Он недурно рисовал, особенно карикатуры, и у меня хранятся некоторые кременчуг-

ские типы: полковника генерального штаба Роговского, помещика Ножина, мазурка в кременчугском благородном собрании и проч., которые он должен был каждый вечер, когда бывал в каком-либо обществе, доставлять моему отцу, своему начальнику, не выезжавшему по вечерам.

Другим адъютантом моего отца в то время был Шан-гирей, родственник Лермонтова и товарищ покойного брата моего Ивана по артиллерийскому училищу. Вскоре после нашего знакомства Шан-гирей вышел в отставку и, владея имением в долинах над Терекком, сделался помещиком и женился на знаменитой Марге Верзилиной, которая часто играла не последнюю роль в летописях Пятигорска.

В прославленной отважной защите полковника Сулова, командира Гребенского казачьего линейного полка, когда окруженная сотня линейцев, положив своих лошадей, защищалась против несметной толпы горцев, Шан-гирей с Хастатовым, тоже помещиком, играл не последнюю роль и даже изображен на плохой литографии, которую мне удалось где-то видеть.

Лев Львович Лобко, третий адъютант моего отца, тогда же получил батарею, и его заменил князь Челобаев, который очень ухаживал за моей сестрой Ольгой и даже ей нравился.

С четвертым адъютантом моего отца Виктором Гардером, женатым на саратовской Бутягиной, мы сошлись больше всех и вскоре поехали в Одессу, намереваясь объехать и познакомиться со многими родными моей матери, т. е. с моими тетками, дядями, двоюродными братьями и сестрами, которые все проживали в южных губерниях.

Первым родственником на пути нашем по большой дороге в Одессу представился мне в имении своем Водяное брат моей матери Дмитрий Иванович Лорер, женатый на Варваре Григорьевне Волконской. Прослужив в кирасирах под командою графа Гудовича кампанию 1812-го года, он по желанию бабки моей тогда же вышел в отставку с чином ротмистра и все это время прожил почти безвыездно в своем имении, считаясь лучшим хозяином в целой Херсонской губернии. Чрезвычайно статный и красивый даже и в старости, он обладал ясным, свежим умом, говорил красноречиво и мастерски рассказывал анекдоты и происшествия из своей жизни и из столкновений с массою знакомых,

которые сделал, живя на большой почтовой дороге и содержа в отличном порядке две станции: Максимовскую и Водяную.

Старушка Варвара Григорьевна, потеряв в молодости единственную дочь, плод брака своего с моим дядею, утратила свои великосветские манеры и подчинилась совершенно воле своего повелителя-мужа, даже в мелочах хозяйственных и домашних, и в это время представлялась мне типом добродушной женщины, боготворившей своего мужа. Оба эти старичка сильно смахивали на Пульхерию Ивановну и Акакия Акакиевича [так у Арнольди — Л. Х.] в «Старосветских помещиках» Гоголя, с тою разницею, однако, что дядя Дмитрий Иванович имел порядочную библиотеку, много читал всю свою жизнь и даже в это время.

Дом бабки моей, в котором жили мои родственники, нимало не изменился со времени моего детства, когда я посетил его при жизни матери моей, а это было в 1824 или 1825 году. Те же неуклюжие деревянные диваны и стулья, стоящие даже в том самом симметричном порядке, предстали моим взорам; лежанка в спальне бабушки была так же нагрета, как и при ней, а громадные бутылки с разными водянками и наливками заслоняли на окнах свет Божий; босоногие дворовые девки так же сидели за пяльцами или шныряли по двору, а маститый повар по-прежнему являлся каждое утро на совещание с дядею о важном вопросе: чем наполнить желудки бар своих на нынешний день. Разведенный дядею огромный сад разросся, и на одной из уединенных клумб я нашел каменную пирамиду над прахом Катерины Евсеевны, моей бабки. Во дворе возвышался новый флигель — помещение для другого дяди моего — Николая Ивановича, брата Димитрия Ивановича, только что возвратившегося из ссылки в Сибирь и на Кавказ. После вторичного производства в офицеры он тотчас же вышел в отставку и намерен был жениться на воспитаннице другой моей тетки, Веры Ивановны Мазараки — Извековой.

Покуда Гардер играл с дядею, большим охотником и мастером, в карты, я съездил в деревню Настасьевку, верст 35 от Водяной, и представился своим родным Мазараки.

Вера Ивановна, младшая сестра моей матери, была чудным существом и в то время доживала тихо свой век с мужем Иваном Семеновичем Мазараки и дочерью Настенькой в родовом

своим имением. Старший ее сын Семен служил в Киевском герцога Лейхтенбергского гусарском полку, а младший Алексей находился в то время еще в Ришельевском лицее. То же радушие и теплое гостеприимство встретил я в этом доме. Я тогда же подружился со своею маленькою, живою и умненькою кузиною, которая вскоре после моего отъезда вышла замуж за полковника Ленковского (бывшего адъютанта графа Витгенштейна), жила с ним в Сибири, где он в Томске занимал должность управляющего комиссариатскою комиссиею, а затем, овдовев, поселилась в Москве с сыном Львом, окончившим свое образование в университете; до сих пор я сохраняю к ней сердечную привязанность.

Уже не молодых лет дядя мой Николай Иванович познакомил меня тогда же со своею невестою — Извековой, и это было моим первым и последним свиданием с ней. После свадьбы она прожила немного лет и оставила дяде трех детей, из которых ныне только одна дочь в живых и замужем за бароном Гротгусом.

В Одессе я остановился у двоюродного брата Дмитрия Артемьевича Вороновского, воспитывавшегося в Московском благородном пансионе и тогда служившего в канцелярии генерал-губернатора Новороссийского края, которой он впоследствии сделался директором, исполняя эту должность при графе Воронцове, Федорове и графе Строганове.

Выйдя в числе первых учеников из пансиона, Дмитрий Артемьевич обладал здравым умом и разносторонними познаниями, но под конец своего служебного поприща бюрократизм и мелочность дел, с которыми ему пришлось возиться весь свой век в Новороссийском крае, сделали из него чиновника-машину. Не обладая телесною красотою и не имея светского лоска, он тем не менее был страстным охотником до женского пола; доставляя себе на вес золота эти пагубные удовольствия, он понемногу достиг того, что утратил всю ясность своих суждений и превратился в сладенького старичка и лет через десять после нашего описываемого свидания должен был выйти в отставку, лечиться за границей и доживать свой век в родовом имении Пондик, близ Вознесенска, или в Ананьевском уезде в имении, доставшемся ему от тетки; там он и умер на руках своих любовниц в 1864 г.

Как я слышал от своего отца и других родных, двоюродный брат мой Димитрий во всю свою службу считался исполнитель-

ным тружеником и нерешительным человеком; по странно-му случаю в первую минуту нашего свидания с ним он как бы оправдал в моих глазах то мнение о себе, которое все знающие его о нем имели. Вот как было дело: после первых приветствий между добрыми родственниками брат мой видимо торопился приняться за свои прерванные занятия, разбросанные на письменном столе, и признался мне, что по поручению генерал-губернатора должен кончить или оформить какой-то проект (чуть ли не по таможенной или карантинной части). Посмеявшись над его глубокомысленной работой и отвергая трудность задачи, я тогда же предложил ему облегчить его труд и брался написать ожидаемый от него проект. Познакомившись из слов и кратких набросков брата о сути дела, о котором, само собою разумеется, я не имел никакого понятия, я в тот же вечер кончил письменную работу и до того успешно, что граф Воронцов несколько дней спустя утвердил мой план и остался проектом вообще очень доволен. Подобный *tour de force* с моей стороны поставил меня высоко во мнении моего двоюродного брата, и мы с ним сошлись и подружились навсегда, т. е. до 1864 года, когда он скончался в отставке.

Последний раз мы с ним виделись в 1863 году, 8 сентября, когда он провожал меня на пароход при отъезде моем за границу в первую мою поездку, о которой буду говорить подробно в своем месте. Так как все большое состояние Вороновского было благоприобретенным, кроме родового Пондика, брат мой всегда твердил и намеревался сделать духовную, которою осчастливил особенно любимых своих двоюродных братьев, т. е. двух Мазараки, Аркадия Россета и меня, а тем более, что с дядею своим Димитрием Ивановичем Лорер, старшим в поколении Лореров, был не совсем в ладах. По какому-то старческому предубеждению он все откладывал это дело и умер без духовного завещания, так что все имение его досталось таки Д. И. Лореру, который, владев им недолго, оставил его своей племяннице Катерине Николаевне Гротгус, прямой наследнице в роде Лореров.

Это в третий раз, что я в моей жизни лишился состояния «американского дядюшки»! В первый — по случаю второй женитьбы отца моего, так как ему навязывалась в то время пожилая дева княжна Лопухина, владетельница города Шклова, вы-

шедшая впоследствии за артиллерийского полковника Шварценберга, и второй, когда не удалось сватовство князя Голицына к моей сестре, о чем я говорил выше.

Произведенный в штабс-ротмистры за экспедицию на Кавказе, я вскоре вернулся в полк и был переведен в 3-й эскадрон, чтобы водить полк, как тогда выражались, к ротмистру Гедройц-Юраге, и отбыл лагерное время в Красном Селе. Товарищи приняли меня с распростертыми объятиями, и даже те, которых я обошел или перегнал старшинством в чине.

В 1843 году в первый раз начальству пришло на ум позаботиться увеличением комплекта действующих артиллеристов в военное время, и оно решило обучать действию при орудиях нижних чинов пехоты – при пешей артиллерии и кавалеристов – при конных батареях. Из нашего Гродненского полка я был прикомандирован к 1-й легкой гвардейской конной батарее, которою командовал тогда мой старый знакомый по Саратову Эдуард Иванович Кнорринг и которая в то время стояла около Новгорода, в лейб-драгунском штабе. <...>

Свободное от службы время, особенно же вечера, я проводил у командира драгунского полка Ивана Карловича Стаальфон Гольштейн, женатого на Марии Карловне Гербель, моей троюродной сестре, и у начальника нашей дивизии Карла Густавовича Штрандтмана, который имел свое пребывание верстах в четырех от драгунского штаба в урочище Богуслав, на берегу Волхова, которое Штрандтман, говоривший очень дурно по-русски, часто называл слава Богу. Боевой генерал этот в 1824 году формировал Гродненский гусарский полк, был его первым командиром, под Рационжем в польской кампании заслужил с полком переименование его в гвардейский и любил его преимущественно перед всеми полками дивизии даже и тогда, когда сделался командиром гвардейского кавалерийского корпуса.

Не отличаясь никогда особенным умом, Карл Густавович был страшный мот и *bon vivant* и постоянно нуждался в деньгах, несмотря на то, что много их перебрал от казны. В Польше еще он женился на дочери какого-то школьного учителя, писаной красавице, которую и я знал еще хотя и не первой молодости, но очень привлекательною и эффектною женщиною. Тогда у них было три дочери и два сына. Старшая, Шарлотта, девушка

лет семнадцати, не красавица, но обладавшая чем-то таким, что заставляло всю вашу кровь klokотать, вскоре вышла замуж за кирасира барона А. Ф. Дризена и надолго сохранила свое обаяние, не на мужа только, а на толпу своих счастливых обожателей. Две другие ее сестры, также прехорошенькие, вышли за графа Толя и за Нарышкина. Сыновья Карла Густавовича, Николай и Карл, служили долго в Гродненском полку; первый из них в звании флигель-адъютанта командовал Владимирским уланским полком, а ныне сошел с ума и генералом свиты его величества живет в Царском Селе; второй, прокутившись в Туркестане, куда перешел по какой-то истории в Гродненском полку, уже без меня, состоит в каком-то армейском гусарском полку подполковником, а теперь в 1876 году командует полком.

В то же время на вечерах у Марии Карловны Стааль я чуть было не растаял снова перед Софией Николаевной Стааль, женой нашего бывшего полковника, которая приезжала из Воронежа к своим родным в эту зиму. Но раз обиженное самолюбие, года три тому назад, когда Софья Николаевна была у нас еще с мужем в полку, удержало меня от разыгрывания роли ухаживателя, и я не поддался кокетству одной из обаятельнейших женщин, которых когда-либо встречал в своей жизни.

Раннею весною я возвратился в полк со своим взводом в блестящем содержании, за что и получил благодарность от князя Багратиона, а затем вскоре принял 4-й эскадрон вместо ротмистра Рожнова, который был командирован в это время в Рязань для формирования эскадрона из собранных бессрочно-отпускных.

Меня много занимала тогда служба, и я с вахмистром Жилинским, а потом с Малявским, провозившись в штабе и в Красном Селе с эскадроном целых четыре месяца, с честью вышел из этого поручения и положил прочное основание той репутации лихого эскадронного командира, которая осталась за мной на всю жизнь.

<...>

28-го октября я получил от отца письмо с уведомлением, что сестра моя Ольга помолвлена за князя Петра Сергеевича Оболенского, что свадьбу предполагается сыграть 11-го ноября и что присутствие мое в Кременчуге необходимо, так как отец предполагал совершить закладную на наше общее имение для выдела сестре ее части и что для сего ожидал и брата мо-

его Льва, служившего в то время чиновником особых поручений при зяте нашем Смирнове, калужском губернаторе. В конце письма отец писал, что, не надеясь на скорый мой приезд по случаю разных затруднений при получении отпуска, он советует мне помимо формальностей обратиться прямо к великому князю Михаилу Павловичу и от его имени просить скорейшего разрешения отпуска. Я так и сделал. Сдав эскадрон, я поскакал в Петербург, явился генералу Кноррингу, нашему корпусному командиру, и, изложив ему необходимость ускорения моего отпуска, с ним же в коляске поехал к великому князю во дворец, получил разрешение и в тот же день уже видел свое имя напечатанным в приказе по гвардейскому и гренадерскому корпусам.

Ничто меня не задерживало, и я, купив в штабе дивизии нашей у писаря бланк казенной подорожной, вероятно, украденный им у старшего адъютанта Николая Мальшева, и прописав ее на свое имя «по высочайшему повелению, из курьерских», 3-го ноября был уже в Кременчуге, в семейном кругу нашем, сделал 1300 верст белорусским трактом на перекладной, чисто по-курьерски, в четверо суток.

Только молодости простительны подобные незаконные проделки: с фальшивою подорожною я чуть-чуть не попал в беду, разыгрывая в спешном путешествии не совсем удачно роль фельдъегеря. Смышленные станционные смотрители от самого Новгорода, места моего отправления, конечно, догадывались о несоответствии моего проездного вида с моим званием строевого офицера, которое *toutes lettres* красовалось в подорожной, но давали, однако, везде курьерских лошадей, запрягали живо и везли шибко. В Катержной, Псковской губернии, мне запрягли лихую тройку, но ражий ямщик целую полустанцию сдерживал ее и, как мне показалось, не намерен был ни за что прибавить ходу, несмотря на мои обещания на водку и даже требования. Надобно сказать, что для большего сходства с курьером я был поверх шубы обвязан шарфом, имел на груди кожаную сумку, будто бы с депешами, и за поясом нагайку. Выведенный из терпения тихую ездою, я наконец ударил нагайкою по спине упрямого ямщика. Наказание подействовало, и мы полетели стрелой. Подъезжая к станции, ямщик привстал в телеге, как обыкновенно делали тогда все возничие курьерской тройки, чтобы заранее

предуведомить на станцию о прибытии курьера, и мы при звяканье двух колокольчиков под дугой лихо подкатили к крыльцу станционного дома, который уже был в суете. Я соскочил с телеги, а мой ямщик поехал проезжать запыхавшуюся тройку.

Через несколько минут смотритель объявил мне, что не может отпустить мне лошадей по той причине, что я преступник, ибо так избил ямщика, что тот умирает, а так как становой по счастью находится в деревне, то необходимо дать ему знать и сделать следствие. Как ни ошеломило меня это неправдоподобное известие, я тем не менее сообразил очень живо, что не от моих ударов этот несчастный отдает Богу душу, ежели даже и находится при смерти, но все последствия следствия, суда и всей этой истории живо представились моему воображению. Однако я не потерялся и, ссылаясь на то, что я курьер, т. е. срочный посланный, и на то, что имя мое и номер подорожной остаются известными и в книге записанными, требовал лошадей немедленно, мысленно предоставляя счастливой звезде моей развязку происшествия по моем отъезде.

Через несколько минут действительно почтовая тройка была у крыльца, и я собирался уже выходить, как вдруг смотритель объявляет мне, что ямщик мой ожил, претензии на побои не имеет, идет на мировую и просит кончить на месте эту неприятную историю, чтобы избавить меня от нескончаемой переписки, допросов и проч. Я очень обрадовался такому обороту дела и тому, что деньгами могу выпутаться из беды, и уже мягким голосом, но не теряя своего достоинства, пожелал узнать сумму вознаграждения, которую желал бы получить избитый, soit disant, ямщик. Вообразите же мой гнев, когда разбойники потребовали 150 рублей. Я вышел из себя, потребовал книгу жалоб и, очертя голову, изложил все обстоятельства, как они в действительности происходили, т. е. и тихую езду ямщика, и мой удар нагайкой, и притворство ямщика, и, наконец, непомерное вымогательство. Видя, что я не трусливого десятка и собираюсь решительно ехать дальше, оба сговорившихся грабителя после коротких между собою переговоров съехали на три рубля вознаграждения, которые я с радостью заплатил, и продолжал путь, зачеркнув свою жалобу в книге, чтоб об этом деле и помину не было.

В Кременчуге все приготовления к свадьбе, а также необходимое приданое и уютная квартира напротив дома, занимаемого отцом, были готовы, и 11 ноября свадьба состоялась в городском соборе. Посаженым отцом сестры был граф Никитин, Оболенского — начальник штаба князь Василий Андреевич Долгоруков, впоследствии военный министр и шеф жандармов, тогда еще полковник. Князь Петр Сергеевич Оболенский, жених моей сестры, был третьим членом огромной семьи и, получив образование в артиллерийском училище, выпущен был в полевую конную артиллерию. В 1843 году я с ним познакомился, о чем говорил выше. Попав незадолго до этого в адъютанты к моему отцу, при ежедневных невольных встречах с сестрой Ольгой и при том приниженном положении ее в доме мачехи, которая имела уже свою взрослую дочь, почти невесту, Оболенскому не мудрено было согласить и сестру, и отца моего на этот брак.

Милая Ольга, не чувствуя особенной привязанности к жениху своему, пользовалась только случаем выйти из-под опеки мачехи и хотела во что бы то ни стало избавиться от тех унижений и мелких придинок, которыми ее, бедную, мучили! Сильные характеры вышли бы победителями из этой ежедневной борьбы, но добрая, скромная сестра терпеливо переносила ежедневные оскорбления и, не находя другого исхода, очертя голову дала согласие и решила свою судьбу. Петр Оболенский не был красавцем и не обладал особенным умом, но был честным и добрым малым, и мог бы сделаться хорошим мужем, ежели бы с первых же дней своей женитьбы не мучил жены страшным педантизмом, мелочностью и аккуратностью. Дурно сложившиеся обстоятельства не сделали сестру мою счастливой, и она после первых родов заболела и, прохворав 5 лет, скончалась в 1851 году в Москве в то время, когда муж ее, выйдя в отставку, получил уже место в одесском почтамте и надеялся в южном климате вылечить свою страдальцу-жену. <...>

Сестра Смирнова прислала Ольге в подарок полный серебряный сервиз тысяч на 5-ть, отец подарил ей подержанную, но вполне приличную карету и пару лошадей, и моя милая сестра как будто славно зажила на первых порах.

Год спустя великий князь Михаил Павлович придрался к старинному закону, которым запрещалось иметь при себе в ка-

честве адъютантов родственников, и приказал отцу моему отчислить Оболенского во фронт.

Чтобы не вести скитальческой с батареєю жизни, князь перешел в Образцовую в Царском Селе, куда в 1848 году и переехал.

Не опережая происшествий, я скажу несколько слов о том, как я провел время в отпуску.

В собравшейся семье нашей царствовала какая-то задушевная, теплая простота и дружба, и мы, собираясь ежедневно к столу патриарха-отца, весело проводили время с адъютантами и штабными. Ко дню рождения отца, 27 декабря, мы приготовили ему сюрприз и разыграли драму «Артист», где я весьма удачно исполнил роль живописца Клермона, который в первом акте слепнет, а во втором ревнует к другу дома маркизу и подозревает в измене свою жену. Роль эта исполнялась в Петербурге В. А. Каратыгиным, и я старался ему подражать, почему, вероятно, и вызвал обильные слезы в сентиментальных зрителях.

Все хлопоты и приготовления чуть было не пропали даром. Задолго до торжественного дня роли были разучены, декорации одного из кременчугских любителей, отставного инженера Потемкина, поставлены в зале собрания, нанятого нарочно для этого случая, афиши написаны, и мы с нетерпением ожидали 27 декабря, чтобы за большим обедом, который имел обыкновение давать мой отец в этот день, обрадовать старика и удивить весь город.

Наконец наступил ожидаемый день. Я проснулся со страшным приступом лихорадки. Поздравив отца, я слег снова в постель и не мог присутствовать при приеме многочисленных посетителей, приехавших с поздравлениями. Целый день меня, накрытого шубой, знобило как в жестокий мороз и трясло немилосердно, и даже тогда, когда все сидели за роскошным столом в нижнем этаже дома.

Сконфуженная труппа актеров повесила носы при мысли, что все труды нашей затеи пропадут даром, и прислала спросить меня, могу ли я играть и можно ли раздавать афиши и приглашать как отца моего, так и всех наших гостей, которых было до 150 человек, на спектакль. Чуть ли не в бреду я разрешил им приглашение, встал с постели и в карете поехал в собрание,

чтобы распорядиться в окончательных приготовлениях по части приема званых гостей, и в буфете собрания выпил залпом два стакана крепкого пунша. Через час стали собираться актеры, зажгли лампы, закурили и вполне приготовились. Не замедлили и гости, приехал виновник торжества и занял кресло в первом ряду.

Перед самым поднятием занавеса сестра Ольга заметила, что я не твердо как-то выговариваю слова, и я должен был сознаться, что я пьян. Бедные товарищи мои опасались выпустить на сцену пьяного героя пьесы, но делать было нечего, отступления не было, роковой звонок раздался и занавес взвился. Страх или что-то другое отрезвили меня совершенно. Первое действие сошло гладко, а во втором я произвел даже фурор и при окончании пьесы успел даже подметить несколько платочков в руках провинциальных дам и барышень. Главная польза этого спектакля для меня заключалась в том, что злая лихорадка меня совершенно оставила, и я отделался одним пароксизмом.

Вечер заключился блистательным балом и роскошным ужином; все было устроено по секрету от отца, хотя и на его средства, так как я ухитрился помимо собственных издержек на припасы к ужину достать из погреба отца несколько дюжин вина, которое ежегодно выписывалось им из Москвы от Дюлю и Леве в порядочном количестве и было все на счету под ключом. Дня за три до представления батюшка чувствовал себя не совсем здоровым и не выходил из комнаты. За обедом сестре захотелось к десерту малаги, и старик, поручив мне ключи от погреба и указав, на какой полке стоит требуемое вино, послал меня за ним; тут-то я и успел вытащить те бутылки, которыми угощал наших гостей за ужином 27 декабря.

Другой пьесой, которою мы угостили наших посетителей, был переводной водевиль «Девушка-гусар», где я играл роль капитана Роланда, которую исполнял на петербургской сцене Иван Иванович Сосницкий, а сестра Sophie исполняла роль с переодеванием, которую играла когда-то покойная Асенкова. Мы оба произвели фурор, а равно и Михаил Матвеевич Зеленко, который был уморителен в роли содержателя пансиона.

Нам так удались наши представления, что я в следующий приезд мой в Кременчуг в 1851 году играл еще однажды с бра-

том Львом, который отлично исполнял роль Мартынова в водевиле «А. и Ф. » и «Два отца и два купца», а со мною вдвоем роль Пишо в водевиле «Chambre deux lits». Приехав накануне предполагавшегося спектакля, брат за ночь выучил свои три роли и, без репетиции выйдя на сцену, был превосходен. Имея отличную память, он чрезвычайно хорошо читал, овладевая сразу мыслию сочинителя; покойный Гоголь уверял мою сестру Смирнову, с которою был очень дружен и которую часто посещал, что брата Льва он считает лучшим Хлестаковым (в «Ревизоре»), которого он когда-либо видел на разных сценах.

Сцена, где полупьяный Хлестаков после завтрака в богоугодных заведениях начинает завираться перед сонмом городских властей, в самом деле читалась моим братом неподражаемо. Он так сознательно врал, что чувствовалось, что он сам был уверен в том, что ежедневно ездит во дворец, играет с посланниками, управляет департаментом и пишет Сумбоку и разные оперы.

Я также имел некоторую долю этого таланта и в жизни моей мне случалось часто доставлять удовольствие моим чтением в интимных кружках. Так однажды, прочитав, или лучше сказать проиграв (я на каждое лицо переменял голос) «Женитьбу» Гоголя в присутствии дядей Дмитрия и Николая Ивановичей Лорер, тетки Варвары Григорьевны, двух кузин моих Настеньки Мазараки и Катеньки Лорер и графа Дмитрия Ерофеевича Сакена и его жены, уморил их со смеху до того, что у всех их сделались колики. В другой раз я читал «Тяжбу» Гоголя в гостиной Девитта; я сидел уже за книгой на видном месте, когда слушатели еще рассаживались, и начал пьесу, издав несколько звуков — последствие сытного обеда, которые тем не менее считаются неприличными в гостиных и написаны автором пьесы в скобках, для актера. Хозяйка литературного вечера перепугалась и поспешила предложить мне *un verre d'eau sucre*, от которого я отказался и продолжал читать монолог лица, как ни в чем не бывало, и скоро убедил слушателей своих, что это была игра с моей стороны.

<...>

В январе Оболенские поехали в Москву для знакомства с многочисленную роднею князя, а я по истечении срока четырехмесячного отпуска вернулся через Калугу в полк.

Проведя несколько дней у зятя Смирнова, который соби-
рался оставить губернаторское место, я вблизи Оптиной пусты-
ни с известным монастырем имел случай еще раз обнять мою
милую сестру Ольгу, которая возвращалась последним зимним
путем из Москвы и была уже в «интересном положении».

По возвращении в полк я застал нового полкового команди-
ра Александра Ивановича Бреверна. Служа в конной гвардии,
он в чине полковника был как-то в отпуску в своей деревне в
Пензенской губернии, в это время государь Николай Павлович
в одно из путешествий по России сломал себе ключицу и дол-
жен был пролежать некоторое время в г. Чембаре. За доставку
мебели и всего, что было необходимо для царственного стра-
дальца, Бреверн был сделан флигель-адъютантом и вскоре по-
лучил наш полк.

Он был очень красив собою и женат на М. А. Сольдан. Впо-
следствии, сумасшедшим, о чем я буду говорить в свое время,
Александр Иванович признавался Баумгартену, что не может
жить с этой женщиной, но не объяснял ему причины, хотя мы
все знали, что он в связи с какою-то Голицыной в Новгороде,
далеко уступавшей в миловидности любезной Марии Алексан-
дровне. Бреверн знал свое дело, но был суетлив и скуп до неве-
роятности. Так, сохранив привычку не пить за обедом другого
вина, кроме шампанского, и опоражнивая ежедневно бутылку,
он не наливал ни капли своему постоянному застольнику, пол-
ковому адъютанту Добелевскому, и каждый день не упустил слу-
чая прибавить, что он не понимает, как можно не пить шипуче-
го и отказываться от него. Скупость, доведенная до скаредно-
сти, как кажется, и довела его до сумасшествия.

<...>

Находясь так близко от Кременчуга, где мой отец в то вре-
мя был начальником конной артиллерии резервной кавалерии,
состоявшей под начальством графа Никитина, грешно было бы
мне упустить случай обнять его лишний раз, и я взял 28-днев-
ный отпуск и через Переяслав полетел туда. <...>

Как губка въехал я в родительский дом, где к довершению
неудачи никого не застал, так как отец был на царском смотре в
Вознесенске и Елисаветграде, а мачеха и сестра с мужем князем
Ухтомским и братом моим Львом, находившимся также в отпу-

ску, сопровождали его, чтобы полюбоваться огромным скоплением войск, которых было собрано, сколько мне помнится, более 300 эскадронов кавалерии, не говоря уже о массе пехоты и артиллерии. Разложив по всем комнатам *belle* этажа нашего дома для просушки весь свой скарб, я поехал на дачу, занимаемую отцом верстах в трех от города, и там предался отдохновению.

Царские смотры скоро окончились, и однажды вечером вся семья моя возвратилась, к большому моему удовольствию, так как я начинал скучать. С ними приехал и учитель музыки младшей сестры моей чех Враштиль, белокурый, статный славянин, с которым мы вскоре очень сошлись.

В то время появилась в Кременчуге холера, и все чувствовали небольшое органическое расстройство, но мало обращали внимания на эту гостью, исключая брата Льва и Враштиля, которые, постоянно играя вдвоем в карты, по несколько раз в день показывали друг другу языки и щупали пульс, что нас всех очень смешило и забавляло. Враштиль кончил курс музыки в пражской консерватории, отчетливо играл на фортепиано и хорошо сочинял. Он передал вполне свое искусство сестре, которая и до сих пор не перестает заниматься музыкой, хотя уже в летах и мать многочисленного семейства; ноты она читает так, как обыкновенные смертные читают книги.

Двадцать восемь дней отпуска протекли быстро, и я должен был спешить в полк. Чтобы разнообразить свои впечатления и избежать на этот раз монотонности путешествия, я поехал на Калугу, где зять мой Смирнов был губернатором. Сестра была в Петербурге, а зятя я застал собирающимся оставить губернаторское место после пристрастной ревизии сенатора Давыдова. Главным поводом к этой поверке калужского губернатора была жалоба отставного генерала от кавалерии Ершова, кульмского героя, которого побочная дочь Софья недавно вышла замуж за сводного брата моего Иосифа Россета.

Вот как было дело. По выходе из Пажеского корпуса в 1831 году в лейб-гвардии уланский полк брат мой своею миловидностью, искусством в танцах, при всех требованиях тогдашнего времени, был видным кавалерийским офицером и постоянно приглашался во все аристократические дома и даже в Аничковский дворец, где государь собирал тогда сливки нашего общества. Та-

кая жизнь стоила порядочных денег, а брат, несмотря на частую и широкую помощь богатого Смирнова, прокутился, а так как в это время наступила и такая пора, что надобно было сделаться благоразумным и остепениться, он стал помышлять о выгодной невесте. Я помню время, когда он в шутку показывал мне список невест, большею частью московских, и колебался в выборе подходящей жены, и, кажется, для этого выбора даже ездил в отпуск в Москву. Не знаю, по каким причинам он вышел в отставку, и выбор его пал на дочь Ершова, брата которой, законные дети генерала, служили когда-то в лейб-гусарах и слыли за богачей.

Пустив в ход все пружины обольщений, Осип Осипович Россет скоро покорила сердце милой образованной девушки и приобрел расположение старика отца, который обещал в приданое за дочерью 600 тысяч ассигнациями, и свадьба их вскоре состоялась. Прошло несколько времени, а старый скряга не исполнял своего обещания и не выдавал денег, а брат Иосиф, приехав в Калугу, просил зятя Смирнова помочь беде и уговорить упрямого beau-père рассчитаться с ним, когда тот придет в Калугу пожуировать. Приступая к этому щекотливому делу, Смирновы, само собою разумеется, ухаживали за стариком, который сильно напоминает мне генерала Бетрищева в «Мертвых душах» Гоголя, лстили всем его вкусам и кормили на убой, так как жили очень открыто и это им ничего не стоило. Эти ли причины заставили старика выделить свою дочь или, может быть, разнеженный Гарпагон и в самом деле хотел оправдать себя перед новой родней, но только в конце концов выдал Россету дарственную запись на 600 тысяч и по-видимому спокойный, ежели не довольный, уехал к себе в деревню.

Казалось, что и делу конец, но не тут-то было. Законные дети Ершова, в особенности Иван Ершов, научили старика отказать от добровольной подписи, и вот в Сенат поступило дело, по которому доказывалось, что Смирновы преднамеренно завезли к себе Ершова, ухаживали за ним, кормили, поили и будто бы пьяному подсунили к подписи дарственную запись. В это же время Смирнов почему-то не ладил со своим вице-губернатором Клушиным, очень умным человеком (я знал его впоследствии губернатором в Херсоне), и, кажется, по его доносам назначена была высочайшая ревизия сенатора Давыдова. Сколько мне

помнится, всенеправильные действия Смирнова, человека в самом деле честолюбивого и, может быть, горячего и опрометчивого, но честного и благонамеренного, заключались в следующем: заботясь о благолепии города, он выселил из оврага, находившегося перед самым губернаторским домом, целый притон кабаков и непотребных домов на городскую землю вне города, а овраг обратил в парк, пожертвовав до 100 тысяч ассигнациями на это дело. Кроме этого, говорили тогда, что сенатор-ревизор нашел, что губернатор превысил свою власть, дозволив дважды своему чиновнику особых поручений, т. е. моему брату Льву, отлучиться в Москву на долгое время.

Оставив свой пост, Смирнов в Сенате выиграл дело и блистательно оправдался, как по жалобе Ершова, которому была доказана вся ложь и клевета доноса, так и по своим действиям в Калуге. Ершов был присужден к уплате Смирнову за клевету 13 или 14 тысяч рублей, которые Николай Михайлович подарил опять-таки городу Калуге, и к опубликованию в газетах его поступка, а Иосиф Россет получил свои 600 тысяч. Для полного удовлетворения Смирнов вскоре самим государем был назначен Санкт-Петербургским гражданским губернатором.

Вскоре по моем возвращении в полк, где я снова принялся за службу, полк был встревожен слухами, что нас двинут в поход. В разноплеменной Австрии давно уже длилась вражда одного племени против другого, пламя революции и крамолы во всей Европе быстро охватывало государства. Я не знаю настоящей причины восстания венгерцев с Кошутом, Бемом и Гергеем во главе, но Австрии приходилось плохо.

Стоящий во главе европейских дворов, государь Николай Павлович при первых признаках колеблющегося трона великодушно предложил свою помощь, и наши войска заняли Краков, а дивизия генерала Паниютина быстро пролетела до Вены и спасла ее от разорения и конечной гибели, так как из австрийской армии оставалось только ядро истых немцев для защиты Габсбургов. Волею-неволею мы должны были драться и спасать державу, которая постоянно и везде нам пакостила и кончила тем, что в 1854 году, т. е. 6—7 лет спустя, удивила свет своею черною неблагодарностью.

<...>

В этом году батюшка, продав 2300 десятин земли из 4 тысяч ему пожалованных в Саратовской губернии, за 20000 рублей, приезжал весною в Петербург, и я с позволения великого князя Михаила Павловича провел с ним два месяца в Петербурге, и благодаря средствам, которые уделил мне батюшка, очень весело, прокутив до 2000 рублей.

Билеты в театр были в то время картонные и только показывались капельдинерам при входе, а потому для памяти я надписывал на них названия пьес, которые я видел, и долго хранил их, а в 60 дней, т. е. в два месяца, я успел накопить 80 билетов. Такое большое число билетов образовалось потому, что на масленице мне часто приходилось бывать и на утренних, и на вечерних спектаклях, а также в один и тот же вечер побывать в двух театрах: в Большом в балете любоваться Талиони, а в Александринском восхищаться Каратыгиным.

<...>

В это, сколько мне помнится, время со мной случился казус, повлиявший много на мой вспыльчивый характер, и я считаю его исходным пунктом поворота в моем самоисправлении. В начале моих записок я, кажется, упоминал о бывшем когда-то адъютанте генерала Милорадовича помещике Тыркове, жившем верстах в семи от штаба полка с женою и несколькими дочерьми. С радушным домом этим, почти единственным в нашей глухой местности, весь почти Гродненский полк был знаком и еженедельно, а иногда и чаще, находил в нем ласковый прием и сытный ужин, а многие из нас изучали там на практике танцы и великосветские манеры в обществе взрослых девиц Тырковых и их матери Татьяны Х., рожденной Извековой, строгой блюстительницы этикета. Полковой командир наш генерал Берг был одним из старейших и завязанных посетителей этого дома.

Приближался день именин хозяина или хозяйки, не помню, и весь полк получил приглашение на бал. Возникло сомнение, в чем ехать: в сюртуках или мундирах, но Берг, объявив, что едет в сюртуке, решил, как представитель полка, наш костюм, взяв в оправдание этого халатного поведения и дальность поездки в деревню, и то обстоятельство, что утром почти весь полк был уже у именинника в мундирах. Вообразите себе мое удивление, когда, приехав вечером чуть ли не первым, я застал зал блиста-

тельно освещенным, хозяина и его статских гостей во фраках, а хозяйку, дочерей и многих приглашенных дам в платьях с открытыми шеями и голыми руками (d collet). Положение мое, само собою разумеется, было неловкое, а особенно когда я заметил, что подобная бесцеремонность сильно повлияла на хозяйку. Волею-неволею пришлось побороть смущение, и я, поздравив виновника торжества, начинал оправляться и стал обходить многочисленный кружок дам.

В это время гостиная быстро начала наполняться товарищами. Как марионетки мелькали они передо мной, и каждый из них более или менее испытывал то неловкое чувство, от которого я только что освободился и которое я уже хладнокровно мог наблюдать у каждого из них. Редкий из них успел скрыть смущение, и все они были смешны и неловки. Но смешнее всех на ту пору мне показался Христофор Федорович Герлах, длинный немец, с которым мы служили когда-то в одном эскадроне и были в очень хороших приятельских отношениях. Когда озадаченный блеском парадного собрания Герлах, просеменив ногами посреди комнаты, отделался от поздравления и проходил очень близко от меня в залу, у меня невольно сорвалась с языка весьма правдивая оценка смущения наших товарищей, и я сказал ему сквозь зубы: «Какие мы глупые рожи корчим». Не слышал ли Герлах в самом деле моего замечания, но он почти в упор, лицом к лицу, произнес: «Что ты сказал?» Я повторил свое замечание слово в слово, а Герлах еще настойчивее и уже с вытаращенными глазами все переспрашивал, хотя и вполголоса, напирая на меня все сильнее и сильнее. Отворачиваясь от брызг слюны, извергаемой обиженным по-видимому немцем, я не выдержал, и благодаря врожденной строптивости и вспыльчивости у меня вырвалось такое непечатное слово, которое даже предосудительно в устах дворника.

Казарменная холостая жизнь нашего полка, конечно, была причиной такой распущенности и дурных привычек, но дело сделалось, птичка вылетела, и ее не поймаете! Стоявший подле меня К. Е. Баумгартен в то же мгновение взял меня под руку и отвел в зал, где раздавались уже зазывные звуки вальса, и тут только я пришел в себя. Среди общего веселья мне не довелось сойтись и извиниться перед моим товарищем, и я по беспеч-

ности характера даже весело провел весь вечер, а когда возвратился домой, часа в четыре утра, лег спать с твердым намерением утром протянуть руку Герлаху и просить прощения моему невольному увлечению. Проснувшись, я занят был письмом, когда часов в девять вошел ротмистр Моллер, большой приятель Герлаха, с вызовом на дуэль. Весьма понятно, что положение мое переменилось, и я тотчас же решил в душе не просить извинения перед дулом пистолета; объявив Моллеру согласие дать удовлетворение его доверителю и избрав себе секундантом К. Е. Баумгартена, посвященного уже в нашу ссору с Герлахом, я наперед согласился на все условия, какие положат между собою секунданты. Дуэль была решена на пистолетах на следующий день; стреляться по сигналу в 10 шагах и по 10 шагов расходу. Считая себя вполне виноватым, я тогда же объявил своему секунданту, что стрелять не намерен и желаю подвергнуть себя наказанию от руки моего противника, и молю только Бога, чтоб он утвердил меня в этой мысли и дал бы мне силу воли достойно выдержать характер.

На следующий день, однако, мы стреляться не могли, так как Герлах был дежурным по полку. За ним следовала моя очередь, и дуэль также была отложена. Приготовившись ко всяким случайностям, секунданты наши, в ограждение себя от наказания, которое неминуемо следовало в то время от правительства, положили, чтоб мы имели по письму в кармане, которым заявляли бы каждый за себя, в случае смерти одного из нас, что сами были причиною ее. Ежели бы кто из нас был ранен, то невинимый должен был привезти домой раненого.

Не знаю, как провел эти три дня мой противник, но я был спокоен, и канун дуэли, быв дежурным, провел, переворачивая ноты любезной Эрминии Феодоровне Берг. Последнюю ночь я провел прекрасно и спал так крепко, что, не разбудил меня в 5 часов Фердинанд Баумгартен, я наверное опоздал бы на место дуэли.

Секундант мой давно уже ждал меня на выезде из штаба, над Волховом, по дороге в Спасскую поместь, когда я в одиночку на моем славном рысачке догнал его и, взяв с собою, продолжал путь на 4-ю версту. Помню живо мысли, которые гнездились в моей голове и, быстро сменяя одна другую, как в зеркале представляли мне всю мою прошлую жизнь. Так как мы ехали по местам на

шей обычной охоты, а мне эта местность была известна как свои пять пальцев, я с большим сожалением прощался с ними, предполагая уже более никогда не охотиться. Резкий утренний воздух и восходящее солнце, золотившее девственный лес, оживляли, как бы нарочно, зимний путь наш и заставляли меня еще более сожалеть о себе. Мы оба молчали. С четверть версты впереди виднелись санки наших противников, и моя резвая лошадка довезла нас до рокового места почти одновременно с ними.

Дерптский студент Моллер живо протоптал в снегу дорожку, отсчитал шаги, поставил какие-то прутики барьером, и секунданты, поднеся нам по пистолету, поставили друг против друга. Упорствуя в своем намерении не стрелять и выжидать выстрела противника, я не брался за собачку, держал пистолет за шейку ложа и беззаботно курил папиросу, когда Моллер, стоя шагах в десяти влево от Герлаха, неторопливо сосчитал «Раз, два, три», и мы двинулись навстречу друг другу; я шел обыкновенным шагом и прямо смотрел на поднятое на меня дуло пистолета моего противника, который, метя мне в лоб, вдруг спустил курок. Только отчетливо звякнул он в лесной тиши, и выстрела не последовало.

Ободренный видимым покровительством провидения, я предложил моему противнику продолжать. Секунданты воспротивились, конечно, но я настоял на возобновлении дуэли. Пистон был переменен, и мы снова разместились по прежним местам. Противник, видимо сконфуженный, не подозревая, что жизнь его нимало не подвергается опасности, вероятно из жалости, навел пистолет свой мне в грудь и выжидал рокового знака. Едва он раздался, как пистолет моего противника снова дал осечку, а я, сказав ему, что Бог любит троицу, позволил еще раз возобновить дуэль. Признаюсь, что во время этой вторичной перемены пистона у меня начинало зеленеть в глазах, хотя папироска моя не потухла и я ожесточенно пускал клубы дыма.

Убийство началось в третий раз, и, когда я невольно отвернул голову от наведенного на меня пистолета, выстрел наконец раздался, и я почувствовал как бы сильный удар хлыстом в правую ляжку и вдоль по левой. Я пошел скорыми шагами к моему противнику, видимо растерявшемуся окончательно и, вероятно, вообразившему, что я, выдержав три его выстрела, иду по-

ложить его на месте *bout portant*. Ничего подобного у меня не было на уме. Мне казалось, что я ранен, и ощущение теплой, текущей в сапог крови ясно чувствовалось. Я счел позволительным для себя просить извинения у моего противника и протянул ему руку со словами: «Вы поторопились вызвать меня три дня тому назад и стрелять теперь, и сами виною, что не дали мне времени просить у вас прощения в той неумышленной обиде, которую я вам нанес по заносчивости моего характера. Наши дружеские отношения после всего происшедшего, конечно, продолжаться не могут».

С моим секундантом мы живо доехали до штаба, где встретил нас старший Баумгартен, сильно обеспокоившийся за исход дуэли, в которой мог пасть только я. Предполагая себя раненым, с ним и к нему в квартиру мы и заехали. Ощущение, мною испытываемое, было ложно, так как оказалось, что я был сильно контужен по ляжкам; рейтузы изорваны и как бы надрезаны, сюртук по складкам имел пять круглых дыр, и кроме того правый карман рейтуз оказался прорванным, а серебряной спичечницы, подаренной мне незадолго перед этим Баумгартеном, в нем не оказалось. Примочив льдом кровавый рубец своей раны, я, как ни в чем не бывало, отправился в манеж и преисправно отгонял пять-шесть смен своего эскадрона.

Дуэль эта разгласилась между товарищами, и не с моей стороны, конечно. Все сочувствовали моей безрассудной, но лихой выходке, и я упрочил за собой репутацию рыцаря, а противник мой много потерял во мнении товарищей.

На другой день мы с Баумгартеном ездили на место дуэли, и я нашел на отпечатке моей правой ступни, на снегу, мою спасительницу-спичечницу от увечья, хотя и изуродованную и без крышки. Пуля, попав в нее, приняла косвенное направление и, испепелив несколько находящихся в ней спичек, пошла в сторону; таким образом выстрел злобствующего немца, не причинив мне вреда, пошел по кустам и только напугал, быть может, невинных пташек. Исковерканная спичечница эта хранится у меня доселе.

<...>

В 1849 г. сестра моя Ольга Оболенская, прохворав почти все время в Царском Селе, нуждалась в лечении и в теплом кли-

мате, а потому муж ее Петр Сергеевич должен был оставить службу в Образцовой конной батарее, выйти в отставку и принять место губернского почтмейстера в Одессе. Переселение это родные мои сделали до Москвы вместе с сестрой Смирновой в двух огромных экипажах и останавливались у меня в штабе на несколько дней. Само собою разумеется, что я принял их с полным радушием в своей поместительной квартире и старался веселить всеми развлечениями, которые можно было доставить им в таком захолустье. Полковые трубачи играли под моими окнами по целым дням, я водил своих гостей и в казармы, и в конюшни, посвящая их в суть кавалерийской службы; я устроил даже охоту с гончими в близлежащем лесу <...> Сын сестры маленький 3- или 4-летний Сережа восхитил своею наружностью весь полк, и товарищи мои по целым дням возились с ним на бульваре. Сестры остались очень довольны своим пребыванием у меня <...>

Уже в бытность мою в отпуску в Кременчуге, в январе 1852 г., где я провел отлично время, получено было из Москвы письмо брата Льва, в котором он извещал о ходе болезни сестры и о том, как он перевез ее (за отсутствием мужа ее по службе) в Москву и поместил во флигеле дома другого зятя князя Ухтомского. 8 февраля 1852 г. бедняжка скончалась. Я не помню горя, сильнее на меня подействовавшего: я рыдал по целым часам и был неутешен, особенно при том унынии и отчаянии, которые воцарились во всем нашем семействе и во всем круге наших знакомых. Без видимого траура мы все как-то невольно наложили его на себя... Эта вторая утрата, выхваченная неумолимою смертью из счастливого семейства нашего (после смерти брата Ивана), тяжко отозвалась на старике отце и, как мне кажется, нанесла ему смертельный удар. <...>

После тягостных прощаний с семьей мы с братом пустились в путь, рассчитывая каждую копейку, и скоро прибыли в Москву, где, учинив расчет наших общих кошельков, должны были убедиться, что оставшихся денег мне, как долженствовавшему ехать до Новгорода, едва-едва хватит, а брат принужден оставаться в Москве без гроша.

Беспечная молодость и находчивость брата много тогда ему помогла. Поселившись в лучшем знакомом отеле, имея еже-

дневно извозчицью карету и не отказывая себе в должной великосветской обстановке, он сумел честно прожить это тяжкое безденежное время и несколько лет считался в высшем кругу одним из видных женихов и достойных молодых людей, на которых, впрочем, Москва не так-то была богата.

В этот проезд мой через Москву я в последний раз видел своего сводного брата Александра (Карла) Россета, женатого на Афросимовой. Произведенный из Пажеского корпуса в офицеры в Преображенский полк в 1834 г., красавчик и весьма исполнительный по службе, он вскоре назначен был полковым адъютантом этого первого полка нашей гвардии и 14 лет исполнял эту трудную должность.

<...> Брат приехал в Москву лечиться гидропатией и здесь, скоро после моего вышеупомянутого проезда через Москву, скончался, опять-таки на руках брата Льва, которому таким образом пришлось почти одновременно закрыть глаза своим ближайшим родным... Я и теперь удивляюсь, как мог он, при своем слабом здоровье и нервах, вынести такие удары судьбы.

<...> Отец в мае месяце просился в отпуск к морским купаньям, имея в виду, кроме того, похозяйничать в имении нашем Адамовке Херсонской губернии, и вскоре получил разрешение с пособием в 4000 руб. от казны. <...>

В летах батюшки, при его болезни и при таком дальнем путешествии ему необходима была ближайшая помощь и постоянный уход, и я, не заставив себя долго упрашивать, сопутствовал ему на сей раз в Одессу, получив отпуск на 4 месяца по болезни, так как действительно страдал завалами печени — следствие геморроидальных припадков, которые одолели меня в последнее пребывание мое на торжествах в Москве. Я намерен был съездить к Кавказским минеральным водам, оставив батюшку, ежели ему будет лучше, в Одессе на теплых морских ваннах.

В половине мая мы отправились в путь в четырехместной коляске, с камердинером отца Петром и моим поваром Григорием. Несмотря на существование в то время железного пути, мы должны были на этот раз пренебречь им, потому что намеревались продолжать наш путь до Одессы, и без экипажа этого сделать нельзя было, да и разница в быстроте езды паровозом и конями по шоссе не составляла в самом деле большого сбереже-

ния времени при той шибкой езде, к которой отец мой не только привык, но и требовал во всех своих путешествиях. Неугомонность его и нетерпение выходили из границ: он по суткам не выходил из коляски для уголения голода или своих нужд, иногда питался холодным мясом запаса, очень много курил свои крепкие сигары и гнал без милосердия ямщиков. Мы неслись с быстротою молнии и на 5-е сутки были уже у себя в деревне.

Дня через три, забрав деньги, имевшиеся в экономии, я с батюшкой поселились в Одессе в «Петербургской» гостинице, на углу, против памятника Ришелье, в трех чистых больших комнатах. Так как батюшка стал брать теплые морские ванны, которые видимо приносили ему пользу, я начал собираться на знакомые мне Кавказские минеральные воды и хотел добраться до них дорогою, доселе мне незнакомою, т. е. морем через Евпаторию, Севастополь, Феодосию, Керчь, Тамань, Екатеринодар, Ставрополь, а потом знакомою дорогою в Пятигорск. Оставив повара своего батюшке на случай отъезда его в деревню, я нанял себе человека и на частном пароходе вскоре отправился в путь, в первый раз в жизни рискнув на такое путешествие по неверной стихии...

Т. Е. Донцова

ОКОШКО В «СТАРУЮ ОДЕССУ»

Светлой памяти

*Владимира Адамовича Чарнецкого
и Валентины Ивановны Боровской*

Придумать более оригинальный заголовок не удалось. Да простится литературная неуклюжесть краеведу, чье вступление лишь предваряет публикацию чужих записок. Хотя два десятка ветхих, каллиграфически исписанных страниц, подаренных мне вдовой В. А. Чарнецкого В. И. Боровской, лучше назвать фрагментом дневника отца и сына Драго. Листками дневника (самодельной тетради) служила тонкая почтовая бумага, изготовляемая в Одессе ровно полтора столетия назад.

Замечу сразу: сенсаций заметки одесситов Драго не содержат. Но уверена, что знакомство с ними доставит наслаждение любителям истории родного города.

Отрывок начинается записью, датированной 1 августа 1854 года, и обрывается после 6 января 1855-го. Причем лирические отступления соавторов не раз возвращаются к памятным для них событиям прошлых лет. И тут, наряду с подробностями быта семьи чиновника средней руки, которые также чрезвычайно любопытны, описана совсем молодая Одесса разгара Крымской войны. Глазами зрелого мужа и ребенка-гимназиста мы видим ее празднества; ее торговые заведения — кондитерскую, базар, пекарню; ее пресловутую грязь в межсезонье; ее Бульвар с видом рейда, где привычно маячат суда неприятеля... Картинки давно минувшей жизни одновременно узнаваемы и уникальны. Кому же мы обязаны таким прелестным экскурсом в былое?

Поиск следов владельцев дневника начался с их собственных откровений. Тщательный анализ текста и почерка каждой записи позволил набросать подобие кратких характеристик наших героев.

Драго-отец — глава большого семейства, служит в канцелярии, имеет чин секретаря, приблизительный возраст — сорок лет, похоже, доволен своим положением в обществе, религиозен, любит музыку, русскую поэзию, с удовольствием выполняет хозяйственные поручения жены, не лишен маленьких человеческих слабостей.

Родители Драго растят шестерых детей – дочь Соню и пятерых мальчиков – Митю, Петю, Андриюшу, Колю и Сашу. Старший из братьев – прилежный третьеклассник Ришельевской гимназии Митя – гордость Папеньки с Маменькой. Именно его перо – живо, ярко, непосредственно – дополняет отцовские строчки.

Сравнительно быстро удалось установить, что в Одессе середины XIX века проживали трое чиновников Драго: Андрей Петрович, Иван Петрович и Карп Петрович, находившиеся, очевидно, в близком родстве. Кандидатура Карпа Петровича исключалась сразу (см. запись от 4 января). Выбор из оставшихся Петровичей искомого казался пустяковым делом. Не тут-то было! Вот несколько примеров знакомой исследователям ситуации, когда найденный ответ порождает новый вопрос.

✧ В списках городского недвижимого имущества за 1848 год оценены дома жены коллежского секретаря Марии Драго по Успенской улице и коллежского секретаря Ивана Драго – по Базарному (Ониловой) переулку¹. Оба адреса подходят идеально, но чья жена Мария?

✧ Метрическая книга Покровской церкви на Александровском проспекте 1847 года, раздел «Умершие»: августа 11 дня отпевали жену губернского секретаря Ивана Петровича Драго, Феодосию, 22 лет, скончавшуюся от чахотки; ноября 23 дня умер сын Андрея Петровича Драго, Николай, 4 лет². В таком случае братишка Мити – Коля, который «капризится», но уже умеет танцевать и тащить дрова, – может быть как сыном рано овдовевшего Ивана Петровича, так и отпрыском Андрея Петровича. Рожденного позже ребенка могли окрестить в честь покойного мальчика...

Другие источники помогли наконец разобраться с супружескими парами.

Воспоминания А. М. Дерибаса, глава о чтении Манифеста 1861 года в доме городского головы С. С. Яхненко: «...Но Бог ты мой, какое разнообразное общество! <...> Около старушки хохлушки – матери Семена Степановича – Дарьи Нестеровны ее дочь Дарья Степановна со своим мужем Иваном Петровичем Драго...»³; «Ведомости Одесского городского общественного управления», объявление 1866 года: «Кол. секр. Иван Петрович Драго выступает поверенным в купле-продаже дома жены сво-

ей Дарьи Степановны от мещанки <...> состоящий в IV части, на Молдаванке, LX квартале, под № 6»⁴.

Журнал-алфавит владельцев недвижимости за 1864 год, хранящийся в архиве: ул. М. Арнаутская – домовладелица Елена Драго, жена коллежского секретаря⁵; «Одесский листок», 1907 год, некролог: «15 февраля скончался Карп Петрович Драго, о чем жена и дети извещают... Вынос тела на Новое кладбище из дома № 12 по Мясоедовской улице...»⁶; Адресная книга «Вся Одесса» на 1913 год: «Драго Елена Софроновна, в д. т. с., Мясоедовская, 12»⁷; «Одесский вестник», 1862 год, объявление: «...дом чиновницы Драго, на Успенской, близ Дехтярных рядов, спросить...»⁸

Итак, Иван Петрович вторым браком был женат на сестре Яхненко Дарье Степановне, Карп Петрович был мужем Елены Софроновны, а «чиновница» Мария – жена Андрея Драго. Однако мои находки ни на шаг не приближали к разгадке имени нужной мне особы. Кто из них – Иван или Андрей – скрывался под дневниковым местоимением «я»?

Попытка выяснить отчество гимназиста Дмитрия также не увенчалась успехом. Архив Одесской области не располагает личными делами учащихся Ришельевской гимназии тех лет.

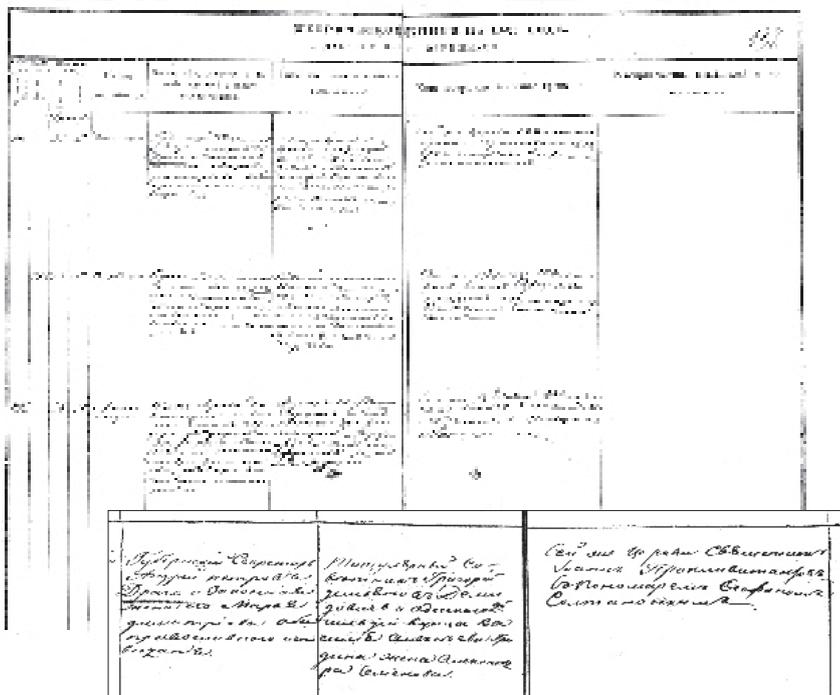
Казалось, «поисковые работы» зашли в тупик, как вдруг, листа catalog «Старая Одесса в произведениях графики», я оторопела. Под номером 97-ЧС catalogа числится литография Ф. Гросса «Бульвар» из частной коллекции С. З. Лущика. На ее обороте, сквозь наклеенную бумагу, прочитывался рукописный текст: «...но было напрасно! так много было народу, что я счел за [лучшее?] уйти. Недоходя до дому мне сказали, что мой брат Ваня у... приехал дядя мой Карп Петрович... что приехали А[нглийские] (парусные) корабли и пароходы и требовали у генерал-а[дьютанта] Барона Остен-Сакена... чтоб он извинился, что приказал стрелять в парламентариев... будут стрелять»⁹.

Совершенно ясно, что обрывок записки или письма повествует о драматичном для Одессы кануне пасхальной бомбардировки 10 апреля 1854 года. И что самое важное – автор этих строк имеет непосредственное отношение к дневнику Драго. Вероятнее всего, литографию Сергея Зеноновича Лущика и отрывок еженедельника из бывшего собрания Владимира Адамовича Чарнецкого объединяла когда-то одна обложка. Ведь заглавный лист исследуемой рукописи также украшает литогра-

фия работы Франца Гросса, а ее размеры идентичны параметрам «Бульвара» известного литографа.

Любезно предоставленный Сергеем Зеноновичем гроссовский оригинал был подвергнут доступной в домашних условиях графологической «экспертизе». Действительно, почерк на тыльной стороне картинке походил на манеру письма... обоих Драго. Сделать более конкретный вывод не позволил слой довольно плотной бумаги, покрывающей письмо. А по взволнованному тону судить о возрасте писавшего еще сложнее. Короче говоря, мнения «экспертов» разделились в пропорции 50 на 50. Поэтому упомянутый Карп Петрович теоретически мог оказаться дядюшкой как мальчика, так и его батюшки. Конечно, последний вариант разрешал все сомнения насчет авторства дневника плюс четко выявлял степень родственных уз действующих лиц нашего мини-детектива. Тогда деда гимназиста Мити по мужской линии должны были величать Петром Петровичем, отца-соавтора — Андреем Петровичем, дядю (отцова брата) — Иваном Петровичем, а брату деда Карпу Петровичу он приходился бы внучатым племянником.

Последняя надежда подкрепить версию документально возлагалась на штудирование метрических книг городских храмов 1840-х годов (по подсчетам, в 1854 году третьекласснику Мите могло быть от 10 до 12 лет), начиная с Покровского. И она оправдалась! Для молодого 27-летнего секретаря городского магистрата *Андрея Петровича Драго* год 1842-й оказался счастливым вдвойне: 20 февраля он обвенчался в Покровской церкви с дочерью коллежского регистратора Дмитрия Ивановича Филиппова, девицей *Марией*, 19 лет, а 23 декабря у четы родился первенец, которого через несколько дней окрестили *Димитрием*¹⁰. Теперь расплывчатые образы Митиных родителей обрели более определенные черты. Андрей Петрович с женой проживали в собственном доме на Успенской, в районе пересечения ее с Дегтярной улицей. Здесь за 12 лет совместной жизни у них появились семеро детей (вспомним умершего в возрасте четырех лет Колю), и неудивительно, что все семейство, включая мужа, называло Марию Дмитриевну *Маменькой*. Карьера Андрея Петровича складывалась успешно. После магистрата он был стряпчим при коммерческом суде, затем столоначальником (заведующим

Запись о крещении Дмитрия Драго в метрической книге Покровской церкви

отделом) Одесской портовой таможни, последние данные о его службе (до 1868 года) связаны с местной полицией, где он числился приставом гражданских дел¹¹. Правда, газетное объявление 1862 года вызывает двоякое чувство: «отдается в наем дом двухэтажный, угловой, принадлежащий чиновнице Драго, на Успенской улице, близ Дехтярных рядов, в коем две квартиры о 6-ти и 3-х комнатах со всеми удобствами и цистерною и лавка с комнатою при ней. Спросить у опекуна Сима Мангуби на Александровском проспекте № 16»¹². С одной стороны, сдавать дом в аренду могли по причине появившихся возможностей улучшения собственных жилищных условий. Но с другой стороны, при чем здесь опекун?

Так или иначе, но к 1875 году дом, где Митя с Папенкой колдовали над своим дневником или журналом, принадлежал уже не Драго¹³. Как сложились судьбы упоминаемых в дневнике потом-

ков Андрея Петровича, тоже пока не известно. В предреволюционных справочниках упоминаются только наследники Ивана и Карпа Петровичей. Впрочем, не будем торопиться с окончательным выводом. Но это — уже сюжет для следующего рассказа.

В заключение приношу сердечную благодарность моим добровольным помощникам и консультантам: сотруднице Музея книги ОГНБ им. Горького Л. В. Ижик, ведущему специалисту ГАОО С. А. Желяскову, коллекционеру, исследователю и краеведу С. З. Луцкику.

Примечания

¹ Список домам и прочим строениям для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. — Одесса, б. г. — С. 16, 28.

² ГАОО, ф. 37, оп. 3-а, д. 6, лл. 180 (с об.), 203 (с об.).

³ Дерibas А. Старая Одесса: Исторические очерки и воспоминания. — Одесса, 1913. — С. 283.

⁴ ВОГОУ, 1866, № 88, 28 июля, с. 361.

⁵ ГАОО, ф. 4, оп. 113, д. 1472, с. 10.

⁶ «Одесский листок». — 1907. — 17 февраля.

⁷ Вся Одесса: Адресная и справочная книга на 1913 г. — С. 133.

⁸ «Одесский вестник». — 1862. — 5 мая.

⁹ Старая Одесса в произведениях графики. Каталог. — Одесса, 1995. — С. 25.

¹⁰ ГАОО, ф. 37, оп. 3-а, д. 2-а, лл. 164/165, 137/138.

¹¹ Новороссийские календари: 1842—1853, 1860, 1868.

¹² Указанное выше объявление 1862 г.

¹³ Висковский К. Путеводитель по г. Одессе. — Одесса, 1875. — С. 10—12.

ФРАГМЕНТЫ ДНЕВНИКА ОТЦА И СЫНА ДРАГО

1854 г. Августа 1. [Андрей Петрович Драго; в дальнейшем все написанное рукой отца обозначено в скобках А. П.]

...мальчик просил старика — научить его мудрости, и старик сказал мальчику: записывай всё, что видишь в свете, потому, что Свет есть самая мудрая книга...

Сердце в будущем живёт,
Настоящее — всё уныло!
Всё мгновенно, всё пройдёт...
А что пройдёт, то будет мило.

(Пушкин)

4 Августа 1853 года. [А. П.]

...Кто этот мальчик в черной курточке, сереньких панталонцах, серенькой круглой шляпке, вошёл в ворота Ришельевского Лицея, и озираясь по сторонам, боязливо идет во 2-й Класс Гимназии?¹

4 Августа 1854 года [А. П.]

...Кто этот ученик в мундире гимназиста, вышел из 2 Клас-са, веселый и довольный собою, забежал в кондитерскую, купил немножко конфеток и спешает домой рассказать Папине и Маминьке, что он, сегодня на первом экзамене, в законе Божием получил — 5?

Этот мальчик, этот гимназист — Дмитрий Драго.

Папине и Маминьке обняв его целовала с радостными слезами...

7 Августа 1854

...Ах! Скоро год как я нахожусь в Гимназии Ришельевского Лицея. Прежде я ходил в рубашке, теперь я хожу в мундире: белые серебряные пуговицы, воротник, обшитый серебряным галуном очень блестят на солнце. Я был вне радости, когда надел свой Лицейский мундир и белые форменные штаны в первый раз!

11 Августа

Я не писал потому в эти дни, что приготавлился к экзамену.

Публикуется с сохранением особенностей правописания оригинала.

1854. Август.

Вчера, в субботу, я посетил Покровскую церковь — интереснейшее из всех храмов Одессы. Это — единственный в городе — католический храм. Он построен в 1812 году архитектором Ф. Гроссом. Церковь имеет купол и колокольню. Внутреннее убранство — в стиле классицизма.

Вечером я посетил концерт в театре. Музыка была прекрасная. Особенно понравился оперный спектакль. Вечером же я посетил концерт в театре. Музыка была прекрасная. Особенно понравился оперный спектакль.

В воскресенье 11 августа

В воскресенье 11 августа посетил Покровскую церковь. Это — единственный в городе — католический храм. Он построен в 1812 году архитектором Ф. Гроссом. Церковь имеет купол и колокольню. Внутреннее убранство — в стиле классицизма.

Оригинал первого листа фрагмента дневника с литографией Ф. Гросса «Покровская церковь в Одессе»

Колыбельная песнь

(Подражание Лермонтову)

Спи [зачеркнуто — Т. Д.] спи, безродный
Баюшки-баю.*(продолжение вперед)**16-го Августа 1854 года*

Я не писал потому, что приготовлялся к экзамену. Теперь же я слава Богу кончил и окончил экзамен очень хорошо. Вчера я был в Лицейской церкви и кончилась когда обедня, то я подошёл к Инспектору Лицея и спросил его: «когда прикажете приходить на учење?». Инспектор отвечал: «во вторник не надо приходить, а в среду прийдите и узнаете когда приходить». Потому то я и пишу сегодня, что имею свободное время.

22-е число Августа [А. П.]...не вдруг увянет наша младость
Не вдруг восторги бросят нас,
И неожиданную радость
Обнимем мы ещё не раз...

(Пушкин)

Многими случаями, и грустными и радостными, врезалось в память мою 22-е число Августа...

— в 1832 году, когда я был ещё и одиноким и бедным, в первый раз видел я в Одессе народный праздник по случаю Священного Коронования Их Императорских Величеств². В Дюковском саду, у Одесского Градоначальника Левшина³, гремела музыка, по сю сторону вся гора покрыта была народом толпившимся около феерверка. Был вечер. С любопытством и изумлением, в первый раз смотрел я на ракеты, с шумом и визгом взвивавшихся к небу огненными струями и с лопаньем в воздушном пространстве разлетающимися ясными звездочками, боязливо вздрагивал я, когда, вырвавшиеся из-под земли бураки с треском, огненными змиями метались над испуганной толпой... Говор народа, сотни беззаботных голов, крики и хохот мальчишек, но вот запылал Царский Вензель, заиграла музыка «Боже, Царя храни!», и все на несколько минут затихло... Огни феерверка догорали, народ расходился, светлая, бледная луна спо-

койно плыла по темному небу; я, одинокий, поплелся на квартиру — грустно и тяжело было мне тогда!..

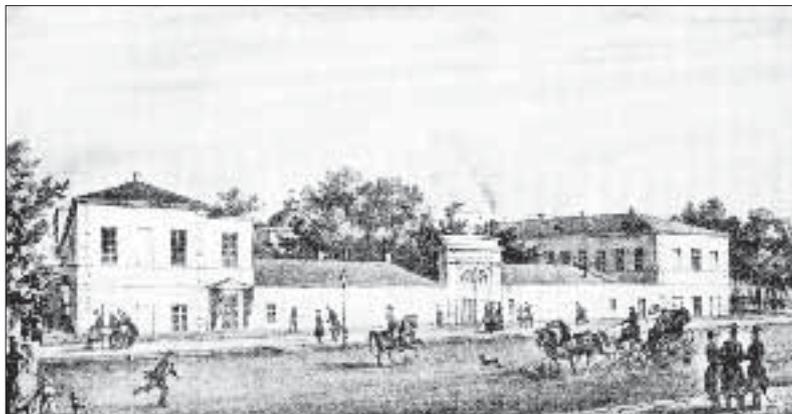
— в 1839 году, когда я был уже секретарем, — имел все необходимое и почти забыл бедность, я гулял на приморском бульваре — где была иллюминация и феерверк, — но, блуждая в толпе народа, одинокий, я возвратился на квартиру усталый и безотрадный; душа моя тосковала, ожидая чего-то или кого-то...

— но вот в 1854 году 22-е августа было для меня приятнейшим в моей жизни, днём, которого я никогда не забуду, событием, которое всегда будет веселить и радовать моё сердце — но об этом надо писать целую историю.

(продолжение вперед)

20 Сентября. Понедельник. 1854

Я перешел в 3 класс. Из предметов, которые в 3 классе преподаются, любопытны для меня есть Древняя История, соч. Смарагдова, и Русская История соч. Устрялова. Теперь 6 часов, я окончил все уроки и иду спать, потому что меня клонит ко сну... до завтра.

Ришельевский лицей со стороны Екатерининской улицы (видна лицейская церковь). Литография Ф. Гросса, начало 1850-х годов

(Один день из нашей жизни)

Сентября 25, 1854 [А. П.]

Мы встали в 7 часов. Утро было прекрасное... $\frac{1}{4}$ 7-го Митя уже одет, ходит по нашей комнате сюда и туда, протверживает

урок и между тем хлопчет о том, скоро ли чай, может ли Семён отвезти его и поеду ли я с ним. Я говорю ему, конечно отвезет, я поеду... Соня одевается и мимоходом подхватила Сашу, который в спальне на ковре возился с подушечкой. Саша кричит, порываясь на пол... «Сонька, на что трогаешь его?» — говорит Маминька... Петя и Андрюша, пробежав из детской по комнатам на коридор и обратно, в одних рубашках и получив необходимое число подзатыльников, одеваются... «Доброго утра, Папенька-Маменька» — говорит Петя не совсем чистым языком. «А разве ты молился уже? — спрашивают его». «Молился, ей Богу молился!» — «Становись, соня и молись, слышь?» (сцена происходит в спальне). Петька намеревается улизнуть; его берут за руку и без церемонии ставят: «молись!» Петька, сгибаясь и поворачиваясь, жалобно просит: «не бейте меня». Это однако ж не мешает ему получить два-три пинка и он протягивает слезную молитву от во имя — до меня грешного. Где в эти минуты был Андрюшка, и точно ли он молился — достоверно не известно, однако ему **доброе утро** [подчеркнуто автором — Т. Д.] сошло с рук...

$\frac{1}{2}$ 7. Чай готов. «А нутка Петька и Андрюшка читайте урок». Урок прочли без ошибки от А до Ери и Ъ⁴, но эти две буквы оказались ужасно трудными и непонятными, нужно было по крайней мере разов двадцать твердить: ерь-ять, ерь-ять, ерь-ять; причем Андрюшка, опершись на букварь локтем, надорвал листок и получил за это по лбу...

$\frac{3}{4}$ 8 ч. Пьем чай. Коля капризится и грызется с Маменькой, смотрит из-подлобья, болтает особенные угрозы вроде этаких, например: «Коля тпруа, а Маминька дома»; «Позовите Федьку [очевидно, слуга в доме Драго. — Т. Д.], пускай он пьет чай». Федька действительно приходит и его усаживают за чай вместо Коли, но это не помогает.

Коля все смотрит из-подлобья и уже только политика Лавки [возможно, на Лавке дети получали порцию «горячих» за непослушание. — Т. Д.] усаживает его за чай; между тем Саша на руках мамки, напившись чаю, остальной на блюдечке намеревался опрокинуть, даже разбить и самое блюдечко... Мите пора в лицей, я тоже готов в Канцелярию... мы поехали... еще не было 8 часов, мы проехали по бульвару; море парилось под светлым солнцем; на рейде, вдалеке, в легких морских парах угрюмо лежали два огромные неприятельские пароходы (Английский и

Французский, блокирующие Одесский порт)⁵. Митя сошел с дрожек в Лицей, а я поехал в Канцелярию.

¹/₄ 3 ч. Я пришел к обеду. На лестнице слышал, что Митя играет на фортепиано фантазию собственного сочинения. Даю честное слово, что при первой возможности я доставлю ему учителя музыки и пения. Он имеет на это способности. После отдыха мы читали книги. Митя прочел лекции, которые я заключаю в этом [неразборчиво — Т. Д.].

9 час. Ужинали. Без особенных происшествий. Перед ужином и после Митя показывал штуки ниткой на пальцах при содействии Сони, а ла [неразборчиво — Т. Д.]. Это очень занимало Петьку и Андрюшку. Я показал Митьке и Петьке шутку-фокус путая на пальцах нитку не задевая, они были этим очень довольны и Петька усердно занимался этим, даже не шел спать. В 9 часов дети легли спать. Я благословил их, крестя и молясь Богу. Затем дописал это и взял книжку почитать, а когда станет клонить ко сну, помолюсь на сон грядущий. Господи Боже! Сохрани нас и помилуй. Аминь!

29 Сентября 1854

Бьет 7 часов, пора вставать! Я встал и оделся; сегодня очень холодный ветер. Почти что ничего не случилось во весь этот день. Потом я повторил уроки и выпил чай, поехал в лицей. Но я сделал большую глупость, что не взял шинели, я озяб очень крепко. Когда я пришел домой, выпил кофе и начал сей час же писать уроки, для того, чтобы иметь свободный вечер, и окончил своё занятие в 4 часа, потом занялся рисованием. Выпивши чай, выучил все уроки и мне осталось несколько ещё времени для отдыха.

6 Декабря

...Настоящее всё уныло.

Пушкин.

Вот уже больше месяца тянется дождливая и ненастная погода; грязь такая, особенно на нашей улице, что пройти невозможно. Разумеется, около пройти можно и ходят много людей, но зато как ходят; просто плавают по грязи. А пойти в калошах, так в грязи и оставишь. Когда я возвращался из Гимназии, то, пе-

реходя нашу улицу, я потерял калоши свои в грязи. Нужно представить моё положение! Хотя совестно было, я плакал! Маменька и прочая честная компания смеялась над моими слезами...

Пословица говорит: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, так вот скоро можно было сказать, что больше месяца протянулась такая неприятная погода, но как медленно и мучительно тянулось это время! Какая нестерпимая тоска грызла сердце! посмотришь в окно: свинцовое небо тяготеет над землёй, густой туман стелется по грязным улицам; по дороге покрытой болотами тащится промокший извозчик, по грязному тротуару шлёпаются рабочие Руссаки и подчас бедные босяногие бабы и девченки...

Глаза утомляются смотря на эту мрачную картину. Раза два, три по утрам были легенькие морозы: так и думалось авось выберемся из грязи, но не тут-то было, к вечеру такой туман разгуливался, или такой дождь, что казалось мучительному ненастью и безвылазной грязи не будет конца; но

...Все мгновенно, все пройдет!

8. Вчера вечером, то есть 7 Декабря и сегодня утром дождь такой разгулялся, что залило все канавы а на улицах образовались лужи. Мы, по правде сказать, были этому рады, имея благовидный предлог не идти ни в Канцелярию, ни в Лицей; однако ж вовсе не думали проводить время в праздности, напротив, намеревались употребить его на самые приятные и полезные занятия. 1-е, что мы сделали, — напившись чаю, я стал учить свой урок из Географии который начинался так: Королевство Бельгийское граничит... а Папенька с Петьюкою и с Андриюшкою твердили в сотый раз или тысячный раз урок, который начинался так: А, Б, В и кончался Ба, Ва, Зо, и что урок этот повторялся удачно, это можно было заключить из того, что Петя складывая Бу, выговаривал Ву — но учению конец...

Маменька сказала Папеньке посмотреть есть ли еще у нас на чердаке дрова. Это было для всех нас (кроме Сони и Саши) сигналом одеваться и идти на работу. Я оделся в старый Лицейский сюртук, Петя в старый тулупчик, Андриюшка в старый бурнусик, а Коля в старый зеленый халатик, и красную шапку и хотя Папенька смотря на нас говорил: бедные мальчишки, но мы были

в кураже и с охотою пошли отыскивать дрова... Кончилось тем, что мы прибрали в конюшне и принесли на верх две нарубленные корзины дров. Потом мы завтракали капусту...

После обеда дождь перестал, солнце проглянуло и чистило воздух от тумана, очень может быть, что завтра утром будет мороз, сомнительно однако ж чтобы он заморозил всю грязь, и потому приходит на мысль: как то мы завтра пойдем?..

А что пройдет, то будет мило.

Прочитавши то, что я сегодня написал, грустно мне, так же точно, как грустны: свинцовое небо, серый туман, невылазная грязь, перемокшие — извозчик, Руссаки и босоногие бабы, но Папенька говорит, и я сам тоже думаю, что это скучное время когда-нибудь будет казаться мне милым...

Поганенько написано, несть правды дать [? — Т. Д.].

9 Декабря 1854

Напрасно мы вчера надеялись что сегодня будет мороз. С самого утра, а может быть и с ночи начался туман такой густой, и такой мокрый, как будто весь воздух взялся водою. С трудом отыскивали для нас дрожки, извозчики уже не хотят ездить в нашу улицу. Когда мы ехали, измученные лошади едва тащили дрожки. Грязь по ступицы колес слилась в сплошные лужи, а на выбоях мы едва не перекидывались. Когда мы возвращались к обеду, во многих местах на улицах грязь была смыта проливным дождем. Дрожек мы не могли взять потому, что дрожечники запрашивали втрое; мы решились переправиться пешком чрез наши кварталы, но почти при самом начале калоши мои слезли в грязь и потому вытащив их из грязи и взяв их в руки, мы пошли по грязи куда попало не стесняясь, и пришли домой забрехавшись самым лучшим образом. Теперь мы не надеемся на мороз, за то ж мы завтра вовсе не намерены выходить из дому. Но скука и тоска! величайшая!..

Декабря 10 [А. П.]

Надежда

Кажется из всего того, что даровал Бог человеку, надежда есть лучше всего (продолжение вперед).

Проснувшись в полночь, я слышал завывание ветра и догадался, что погода переменилась. Действительно, посмотрев в

окно, я увидел все покрытым снегом. На рассвете я поспешил сообщить об этом Мите и всем кто только проснулся. Даже Коля обрадовался снегу, и полусонный восхищался что поедет на санках... Утром однако ж убавилось нашей радости, потому, что снег не замерз. Мы с Митей не ходили сегодня из дому; после чаю я с Митей и Петей сбрасывали с чердака дрова; за труды обещал я им по 50 к. с. [копеек серебром — Т. Д.] когда у меня будут деньги. Вечером Маменька разбирала на фортепиано старые ноты, попались те, которые я когда-то разыгрывал. Они понравились Мите — он хочет учиться музыке (как мне жаль, что не имею никаких средств давать ему музыкальных уроков!). Соня и Петя танцовали Польку-мазурку. Петя презабавно танцует. Митя не охотник танцовать. Позже не случилось ничего особенного. Кажется мороз усиливается; мы все этому душевно рады потому что ненастье и грязь замучили нас; в мороз телу легче и душе веселее; при этом я вспомнил стародавние стишки:

в зимний холод, всякий холод;
все игривы, все шутивы;
и зимой лишь соберутся,
а плутишкам ребятишкам
там и правно, где забавно...

(продолжение 22-е Августа 1854) [А. П.]

Кажется с 1849 установлен в Одессе такой обычай совершать каждого дня 22 Августа крестный ход с иконами прославившимися в России чудотворениями*, в память основания города Одессы. Этот крестный ход совершается следующим образом: накануне, то есть 21 августа, в Соборной Церкви Архиерей со множеством священников совершает торжественно-печальную панихиду за упокой основателей и благодетелей города Одессы, с песнопением святым Мученикам Херсонским. При панихиде присутствуют начальники города Военные и Гражданские.

20 Декабря [взято в скобки — Т. Д.] 1855

3 Января

День перед Рождеством. 25 Декабря.

Утром был мороз; после чаю я узнал, что Папинька идет с кухаркою на базар. Я попросился идти с ним, дорогою с нами

* Эти иконы снимки с настоящих Чудотворных икон [прим. Драго-отца].

ничего не случилось, только когда мы шли мимо одного дома на котором была написана следующая неправильная вывеска:

Содержатель. Балны

Музыкантов Якова Иванова.

над которой мы очень смеялись. На конец мы пришли на рыбную⁶. Тут-то:

Множество голосов громких и невнятных!

Пушкин

смешивались в один голос или звук. Там извозчик кричит, чтобы посторонились с дороги; торговки выхваляют свой товар и заывают к себе покупателей следующими словами: «пожалуйста самый лучший, самый лучший! первый сорт!». Там «угнетенная невинность», кричала жалобным голосом, лежа в мешке, там кабан, воздымая лапы к небу молит о правосудии и много другого видели мы. Сказать правду, я порядком промерз, ну наконец все что нужно было купить, мы кушили; приехали домой на бричке. Я едва отогрел ноги, и очень проголодался. Папинека очень кстати дал нам всем по свежему калачу. Только что я успел съесть калач, как Папинека сказал, что идет опять, потому что Маминька просила купить в Аптеке курительных свечек и порошку, красной тафты для занавеси. Я просил Маминьку, чтобы к нашему приходу приготовили кофе, но они сказали что это нельзя⁷. В это время Папинека моргнул левым глазом. Мы вышли и купив курительных свечек и проч. Папинека сказал, что мы зайдем в кондиторскую и выпьем кофе. Мы шли по Ришельевской улице⁸ и нам повстречалась кондиторская, вошли в нее. Папинека выпил рюмку водки, а я кофе. Расплатившись, мы пошли домой, проведя дорогу в самых приятных разговорах. Пришедши домой, мы поточили наши ножи которые были тупые; в этом занятии нас застали слуги которые мыли комнаты и дошли до той, в которой мы сидели. Пришел от портного человек держа в руках узел; меня Папинека чрез несколько минут позвал в гостиную и я увидел Папинеку в твине⁹ с бобровым воротником.

4 Января 1855

День пред рождеством (продолжение)

P. S. Я забыл написать, что в числе ножей, которые мы точили, были ножи Карпа Петровича. Папинека пошел за фран-

золями¹⁰ к немцу Дурьяну¹¹ (прежде точения ножей), но там не было таких, каких нужно было Папиньке т. е. больших; сказали что будут готовы чрез три часа.

Реклама паровой пекарни Дурьяна с видом дома на углу Херсонской и Преображенской улиц

Мы точили ножи за Папинькой. Входит Карп Петрович, Папинька попросил его чтобы он сходил за франзолями, а за то, что он сходит поточит его ножи. Он взял салфетку и пошел.

Пришел человек от портного держа в руках узел. Он принес твин с бобровым воротником. Папинька позвал меня и я увидел его в твине с бобровым воротником. Он был очень хорошо сшит, но только назади немного отдувался. Так как это привело всех кто находился в столовой, то Маминька всех нас прогнала. Когда вымыли пол в столовой, накрыли на стол, поставили закуску, розовую сладкую водку, в комнате рас-

ставили курительных свечек. Все было готово, только ожидали Карпа Петровича, через несколько минут он вошел. Папинька встал; все начали молиться, а Папинька прочел молитву. Кончивши молитву, мы сели за стол, выпили по рюмочке розовой водки и закусили пирогами. Подали превосходную уху из корюпа купленного накануне. За ухой следовало жаркое из того же

коропа. Мы выпили ещё по одной рюмочке розовой водки и встали из-за стола. Я сей час лег и заснул крепким сном!

Папинька мне обещал, что сегодня напишет в журнал. Теперь 9 часов, я займусь пока рисованием.

6 Января 1855

Богоявление Господне

Сегодняшний день утром, проснувшись посмотрев в окно я увидел, что вся дорога, крыши, деревья

В зимнем серебре

Пушкин

покрыты были снегом. Снег пошел очень большой и Папинька говорил, что будет большая метель. Мы пошли с Папинькой одни к обедне, на плац-параде¹² стояли уланы и пехота. Посреди поставлен был большой амвон покрытый ковром; на нем стояли: престол, вокруг престола четыре большие свечи, на престоле стояли: серебряная чаша, Евангелие и другие принадлежности. Архиерей¹³, отслужив обедню в здешнем Преображенском кафедральном соборе, при звоне колоколов со всем Духовенством вышел из собора на приготовленное для него место. Началось водосвятие. Тут я ничего не мог более видеть потому что нахлынувший народ совершенно закрыл от меня происходившее...

Примечания

¹ До сентября 1857 г. Ришельевский лицей и открытая при нем гимназия помещались в комплексе строений, выходящих на три улицы — Дерибасовскую, Ланжероновскую и Екатерининскую. Главный вход (ворота, упоминаемые Дмитрием Драго) был устроен со стороны последней.

² Вступивший на престол в 1825 г. император Николай I короновался в 1832 году.

³ С 1826 г. бывшая дача де Ришелье перешла во владение города. Здесь размещалась летняя резиденция градоначальника Одессы Алексея Ираклиевича Левшина (1831—1837 гг.), в бытность которого в Дюковском саду часто устраивались приемы и гуляния. Самым грандиозным из них был именно «народный праздник» 22 августа 1832 г., описываемый Драго-отцом.

⁴ Упраздненные буквы дореволюционного русского алфавита, похожие по начертанию.

⁵ Регулярное появление неприятельских судов на одесском рейде осенью 1854 г. стало привычным для населения города. Так, например,

17 сентября английский транспорт «Эвон» передал в местный Карантин 340 раненых российских воинов, плененных на речке Альма в Крыму.

Известно, что 26 октября к Одессе подойдет громадная англо-французская эскадра. И это обстоятельство заставит одесситов пережить волнения, испытанные ими при бомбардировке 10 апреля. Но, как следует из дневника, еще 25 сентября на рейде появились два вражеских парохода, ожидающие остальных.

⁶ В середине 1850-х годов рыбные ряды, или «рыбная», располагались по Александровской улице близ Старобазарной площади (в советское время ее переименовали в сквер им. Кирова). Новый рыбный базар, устроенный около Привозной площади, возник к концу 1860-х — началу 1870-х годов. Поэтому нынешняя Пантелеймоновская (Чижикова) улица долго именовалась Новорыбной.

⁷ Накануне Рождества, в сочельник, полагалось поститься «до первой звезды». Только детям разрешался легкий, без горячего «перекус». Простим Митиному отцу его маленькую человеческую слабость.

⁸ В описываемое время главной улицей Одессы с шикарными торговыми заведениями еще оставалась Ришельевская. Отодвинуть соперницу на второй план удалось Дерибасовской только тогда, когда бывшие здания Лицея достались купцу Вагнеру. Предприимчивый немец открыл тут множество модных лавок. Приблизительно в то же время Дерибасовская, как одна из ведущих к Собору улиц, была заново замощена.

⁹ *Твин* — река в Англии. Так же называлась и одежда тамошних рыбаков. В России под твином подразумевалось мужское пальто «без талии», то есть широкое, балахоном.

¹⁰ *Франзоли* — длинные булки.

¹¹ Одна из первых и лучших в Одессе паровых пекарен немца-колониста Георга Людвига (Людвига Каприановича) Дурьяна занимала первый этаж его собственного дома на углу Херсонской и Преображенской улиц. Заведение наследников Дурьяна просуществовало на прежнем месте до революции.

¹² *Плац-парад* — большая площадь для смотра войск. Таковой в Одессе считалась северная часть Соборной площади. С 1863 г. в центре плаца был установлен памятник князю М. С. Воронцову.

¹³ Архиепископ Иннокентий. По мнению современников, главными лицами, способствующими успешному отражению неприятеля от беззащитной Одессы в пасхальные дни 1854 г., являлись командующий войсками одесского гарнизона барон Остен-Сакен, архиепископ Иннокентий и командир батареи, прапорщик Щеголев.

О. К. Куценко

НОВЫЕ ЭКСПОНАТЫ МУЗЕЯ

Экспозиция литературно-мемориального музея А. С. Пушкина в Одессе в последние годы пополнилась уникальными находками.

Жители Одессы сохранили две мемориальные доски конца XIX и начала XX века. Одна из них — металлическая (42 × 26 см) с надписью: «Александр Сергеевич Пушкин родился 26 мая 1799 г. 27 янв. 1837 г. был смертельно ранен на поединке с бароном Георгом Гекереном-Дантесом, два дня спустя скончался и похоронен в Святогорском-Успенском монастыре».

Хранилась эта памятная доска в доме Зои Михайловны Серебrenниковой, живущей сейчас на Краснослободской улице. Ее мать училась в Пушкинском народном училище, на фасаде которого и была установлена доска, посвященная памяти А. С. Пушкина. Училище было открыто в конце девятнадцатого века в старейшем районе Одессы — на Слободке-Романовке. Содержала это училище, располагавшееся в собственном каменном доме», городская Дума. Большой земельной участок был огражден забором, здание утопало в зелени школьного сада. Фото-снимок училища напечатан в книге «Одесса. 1794—1894. К столетию города».

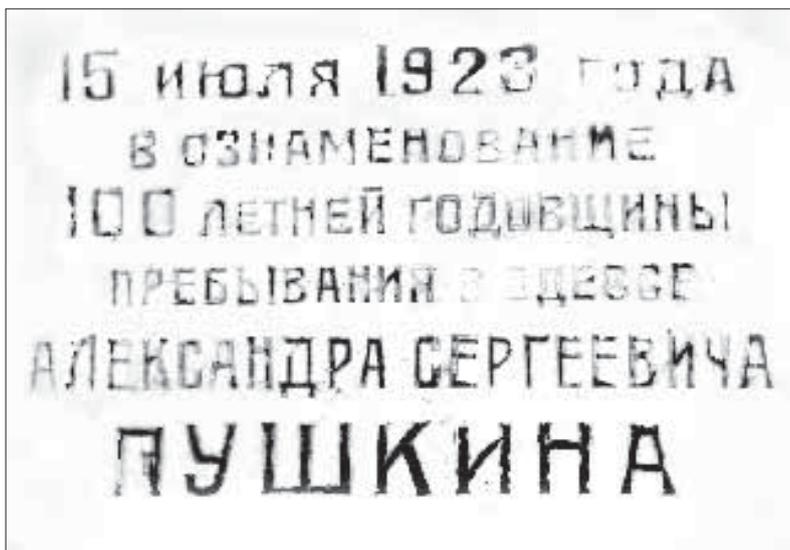
В Пушкинском народном училище занимались дети в основном городских сословий. Положение о народных училищах было утверждено в России в 1864 году. Одесская городская Дума поручила заботу об этих заведениях комиссии попечителей, которая пригласила в свою среду известных педагогов в качестве ревизоров. В конце XIX века в 60 народных училищах имелось 138 классов. Кроме общеобразовательных предметов, читались специальные курсы по рукоделию и садоводству. Первый рукодельный класс был открыт при Пушкинском народном училище на Слободке-Романовке. Это давало возможность обучать шитью девочек из отдаленных районов Одессы.

Народное училище носило имя А. С. Пушкина. Его пребывание в 1823–1824 годах в нашем городе оставило глубокий след в сердцах одесситов. Эстафета памяти о гениальном поэте передавалась от поколения к поколению. По предложению городской Думы, многие школы, народные училища, читальни, библиотеки, приюты и другие учреждения начинают именоваться Пушкинскими в ознаменование 50-летия со дня смерти великого поэта и – позднее – 100-летия со дня его рождения. В учебных заведениях Одессы проходили торжественные собрания, посвященные памяти А. С. Пушкина, читались систематические курсы о его жизни и творчестве, учреждались стипендии имени Пушкина, назначались особые золотые медали за сочинение на тему «А. С. Пушкин на Юге России». Известный одесский мастер книжной графики Амвросий Ждаха оформил «Пушкинские похвальные листы», которые вручались за отличные успехи в учебе и примерное поведение.

В 1870 году Одесское славянское благотворительное общество им. Кирилла и Мефодия объединило людей, заинтересованных в сохранении пушкинского наследия: ученых, преподавателей, любителей изящных искусств, местных литераторов, студентов... Славянским обществом организовывались в Городском театре бесплатные спектакли для учащихся, литературно-музыкальные вечера по пушкинским произведениям, был открыт Пушкинский склад дешевых книг и учебных пособий. С 1887 года типографом Е. И. Фесенко печатались произведения А. С. Пушкина под редакцией и с примечаниями одесских педагогов в серии «Пушкинская библиотека», предназначенные

для широких масс. Для бесплатной раздачи учащимся в учебных заведениях была напечатана отдельной брошюрой биография Пушкина под редакцией А. Кирпичникова. Все это было прекрасным средством привлечь читающую публику, особенно юную, к имени Пушкина, к его сочинениям.

Свидетельством любви к поэту граждан Одессы является и вторая находка — мраморная мемориальная доска, установленная на фасаде пушкинского «домика» (бывшей гостиницы Ш. Сикара) на ул. Пушкинской, 13, где поэт жил в 1823 году. На доске (40 × 49 см) надпись: «15 июля 1923 года. В ознаменование 100-летней годовщины пребывания в Одессе Александра Сергеевича Пушкина».

Доску случайно отыскал через 80 лет, роаясь в подвальном помещении, член Союза художников Украины Константин Трофимович Калиновский, который с 1961 года (год основания музея А. С. Пушкина в Одессе) проживает на Пушкинской, 13, в 20-й квартире. Доска эта считалась утерянной. В июле 1941 года, через месяц после начала Великой Отечественной войны, фашистская бомба разрушила дом, оставив лишь левую часть.

Пушкинская, 13. Сентябрь 1941

В сентябре 1941 года в газете «Черноморська комуна» был помещен снимок разрушенного дома Пушкина. Но, оказывается, доска уцелела, была спасена одесситами.

В Одесском областном архиве сохранились документы о подготовке празднования 100-летия пребывания А. С. Пушкина в Одессе. Была создана Пушкинская юбилейная комиссия, членами которой стали представители Агитпропа Губкома, Губполитпросвета, музейного отдела ГИП и т. д.

15 июля 1923 года город был украшен красными флагами, к этому дню был отремонтирован памятник-фонтан Пушкину на бульваре Фельдмана (Николаевском), у памятника посажены цветы. В 12 часов дня состоялся митинг у памятника с чтением стихов великого поэта. После окончания митинга почитатели поэзии Пушкина направились к пушкинскому дому. При большом стечении народа на фасаде дома была установлена мемориальная доска (первая мраморная доска была установлена над воротами дома в 1880 году).

Местная печать, литераторы, ученые-пушкинисты широко откликнулись на знаменательную дату, связанную с жизнью А. С. Пушкина в нашем городе. В пушкинском номере литературного приложения к газете «Известия» от 15 июля 1923 года, посвященном 100-летию пребывания поэта в Одессе, писалось: «Имя Пушкина любовно дорого нам. Пушкин близок. Пушкин понятен. Пушкин велик. Рабочий класс Украины чтит память Пушкина, певца украинской ночи и вишневых цветов. Пушкин принадлежит нам!»

В газете были напечатаны исследования одесских пушкинистов А. Дерибаса «Пушкинская Одесса», Ю. Оксмана «Как разрешены были к выпуску в свет „Цыганы“», опубликована расписка Пушкина о получении денег для поездки по сбору сведений о саранче, стихи С. Бондарина, Г. Шенгели.

В этой обстановке родились пушкинские стихи Э. Багрицкого, которые впервые были опубликованы в том же номере газеты от 15 июля 1923 года. О том, насколько велик был интерес Багрицкого к личности Пушкина, к материалам биографического характера, свидетельствует и его статья «Пушкин в Одессе», напечатанная там же. Она интересна тем, что дает перечень одесских знакомых Пушкина, показывает отношение поэта к греческому освободительному движению, его восхищение итальянской оперой и кипучей жизнью молодого растущего города. (Статья вновь была опубликована В. Азаровым в журнале «Литературный современник», 1937, № 1).

При Доме ученых начала работать постоянная научная Пушкинская комиссия, поставившая своей целью «организованное исследование жизни и трудов Пушкина, а также всех вопросов истории литераторы и культуры, с ним связанных». Среди первых членов комиссии были историки литературы М. Алексеев, З. Бориневич-Бабайцева, Г. Сербский, С. Шестериков и др. Они подготовили три выпуска сборника «Пушкин. Статьи и материалы», которые увидели свет в 1925–1927 годах.

В каждую пушкинскую годовщину к памятнику Пушкину на Приморском бульваре почитатели поэзии приносят букеты цветов, а в музее на улице его имени звучат стихи...

Библиография

1. Одесса. 1794—1894. К столетию города. — Изд. Городского Общественного управления. — Одесса, 1895. — С. 683—684.
2. День памяти Пушкина 6 (26) июня 1880 г. в Императорском Новороссийском университете. // Зап. Императ. Новорос. ун-та. — Одесса, 1880. — Т. 31.
3. Памяти пятидесятилетия смерти Пушкина. 1 февраля 1887 г. // Зап. Императ. Новорос. ун-та. — Одесса, 1887. — Т. 45.
4. Пушкинские дни в Одессе. 26—27 мая 1899 г. // Сб. Императ. Новорос. ун-та. — Одесса, 1900.
5. Об учреждении при городском училище 4-ой стипендии А. С. Пушкина. 1887 г. — ГАОО, фонд 42, опись 35, ед. хр. 743.
6. О предоставлении Городским управлением билетов в городской театр на юбилейный спектакль в память А. С. Пушкина. 1899 г. — ГАОО, фонд 105, опись 1, ед. хр. 38.
7. Линниченко И. Л. Книга и слово: по поводу 40-летия Одесского славянского благотворительного общества. — Одесса, 1910.
8. Ходатайство Пушкинской юбилейной комиссии перед Губисполкомом о проведении празднования 100-летия пребывания А. С. Пушкина в Одессе. 30 июня 1923 г. — ОЛМ, КП-406, Д-763, фотокопия.
9. Литературное приложение к газете «Известия». — 15 июля 1923 г.
10. Багрицкий Э. Пушкин в Одессе. // Журнал «Литературный современник». — Л., 1937. — № 1. — С. 172—174.

Указатель имен

- Азаров В. Б.* (1913—1990), поэт, автор статей о творчестве Э. Багрицкого. В 20-е годы жил в Одессе.
- Алексеев М. П.* (1896—1981), академик, литературовед. Один из создателей одесской Пушкинской комиссии (1923), редактор сборников «Пушкин. Статьи и материалы» (1925—1927). В 20-е годы жил в Одессе.
- Бондарин С. А.* (1903—1978), поэт, писатель. В 20-е годы жил в Одессе.
- Бориневич-Бабайцева З. А.* (1886—1972), доцент Одесского университета. Возглавляла Пушкинскую комиссию в 1954—1972.
- Дерибас А. М.* (1856—1937), журналист, автор книг по истории Одессы. Возглавлял Пушкинскую комиссию в 1927—1928.
- Оксман Ю. Г.* (1895—1970), литературовед, историк. Член Пушкинской комиссии. В 20-е годы жил в Одессе.
- Сербский Г. П.*, литературовед. Член Пушкинской комиссии. В 20-е годы жил в Одессе.
- Шенгели Г. А.* (1894—1956), поэт, переводчик, автор статей по теории стихосложения. В 1919—1920 жил в Одессе.
- Шестериков С. П.*, литературовед. В 1925 году секретарь Пушкинской комиссии. В 20-е годы жил в Одессе.

Л. В. Майборода

ПАНТЕЛЕЙМОН КУЛІШ — ПИСЬМЕННИК, ЕТНОГРАФ, ФОЛЬКЛОРИСТ

Більше як півстоліття супроводжувала український літературний процес постать Пантелеймона Олександровича Куліша (1819–1897). Поет і прозаїк, автор першого українського історичного роману «Чорна рада», критик, видавець, літературний ініціатор, дійсний член Імператорського Російського географічного товариства (відділу етнографії), він був причетний до найбільш помітних літературно-громадських заходів 40-х років і відіграв важливу роль у літературному процесі наприкінці 50-х та на початку 60-х років XIX ст.

Попередня розвідка, присвячена письменнику, розглядала обставини його перебування в Одесі в 1860 та 1861 роках¹. Цією статтею автор продовжує дослідження творчості видатного українського письменника.

Примітним явищем діяльності П. Куліша були його розробки з етнографії та фольклористики, які вплинули на подальший розвиток української культури позаминого століття. Щоб зрозуміти місце і значення Куліша як етнографа і фольклориста, слід звернутись до історії.

Фольклористика та етнографія першої половини XIX ст. на Україні переживала період становлення. Видані в ті часи статті М. Цертелева (1818), І. Кулжинського (1825), передмови М. Максимовича до збірника «Малороссийские песни» (1827), М. Маркевича до збірки «Украинские мелодии» (1831), І. Срезневського до першого випуску «Запорожской старины» (1833) та інші відображали тогочасне розуміння народної поезії та її значення для розвитку літератури.

На західноукраїнських землях видатним явищем в галузі фольклористики стало видання збірки «Русалка Дністровая» (1837), яка була надрукована у Будапешті «Руською трійцею» — І. Вагилевичем, М. Шашкевичем та Я. Головацьким. У цій збірці було вміщено фольклорний матеріал, зібраний у Східній Галичині. У передмові М. Шашкевич писав, що «Русалка Дністровая» — це складова частина і продовження фольклорної роботи, розпочатої вченими Москви, Петербургу, Харкова, Києва.

Тогочасна естетична думка поступово від уважного ставлення до народної поезії та її розуміння приходить до визначення народної словесності як відображення історичного змісту епохи, життя і душі народу. Цих принципів дотримувався у своїй роботі П. Куліш, який включився в літературний процес у 1840-і роки. Його першими друкowanими творами були оповідання, основою яких стали народні легенди. Помістив їх у журнали «Киевлянин» (1840, 1841) М. Максимович — редактор видання, письменник, професор російської словесності Київського університету. Його діяльність мала великий вплив на формування Куліша як письменника. Вивчення етнографічного та фольклорного матеріалу захопило П. Куліша². Збираючи його в 1844—1845 роках, він обійшов та об'їхав усю Київську губернію. Головна частина матеріалу потім увійшла в його «Записки о Южной Руси» (1856—1857).

У 1840—1850-і роки П. Куліш використовує фольклорний матеріал, працюючи над оповіданнями українською мовою «Циган», «Орися», пригодницько-історичним романом російською мовою «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад». Ці твори позначені рисами фольклорного романтизму. В них автор звертається до переказів, легенд, повір'їв, розгортає фольклорні мотиви, часто з елементами фантастики, загадковості, зображує Україну в «образе жизни, в костюмах, в разговорах, верованиях и обычаях»³.

У 1856—1857 роки «невтомний Куліш», як його часто називали сучасники, видав два томи «Записок о Южной Руси». За визначенням самого письменника, це видання за змістом мало «важні причинки к пізнанию духовного життя народу южноруського (пісні, думи, сказки, потрібні об'яснення)»⁴. «Записки о Южной Руси» отримали високу оцінку. Обґрунтував значення цього видання сучасник Куліша — російський письменник, етнограф О. Н. Пипін в «Истории русской этнографии» (т. 1). На це джерело посилався у статті про життя і творчість Куліша відомий український письменник, етнограф Осип Маковей, засвідчивши вагомість Куліша як етнографа і фольклориста⁵.

В «Истории русской этнографии» Пипін відмічав, що етнографічний матеріал, який подавав Куліш у двох томах «Записок», відрізнявся від інших подібних видань новою формою

подання матеріалу: автору вдалося передати етнографічний образ завдяки опису процесу етнографічних спостережень, обставин, знайомств з людьми, історії своїх дослідів. Цей збірник також послужив значним внеском в українську літературу та мову: в ньому вперше були надруковані поема «Наймичка» Шевченка та оповідання «Орися» Куліша, було використано український правопис, так звану «кулішівку», яка у подальшому мала практичне значення досить тривалий час.

На вихід «Записок» Кулішу довгий час надходили привітання. Серед них був лист від Тараса Шевченка, надісланий із заслання. В ньому він радив видавцеві перетворити це видання на періодичний орган. П. Куліш до цього робив спроби видавати український журнал, в якому можна було б друкувати літературні твори «из южной жизни», враховуючи «потребности современного общества». З таким проханням він звертався у жовтні 1858 року в листі до міністра народної освіти Ковалевського, вказуючи, що матеріали видання не будуть торкатись питань політики, та визначаючи його назву і напрямок: «Хата, южнорусский журнал словесности, истории, этнографии и сельского хозяйства». Але прохання було відхилено через політичну неблагонадійність Куліша (це були відгуки на його зв'язки з Кирило-Мефодіївським братством).

І все ж Куліш не залишав надії. Через кілька років він таки отримав дозвіл на вихід альманаху під запропонованою ним назвою «Хата», який вийшов двома виданнями у 1860 році. Окремі розділи альманаху мали передмови програмно-літературного, етнографічно-українознавчого характеру, але головне – в ньому були надруковані твори українських письменників – Тараса Шевченка, Марка Вовчка, Ганни Барвінок, Номіса, самого Пантелеймона Куліша та інших.

«Хата», як і «Записки о Южной Руси», були певною мірою попередниками першого українського журналу «Основа». В «Хаті» головними були розділи літератури і критики, а «Записки о Южной Руси» в основі своїй склалися з етнографічного матеріалу та україніки. Ці напрямки були об'єднані в одному виданні – першому українському журналі «Основа», який став виходити у Петербурзі 1861 року. Це видання публікаціями з етнографії, фольклору, архівних документів з історичного минуло-

го України та ін. підтримувало зростаючий інтерес громадськості до проблем української народності. За два роки існування журналу Куліш, який став одним з редакторів, друкував у ньому свої статті, де розглядалися ці питання, давав рецензії на вихід фольклорно-етнографічних збірок.

У подальшому саме діяльність Пантелеймона Куліша затвердила в українській літературі народну основу, і цього напрямку дотримувалися у своїй творчості письменники до початку ХХ ст.

Примітки

¹ Майборода Л. В. П. Куліш. Листи з Одеси. Парадоксальне відкриття // «Дом князя Гагарина...»: Сб. ст. и публ. Одес. гос. лит. музея. — Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 45—49.

² Самі про себе. Автобіографії видатних українців ХІХ століття / Видання Вільної Академії Наук у США. — Нью-Йорк, 1989. — С. 34—35.

³ Куліш П. Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад. — К., 1843.

⁴ Самі про себе. Автобіографії видатних українців ХІХ століття / Видання Вільної Академії Наук у США. — Нью-Йорк, 1989. — С. 34—35.

⁵ Літературно-науковий вісник. — Львів, 1900. — Кн. Х—ХІ.

С. Т. Выскребенцева

«ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШИМ И СИЛЬНЫМ СЕРДЦЕМ»

(К 150-летию со дня рождения В. Г. Короленко)

Из диалога с посетителем музея:

— Кому нужны сегодня литературные выставки? Все заняты только материальным.

— Да-да, Владимир Галактионович часто повторял: делать надо то, что должно...

— Оставьте! Сегодня интеллигенция либо нищенствует, либо резво распродает вашу высокую культуру налево и направо.

— Дорогой посетитель, на нашей выставке вы увидите подлинники.

— Я не приду в ваш музей, если не будет фуршета.

— Тогда, милейший, идите на Дерибасовскую, съешьте хот-дог, обнажитесь, вас разрисуют, но это будет уже другая культура — боди-арт. Благо, мы с вами живем в эпоху, дающую выбор...

Юбилейные выставки можно без преувеличения назвать одним из важных формирующих факторов динамичной, насыщенной в творческом плане жизни Одесского литературного музея. Если иметь в виду, что история Одессы представляет галерею ярких литературных имен, то становится понятным, что диапазон этих выставок, их образ и характер чрезвычайно многообразен и каждый раз неповторим.

27 июля 2003 года в Золотом зале Литературного музея открылась выставка, посвященная 150-летию со дня рождения Владимира Галактионовича Короленко. Некоторым аспектам работы автора по созданию юбилейной экспозиции посвящена данная статья.

Писать о выставках — дело неблагодарное; ясно, что выставки надо смотреть. Да и скажем прямо, что находить слова, отражающие состояние научного поиска или интуицию экспозиционера, не так-то легко. И все-таки, учитывая, что в завершенной работе многое остается «за кадром», хотелось бы не только дать представление о содержании юбилейной выставки В. Г. Короленко, но и приоткрыть творческую лабораторию процесса ее создания.

Позволим себе коснуться и проблемы авторства. По негласному закону музейного жанра принято считать авторскими рукописи, издания книг и статей. Да, выставка — труд коллективный, в нем нельзя обойтись без помощи сотрудников фондов и музейных художников. Но все же только экспозиционер, создающий литературную выставку, решает ее концепцию, определяется с составляющими, ищет образное воплощение темы. И без авторства здесь не обойтись.

Посетитель же чаще всего не догадывается, кому он «обязан», видя полуслучайную выкладку книг или музейное зрелище, пропущенное через человеческое сердце. Хорошая выставка — это прежде всего профессиональная работа, когда процесс создания новой экспозиции превращается в длительный и напряженный внутренний диалог с предполагаемым собеседником, прозаически окрещенным музейным посетителем. И уж, конечно, выставка при всей продуманности и разного рода «заготовках» — это еще игра воображения с возможностью реализации замысла в предметном музейном мире.

Начиная работу над концепцией выставки к 150-летию со дня рождения В. Г. Короленко, приходилось учитывать, что одесские связи писателя достаточно полно представлены в основной экспозиции в Каминном зале музея.

Широкий ряд материалов рассказывает о биографических и литературных контактах Короленко с Одессой. В зале экспонируются автографы, прижизненные издания произведений, фотографии разных лет, личные вещи писателя.

Начиная с 1893 года В. Г. Короленко часто бывал в нашем городе. И хотя его приезды были не длительными, они оставили след в культурной жизни Одессы.

Один из примеров — это постановка в феврале 1894 года оперы композитора В. Ребикова «В грозу» по рассказу Короленко «Лес шумит». В 1919 году впервые вышел в Одессе второй том «Истории моего современника», а одесситы, таким образом, стали его первыми читателями.

В нашем городе работали известные в то время журналисты Геккер, С. Герцо-Виноградский, Слово-Глаголь (Гусев), которые хорошо знали Владимира Галактионовича и старались донести одесской публике слово правды великого писателя.

И все-таки, говоря о приездах Короленко, необходимо заметить, что носили они прежде всего личный характер. В Одессе долгое время жил младший брат писателя — Илларион Галактионович. Большая дружба связывала писателя с семьей двоюродного брата Владимира Казимировича Туцевича, которому Короленко посвятил страницы в знаменитом романе «История моего современника».

В. Г. Короленко. 1900-е годы

После приезда 1897 года в дневнике писателя появилась запись: «Одесса производит особенное впечатление. Прямые улицы, засаженные молодыми деревьями. Очень широкие тротуары — большой простор пешеходу и узкий проезд, по которому то и дело мелькают со звоном вагончики, — это признаки европейской демократизации города»¹. Остается сожалеть, что город, породивший «особенное впечатление», не нашел отражения в творчестве писателя. Литературных сюжетов Короленко Одессе не посвящал, но след в ее истории,

несомненно, оставил, формируя черты «европейской демократизации» в культурном слое нашего города.

Одним из проявлений культурного поля Одессы начала двадцатого века была традиция чествования юбилеев писателей. Когда в 1913 году в России широко отмечалось 60-летие со дня рождения и 25-летие литературной деятельности В. Г. Короленко, одесситы не преминули откликнуться на юбилей. Газеты помещали портреты писателя, статьи, разного рода информацию о нем. Из Одессы шел поток поздравительных телеграмм, а в

Литературно-художественном обществе (ЛАО) состоялся торжественный юбилейный вечер. И вот теперь в этом же Золотом зале Гагаринского дворца, где когда-то проходили заседания ЛАО, открылась выставка к 150-летию В. Г. Короленко.

Замысел этой выставки сформировался не сразу, а вызревал по мере все большего погружения в проблемы литературного творчества писателя, осознания масштаба личности Короленко и его эпохи. Очень важно было найти верную интонацию выставки, которая избавила бы от ложного пафоса, но не позволила бы опуститься до бытовизма в рассказе о творчестве писателя-классика. И, наконец, насколько интересен сегодня может быть Короленко, как принято говорить, рядовому посетителю, к сожалению, знающему лишь два-три его произведения из школьной программы? Эти и многие другие вопросы требовали ответа на языке музейного ремесла.

Начинать необходимо было, как всегда, с освоения предметного пространства фондов. Музейщики знают: работа это серьезная, весьма кропотливая, но очень вдохновляющая, прежде всего потому, что имеешь дело с оригиналами. Да, замысел экспозиции становится научным только при глубоком знании музейных предметов и их места в контексте эпохи. Экспонат – его содержание, история – наполняет будущую выставку конкретикой фактажа, но одновременно и является определяющим началом в концепции экспозиции.

Короленковский фонд Одесского литературного музея уникален и формировался десятилетиями при участии всего коллектива. Очень многие оригинальные материалы оказались в стенах музея благодаря сотруднику Б. Корченовой. Она сумела в свое время собрать ценнейшие экспонаты и много сил отдала изучению их. Сегодня фонд включает прижизненные издания, литературную критику, разнообразные публикации в периодической печати, оригинальные фотографии В. Г. Короленко и его окружения, автографы и личные вещи писателя.

Кроме оригинальных экспонатов жизни и творчества Короленко необходимо было привлечь к экспонированию многоплановый типологический материал его эпохи. Хотелось донести до зрителя изысканную и благородную простоту облика писателя-классика, показав его в «природной среде», исполь-

зую для этого предметы XIX века. Но не менее значимым представлялось найти стилистические приемы, которые были бы близки и понятны нашему времени. Это и откровенная яркая театрализация музейного зрелища с элементами острых плакатных ходов, столкновений цветовых пятен и контрастных фактур материалов, обыгрывание «пустот» музейного поля и многое другое.

Таким образом, изучение архива В. Г. Короленко не только выявило предполагаемый экспонатный ряд, но и способствовало поиску образного решения всей выставки.

Продолжая работать над темой, мы все больше убеждались, насколько мощное животворящее и созидательное начало присуще Короленко как личности. Десятилетиями живя в обществе нивелирования личности, изрядно подустав от «пламенных борцов», мы сами, к великому сожалению, стали терять веру в гражданскую совесть, в силу законных прав и свобод. Постепенно эта линия «прорывалась» на выставку как сквозная тема всего показа.

Еще при жизни писателя, как известно, многие современники отмечали «особую позицию» его мировоззрения. Свое отношение к историческому процессу в стране Короленко пронес через всю жизнь, заплатив высокой ценой — тюрьмами и ссылками. Его знаменитые выступления на судебных процессах по «Мултанскому делу», а также «Делу Бейлиса» в свое время всколыхнули всю Россию. О бедственном положении крестьян он рассказал в книге очерков «В голодный год». В 1902 году Короленко самоотверженно защищал крестьян — участников аграрных волнений. Годом позже съездил в Кишинев и на реальном материале написал правду о еврейских погромах в очерке «Дом № 13».

Рассказ о достойных поступках Короленко-писателя можно продолжать. Вся его биография — это путь борьбы длиной в человеческую жизнь. «Мне остается выступать партизаном, где это можно сделать пером»², — признавался он.

Пять последних лет жизни писателя выпали на бурные события революций и гражданской войны. Этот период творчества, пожалуй, стал наиболее драматичным в его биографии, придав трагический отсвет судьбе наследия Короленко в советские годы.

Признавая значение литературного дарования классика для культуры, советский режим фактически установил запрет на целый ряд произведений В. Г. Короленко. Не издавались дневники 1917–1921 годов в полном объеме. Публицистические очерки «Земли! Земли!» выходили только отдельными главами. Экспонирование списка статьи «Война, отечество и человечество» было запрещено цензурой из-за негативного отклика на нее В. И. Ленина. До недавнего времени «Письма к Луначарскому» были вовсе неизвестны читателю. Все это приводило к тому, что финал биографии классика был безжалостно искажен, да и нелогичен для его судьбы: ведь «честнейший писатель России» себе не изменял – ни когда молодым отказался присягнуть Александру III, ни когда стареющим не принял Советскую власть.

«Над Россией ход исторических судеб совершил почти волшебную и очень злую шутку»³, – сделал запись Короленко в 1920 году.

Рассмотрение последнего, наиболее трагического периода жизни великого писателя легло в основу музейной концепции юбилейной выставки.

В статье 1918 года «Из воспоминаний о В. Г. Короленко» М. Горький высказал мысль, что «в великой работе» создания нового государства найдет «оценку труд честнейшего русского писателя В. Г. Короленко, человека с большим и сильным сердцем»⁴. И это подтверждено временем.

Да, почти сто лет спустя мы все так же попадаем под завораживающую магию личности Короленко, а его высказывания по ключевым вопросам воспринимаются очень свежо и современно. Из такого рода размышлений зародилась идея обыгрывания текстового материала выставки не только в традиционной подаче (ведущие, комментирующие тексты и т. д.), но и как самостоятельного экспоната. Слово писателя при таком подходе рассматривается как оригинальный экспонат выставки, а повторение приема выстраивает авторский текстовый ряд, работающий на замысел экспозиции в целом.

«Как ни темно впереди, – есть все-таки несомненное, незыблемое, вечное, чему стоит и надо служить без вопроса о скором успехе. Эти незыблемые маяки – истина, право, справедливость»⁵, – утверждал Короленко в юбилейной речи 1918 года.

Благодаря Короленко пришло понимание, что демократия будет оставаться пустым звуком до той поры, пока реальные законы и государство не начнут защищать каждого конкретного человека, гарантируя ему свободу и сохранение достоинства, а гражданин будет заинтересован не обворовывать свое государство, а верой и правдой служить Отечеству. «Нужно много условий, как политическая свобода, просвещение, нужна выработка новых общественных сплетений на прежней почве, нужны растущие перемены в учреждениях и в человеческих нравах»⁶.

Примечательно, что самое понятие человечности для Короленко наполнено конкретным жизненным содержанием, предполагающим поступок, — и когда он помогал поэту-символисту К. Бальмонту на крутом вираже судьбы, и когда, защищая М. Горького, отказался от звания академика.

В фондах музея хранятся стихи начинающей поэтессы по фамилии Струкова. Ее имя было бы навсегда потеряно во времени, если бы не записка Короленко с просьбой ко всем, кто знает писателя, оказать содействие молодому автору.

Человек поступка, «делальщик», как принято называть людей такого мироотношения, Короленко знал пути достижения высочайших идеалов, его позиция поражает программностью социального видения. «Души должны переродиться, а для этого нужно, чтобы сначала переродились учреждения. А это, в свою очередь, требует свободы мысли и начинаний для творчества новых форм жизни»⁷.

Забегая вперед, расскажем об одной витрине выставки. Композиция из старинных книг, фотографий Короленко и свечи в брон-

Фрагмент экспозиции выставки

зовом подсвечнике завершается неожиданным вторым планом — литографией, изображающей современников писателя, людей его времени. Замысел состоит в том, что посетитель, рассматривающий витрину, и портреты людей начала XX века оказываются лицом к лицу. Они «смотрят» друг на друга, а отделяет их только стекло витрины. Их роднит схожесть судеб в истории сложных переломных эпох реформирования.

Мы начали искать исторические аналогии, опираясь на тексты публицистики писателя. Постепенно стали нарабатываться и композиционные ходы, например, так называемые переходы во времени — в эпоху сталинских репрессий или в наше сегодняшнее, используя газеты с их броскими заголовками. Этой же цели служила и огромная зеркальная рама — она усиливала многоплановость образного выражения экспозиции.

Последние годы жизни В. Г. Короленко пришлось на переломную эпоху революций и гражданской войны. Остаться пассивным зрителем происходящего писатель не мог. «Теперь писать в печати мне негде...» (дневник В. Г. Короленко, 1919 год). Говоря, на первый взгляд, о частных случаях жизни, писатель-публицист не умалчивал в своих статьях о главном: идеи большевизма оказались неприемлемы для него. Писатель, который превыше всего почитал человечность, в апреле 1919 года вынужден был признать в дневнике: «Полное озверение. И каждая сторона обвиняет в зверстве других... Озверение проникло повсюду»⁸.

В пространстве большой золоченой рамы «провисает» портрет писателя, под ним белая гипсовая консоль с книгой. Услов-

Фрагмент экспозиции выставки

ность этой композиции — попытка образного отражения трагического финала судьбы Короленко.

Между Февралем и Октябрем В. Г. Короленко создает две публицистические работы — «Падение царской власти» и «Война, отечество и человечество». В 1920 году он отправляет шесть писем председателю Наркомпроса А. Луначарскому с резкой критикой Советской власти. Писатель объясняет, что в условиях запретов на свободную печать он использовал не статью, а «докладные записки по начальству»⁹.

Прочитав письма, Луначарский пообещал опубликовать их, но предать гласности позицию Короленко не осмелился даже после его смерти. Далее история этих писем развивается по диссидентскому сценарию: они ходят в списках по стране и издаются за границей. Копии писем еще в 1920 году сам Короленко передал в Париж, где они и были сразу же опубликованы. На выстав-

ке экспонируется первое советское издание «Писем к Луначарскому» — журнал «Новый мир» № 10 за 1988 год, прижизненные публикации произведений периода революции и отклики на творчество Короленко.

Основным вопросом революции, по мнению публициста, был земельный вопрос. В разгар революционного пожара он пишет очерки о положении крестьянства в России «Земли! Земли!», которые стали глубоким обзором нескольких десятилетий русской политической

В. Г. Короленко «Война, отечество и человечество (Письма о вопросах нашего времени)». Страница рукописи

истории (экспонируется список очерка). Попытка издать очерки в Харькове в 1920 году не увенчалась успехом. Полный текст «Земли! Земли!» был опубликован только в 1991 году.

Как известно, публицистика Короленко не исчерпывает тему творчества этого периода в целом. Писатель до последнего дня жизни не оставлял своих художественных исканий. На выставке были представлены издания разных лет автобиографического романа «История моего современника», над которым Короленко работал начиная с 1905 года и до самой смерти (роман остался не завершен). «История моего современника» отразила во всей полноте раздумья автора о судьбе интеллигенции в России.

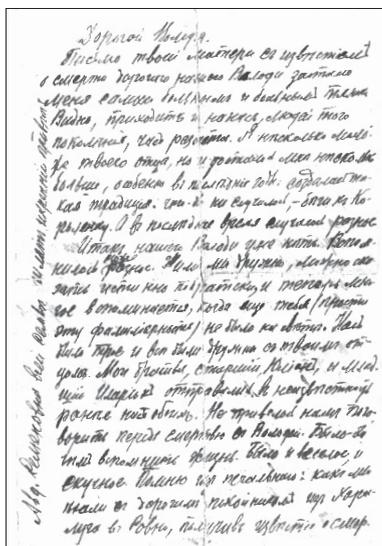
Одним из центральных экспонатов юбилейной выставки стал автограф писателя — письмо, отправленное из Полтавы в Одессу. Датировано оно 6 сентября 1921 года и адресовано Владимиру Владимировичу Туцевичу. Это письмо написано в ответ на сообщение Елизаветы Ильиничны Туцевич о смерти мужа — двоюродного брата писателя Владимира Казимировича. В нем Короленко не только высказывает семье свое соболезнование об утрате, но и находит добрые слова воспоминаний. «Жили мы дружно, можно сказать по-братски», — говорит он о Владимире Казимировиче. Упомянется в письме и о том факте, что двоюродный брат — один из героев книги «История моего современника».

В. Г. Короленко. Полтава, 1907. С дарственной надписью от А. Кривинской (1978)

В. К. Туцевич. Одесса, 1910-е годы

В. Г. Короленко. Письмо В. В. Туцевичу в Полтаву от 6 сентября 1921 года. Автограф

В. Г. Короленко пишет: «Из первого тома этой «Истории» читатель вспомнит моего двоюродного брата, артиллериста. Он был настроен тоже довольно радикально. Много читал, увлекался Боклем, Белинским, Добролюбовым, Писаревым, вообще был проникнут новыми идеями, гуманно обращался с солдатами и водил знакомства с людьми того же настроения»¹⁰.

На выставке экспонировались оригиналы — семейная фотография Туцевичей и портрет Владимира Казимировича Туцевича в военной форме. Сын Владимира Казимировича — Владимир (фотография находится в постоянной экспозиции) пошел по отцовским стопам, тоже став офицером. Служил он в царской армии, затем в армии Деникина и, как часто случалось в то время, перешел в Красную армию.

По последним исследованиям старейшего одесского короленковедца В. А. Фабианской, Владимир Владимирович Туцевич был арестован и расстрелян в Одессе весной 1938 года. Впоследствии он был реабилитирован «за недостаточностью улик».

О трагической развязке судьбы племянника Владимиру Галактионовичу не суждено было узнать. Но в последний год своей жизни – в 1921 году писатель пережил смерть зятя, Константина Ивановича Ляховича, арестованного органами ЧК и умершего в тюрьме от тифа¹¹. Нетрудно представить, что ожидало и самого Короленко, не пожелавшего скрывать свое отношение к новому советскому режиму. Вероятно, громкая всероссийская слава не спасла бы его, как не уберегла она многих прекрасных людей страны.

В. Г. Короленко, еще в царское время выступавший против казней в России, предупреждал в «Письмах к Луначарскому» о недопустимости казней без суда, в так называемом административном порядке. Он не уставал повторять, что непозволительно «соединять в одно следственную власть и власть, постановляющую приговоры»¹². Писатель предвидел последствия «красного террора», обернувшиеся для страны кровавыми сталинскими репрессиями.

Семья Туцевичей. Слева направо: Ольга, Елизавета Ильинична, Ксения, Владимир Казимирович и Владимир. Одесса, 1910-е годы

Фрагмент экспозиции выставки

Нарушая хронологию, на выставке экспонировались страницы мартиролога с данными о тысячах погибших в сталинских лагерях.

Завершающий комплекс экспозиции раскрывает тему «красного террора» в России 20-х годов. Образное воплощение ее очень сдержанное, но напряженное. Достигается оно контрастным цветовым решением, использованием пустой рамы и колючей проволоки. Там представлены материалы о тюрьмах, расстрелах и казнях.

В конечном итоге, все в этой экспозиции работает на идею: гражданская война и террор любого толка не должны повториться. При этом выявлена авторская точка зрения на те социальные факторы, которые приводят к катастрофическим катаклизмам.

В финале экспозиции – слова Короленко: «Пусть зверство и слепая несправедливость остаются целиком на долю прошлого, отжившего, не проникая в будущее...»¹³

На этой жизнеутверждающей ноте можно было бы и завершить рассказ о выставке Короленко. Но, увы, поток жизненных

явлений далеко не всегда совпадает с задуманной кульминацией финала в музейном жанре. И нам, поколению, осознающему себя в мире «объявленной демократии», живущему в жесткой реальности бытия, приходится (кому-то активно, а кому-то — помимо воли) участвовать во все более напряженном процессе расслоения общества.

Этот сложный процесс поляризации отягощен многоплановостью явлений, среди которых усиливающаяся конфронтация, накопление негативизма, для большинства обнищание материальное или духовное. Если добавить к тому, что многие явления неоднозначны, находятся в развитии и достаточно болезненны для общества, то очевидно, насколько непросто нам, современникам, адекватно оценить ту беспокойную и противоречивую эпоху «на переломе», в которой мы живем.

Сегодня, конечно, никто не уповает, что «красота спасет мир» и культуре дано разрешить ключевые вопросы истории. В то же время наша классическая литература с ее нравственным потенциалом, высотой духовных начал способна привносить в общественное сознание понимание происходящего. Она задавала и задает обществу ориентиры, как называл их Короленко — «незыблемые маяки».

Поэтому хочется верить, что сегодня, как почти столетие назад, может сослужить «отпетому и ошарашенному» поколению добрую службу «трезвый, здоровый талант Владимира Галактионовича Короленко»¹⁴.

Примечания

¹ Короленко В. Г. Полное собрание сочинений. — Т. 2. Дневник. — Харьков, 1922. — С. 17.

² Бялый В. Г. В. Г. Короленко. — Изд. 2-е. — Л., 1983. — С. 285.

³ Негретов П. И. В. Г. Короленко: Летопись жизни и творчества 1917—1921. — М., 1990. — С. 243.

⁴ Бялый В. Г. В. Г. Короленко. — Изд. 2-е. — Л., 1983. — С. 347.

⁵ Негретов П. И. В. Г. Короленко: Летопись жизни и творчества 1917—1921. — М., 1990. — С. 73.

⁶ Негретов П. И. В. Г. Короленко: Летопись жизни и творчества 1917—1921. — М., 1990. — С. 239.

⁷ Негретов П. И. В. Г. Короленко: Летопись жизни и творчества 1917—1921. — М., 1990. — С. 264.

⁸ Негретов П. И. В. Г. Короленко: Летопись жизни и творчества 1917—1921. — М., 1990. — С. 104.

⁹ Негретов П. И. В. Г. Короленко: Летопись жизни и творчества 1917—1921. — М., 1990. — С. 274.

¹⁰ Короленко В. Г. История моего современника. — М., 1968. — С. 423.

¹¹ Фабианская В. А. Комментарий к письму В. Короленко. — Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах. — Одесса, 2003. — № 13.

¹² Негретов П. И. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества 1917—1921. — М., 1990. — С. 233.

¹³ Негретов П. И. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества 1917—1921. — М., 1990. — С. 236.

¹⁴ Чуковский К. Соч. в 2 тт. — Т. 2. — М., 1990. — С. 181.

Библиография

1. Фонды ОЛМ. Архив В. Г. Короленко.
2. Короленко В. Г. Полное собрание сочинений. — Т. 2. — Харьков, 1922.
3. Короленко В. Г. История моего современника. — М., 1968.
4. Короленко В. Г. Земли! Земли! — М., 1991.
5. Короленко В. Г. Письма к Луначарскому. — Новый мир. — 1988. — № 10.
6. Чуковский К. Соч. в 2 тт. — М., 1990. — Т. 2.
7. Негретов П. И. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества 1917—1921. — М., 1990.
8. Бялый В. Г. В. Г. Короленко. Изд. 2-е. — Л., 1983.
9. Гейштер Л. К. Вблизи Короленко. — Полтава, 2002.
10. Фабианская В. А. Комментарий к письму В. Короленко. — Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах. — Одесса, 2003. — № 13.

А. И. Божко

ЛОЭНГРИН ОДЕССКИЙ

Петр Титович Герцо-Виноградский, младший брат знаменитого в свое время Барона Икса — Семена Титовича Герцо-Виноградского, был известен в Одессе конца девятнадцатого — первой четверти двадцатого века как журналист, публикующийся под псевдонимом Лоэнгрин. Выступал он также как драматург и прозаик.

Родился Петр Герцо-Виноградский 16 (28) июня 1867 года в городе Бендеры, в семье исправника. Дебютировал в печати как фельетонист в 1889 году в газете «Одесские новости» (6 мая), затем регулярно печатался в газетах «Одесский вестник», «Южное обозрение». В «Одесских новостях» начинали свою литературную карьеру Корней Чуковский, Константин Мочульский, Петр Пильский, Владимир Жаботинский. «Старую гвардию», своеобразный «совет старейшин» вокруг деспота-редактора, представляли О. А. Инбер, С. Соколовский (Седой) и П. Т. Герцо-Виноградский, «избравший себе совершенно немислимый в наше время псевдоним — Лоэнгрин и писавший длинные, ежедневные, многоуважаемые фельетоны в совершенно забытой теперь форме нравоучительной публицистики и якобы ядовитого, дозволенного цензурой радикализма»¹.

Из этой цитаты можно сделать вывод, что Лоэнгрин в популярности среди одесситов, конечно же, уступал своему старшему брату — Барону Иксу, который шел наперекор всяческой цензуре, вкладывал в фельетоны всю душу и прямо-таки сгорел на своей работе. Но все же мы можем утверждать, что Петр Титович Герцо-Виноградский занимал заметное место в одесской журналистике того времени.

Высоко отзывался о братьях Герцо-Виноградских их современник журналист Петр Пильский:

«...Как было бы хорошо, если бы Одессе когда-нибудь впоследствии судьба послала нового Де-Рибаса! Этот новый летописец сумел бы написать страницу одесской истории, чтобы озаглавить ее «Герцо-Виноградские».

В России есть такие фамилии, есть имена, с которыми связано красивое представление о смелости, о защите, об огне, о готовности на смерть...

В журналистике, и в частности одесской, есть Герцо-Виноградские. Барон Икс и Лоэнгрин...

Это немного интимно... но и самая его мебель — и этот книжный шкаф, и диван, и письменный стол, на котором было написано столько «Зигагов» Лоэнгрина, все это — эта душа вещей — перешло к нему в исторической преемственности от брата — Барона Икса.

Из всех нитей, связывающих Петра Титовича с жизнью и миром, сильнейшей и прочнейшей является та, которую я хотел бы назвать «золотой пуповиной» все той же истории»².

Дон-Аминадо (А. Шполянский) называл Лоэнгрина «преlestным, душевным, сильно напоминавшим чеховского Гаева» человеком и отмечал, что он пользовался большой популярностью и любовью. Петр Титович обладал прекрасной памятью и страстью к цитированию и, как говорил Бунин, знал наизусть, «где какие люди живут и за какие идеалы страдают»³. Лоэнгрину патетически писали курсистки высших женских курсов: «Научите, как жить...»⁴

Самым популярным в Одессе журналистом после В. М. Дорошевича назвал его О. Л. д'Ор⁵.

Фигуру Герцо-Виноградского и его фельетоны, написанные «короткими рублеными строками, односложными абзацами а-ля Влас Дорошевич», вспоминает В. П. Катаев в «Траве забвенья»⁶. Катаев писал, что еще в гимназическом возрасте он ходил по редакциям, пристраивая свои стихи, и что только один раз, в редакции «Одесских новостей», известный журналист Герцо-Виноградский, «человек с худым, интеллигентным лицом и длинными усами Верхарна»⁷, взглянув на него, вдруг чем-то в нем заинтересовался. Он ласково отстранил доброй рукой свернутые в трубку стихи гимназиста и сказал с простотой и откровенностью, что ровно ничего в стихах не смыслит, посоветовав при этом обратиться к одесскому писателю А. Федорову.

Нам известен один одесский адрес журналиста — улица Ольгиевская, 9⁸.

В 1896 году Петр Титович опубликовал повесть «Митя Погожев» («Из жизни провинциальных студентов»), в которой под сильным влиянием толстовских идей изобразил трудный

П. Т. Герцо-Виноградский. Шарж М. Линского. 1900-е годы

путь молодого человека, пытавшегося противостоять традиционному разврату студенческой жизни.

Позднее выпустил очерково-публицистическую книгу «Тайны петербургских клубов новейшей формации» (СПб, 1905), разоблачающую распространение игорных домов в Петербурге.

В 1899 году написал небольшую пьесу-комедию «Провинциальная газета», обыгравшую традиционные редакционные конфузы — ложные слухи о сенсациях, наплыв графоманов и пр.

Был автором пьесок-буффонад из современной жизни: «Господин депутат» (Одесса, 1911), «Дом сумасшедших» (Одесса, 1911). (Сочувственный отзыв на постановку в петербургском театре в журнале «Театр и искусство»: «От буффонады «Дом сумасшедших» г. Герцо-Виноградского нельзя требовать ничего иного, как шума и смеха, и этого хоть отбавляй. Род дивергисмента в исполнении г-жи Яковлевой (марксистка), Софроновой (Аксинья), П. Николаева, Ольшанского, Милохина, Адамова и др. прошел шумно, а прекрасный декадент г. Вернера вызывал настоящий смех»⁹).

Пьесы Лоэнгринга часто напоминали газетные репортажи-фельетоны, например, с успехом поставленная в 1916 году в Ростове-на-Дону «Жертва богам», в основу которой легла драма, произошедшая в Харькове, — двойное самоубийство на любовной почве.

В «Южном обозрении» он проработал около восьми лет и был очень дружен с редактором, Николаем Павловичем Цакни — человеком выдающегося ума, другом и тестем И. А. Бунина. (Бунин женился на дочери Н. П. Цакни — Анне в 1898 году).

Когда Цакни ушел из жизни, это было большим горем для Петра Титовича. Вот что писал он по этому поводу:

«По условиям своей редакционной работы я был настолько близок к Николаю Павловичу и он занимал столь значительное место в моей духовной жизни, что его смерть является для меня тяжелой раной, и вряд ли когда-нибудь эта рана вполне заживет. Цакни — это восемь лет моей работы в «Южном обозрении». Восемь лет моей жизни. Потому что моя газетная работа — это и есть моя жизнь»¹⁰.

П. Т. Герцо-Виноградского знали и любили, дружили с ним многие актеры и театральные деятели, в том числе антрепренер Одесского городского театра Л. Никулин, а также знаменитый опереточный баритон Митрофан Иванович Днепров.

В предисловии к книге воспоминаний Днепрову Никулин писал, что познакомились они с ним в гостеприимном доме одного видного журналиста, театрального критика, писавшего под псевдонимом Лоэнгрин, которого Днепров упоминает в своих мемуарах:

«Я подписал контракт. Радовались за меня и одесские друзья, особенно фельетонист «Одесских новостей» Лоэнгрин, с которым я очень сдружился. Прощаясь со мной, он обещал приехать в Москву и быть крестным отцом моего первого ребенка, появление которого ожидалось в сентябре»¹¹.

Лоэнгрин (четвертый слева) в редакции «Одесских новостей». Шарж М. Линского. 1900-е годы

Петр Титович был также хорошо знаком с журналистской и театральной жизнью Москвы и Петербурга. Об этом он рассказал в своей книге «Театр воспоминаний М. Г. Савина», изданной в Тифлисе в 1929 году.

Большое внимание Лоэнгрин уделял вопросам женского равноправия, женского движения, борьбе с проституцией, и, пожалуй, не было в Одессе в то время журналиста, который бы писал на эти темы так много.

«Женщина предъявляет известные запросы ума и сердца... Прошло то время, когда эти запросы осмеивались некоторой частью нашего общества. Уже Достоевский, столь чуткий к общественным явлениям своей

страны, отмечал в «Дневнике писателя» этот подъем, это возрождение русской женщины... Русский человек, по его словам, поддался разврату стяжания, цинизма, материализма. Женщина осталась невредима и сохранила Бога в своей душе», — писал он в статье «Женское движение»¹².

В девятидесятых годах Лоэнгрин жил преимущественно в Одессе, регулярно публиковал довольно либеральные статьи, фельетоны под заголовком «Зигзаги», посвященные вопросам литературы, театра и общественной жизни Одессы и столичных городов, в газете «Одесские новости» (в 1907–1911 был ее редактором).

Публиковал он также в столичном журнале «Театр и искусство» театральные рецензии под рубрикой «Одесские письма».

В «Зигзагах» писал обо всем: и об обществе св. Магдалины, которое давало кров и работу падшим женщинам, и о безыдейных постановках в Одесском городском театре, преследующих основную цель — большой кассовый сбор (в частности, постановке «Гусарской лихорадки»), высмеивал восторженных обывателей, страдающих, например, от разлуки с гастролирующей четой актеров Фигнер:

«Но ведь в конце концов гг. Фигнеры... уедут... А эти многочисленные дамы, жены и матери семейств, совершенно потерявшие голову и забывшие о своих домашних пенатах? Для них наступают тяжкие дни разлуки. Завтра наступит суровая действительность и проза жизни. К этой суровой действительности принадлежит и голод, все более и более овладевающий Бессарабией и Херсонской губернией»¹³.

Были у Лоэнгринина и неприятности (как и у старшего брата — С. Т. Герцо-Виноградского) — следствие его убеждений.

Цензор А. Егоров (Конспаров) вспоминал, что в 1905 году, во время военного положения в городе, один из репортеров, наиболее рьяный и нетерпеливый, а именно сотрудник газеты «Южное обозрение»,

«из конторы которой последовали смертоносные выстрелы 19-го октября в русскую патриотическую процессию... пишущий под псевдонимом Лоэнгрин, жесто-

ко поплатился... Он поместил весьма хлесткую статью в одной из столичных газет крайне левого направления, в которой с большой развязностью писал о невозможном положении печати в Одессе, причем указывал на меня и на двух моих сотрудников как на душителей ее и жаловался, что при такой невозможной атмосфере он работать не может и совсем в ней задыхается. Узнав об этой статье, генерал Карангозов приказал препроводить к нему все забракованные цензурою статьи этого журналиста и сделал распоряжение о высылке его в Вологодскую губернию, где, по выражению генерала, «г. Лоэнгрину будет дышаться легче, чем в душной для него одесской атмосфере»¹⁴.

А в 1907 году временный одесский генерал-губернатор постановил:

«Ответственного редактора газеты «Одесские новости» П. Т. Герцо-Виноградского за напечатание в № 7225 газеты от 9 мая статей под заглавием «Вчерашний день» и «Паника в гостинице «Англия» — ложных сведений крайне тенденциозного характера, подвергнуть штрафу в 250 рублей, сотрудника газеты, сообщившего редакции вышеуказанные сведения, Л. Трецека подвергнуть аресту при полиции на семь дней»¹⁵.

Были напечатаны воспоминания Петра Титовича о его встрече с А. П. Чеховым в Крыму 9 июля 1903 года.

Лоэнгрин в 1903 году был сотрудником «Южного обозрения» и секретарем Одесского литературно-художественного общества. Отметим, что с 1899 года Лоэнгрин был членом-учредителем общества, 18 октября 1901 года он избран уже в члены правления, а 1 февраля 1902 года — секретарем общества¹⁶.

Чехов и Лоэнгрин говорили свыше двух часов: о литературе и политике, о философии и этике, о половой морали и об искусстве... Чехов отметил большое значение Горького и Бунина для русской литературы. Говорил он также о необходимости противления злу злом ради установления счастливой жизни для всего человечества и мировой гармонии. Когда же Герцо-Виноградский усомнился в нравственности такой борьбы, Чехов ответил, что «через эту кровь человечество идет к лучшему»¹⁷.

В 1911–1912 гг. Лоэнгрин жил в Ростове-на-Дону, редактировал газету «Приазовский край». В эти же годы являлся сотрудником одесского сатирического журнала «Крокодил» (московский «Крокодил» появился намного позднее). И хотя в рубрике «Крокодила» «Наша журналистика» на Лоэнгрин была напечатана эпиграмма:

От века страждущим дарует исцеленье
Природа мудрая: дряхлеющим — спермин,
Больным сонливостью — одесской «Речи» чтение,
Больным бессонницей — добрейший Лоэнгрин¹⁸, —
мы все же понимаем, что это следует воспринимать как добродушную шутку.

В 1913 году Лоэнгрин опубликовал в Ростове-на-Дону сборник небольших полужанровых рассказов «Химеры».

В этом же году вернулся в Одессу, сотрудничал в газете «Малые одесские новости». С 1916 года снова жил в Ростове-на-Дону.

После Октябрьской революции он жил в Тифлисе, работал главным редактором газеты «Рабочая правда». В 20-х годах сотрудничал в газете «Тифлис», в журналах «Искусство» и «Братство».

Умер Петр Титович Герцо-Виноградский 10 февраля 1929 года в Тифлисе.

В первом номере «Крокодила», вышедшем 2 апреля 1911 года, Лоэнгрин поместил «Исповедь журналиста, ставшего преступником», в которой были следующие слова:

«Мы — не блестящие сыны парадной столицы, мы не несем смеха широкой, великой России... Мы хотим только факелом сатиры осветить глубины дна южного болота и смехом освежить эту дряблую, изъеденную сплетней, клеветой и тоской, провинциальную жизнь»¹⁹.

Думаю, что эти слова и были кредо всей жизни и всего творчества Лоэнгрин — Петра Титовича Герцо-Виноградского, одесского рыцаря пера, жившего высокими идеалами.

Примечания

- ¹ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. — М., 1994. — С. 529.
- ² Пильский П. Петр Титыч Лоэнгрин. // Одесское обозрение театров. — 1904. — № 79. — С. 5.
- ³ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. — М., 1994. — С. 530.
- ⁴ Там же. — С. 530.

- ⁵ О. Л. д'Ор. // *День*. — 1914. — 6 мая.
- ⁶ Катаев В. П. *Трава забвения*. — М., 1967. — С. 20.
- ⁷ Там же. — С. 20.
- ⁸ ГАОО, ф. 2., опись 7, дело 140, лист 1. (14 сентября 1906 г. заверено нотариусом).
- ⁹ *Театр и искусство*. — СПб, 1911. — № 42. — С. 797.
- ¹⁰ Лознгрин. Памяти Цакни. // *Южное обозрение*. — 1904. — 22 июля.
- ¹¹ Днепров М. И. Полвека в оперетте. — М., 1961. — С. 82—83.
- ¹² Лознгрин. Женское движение. // *Южное обозрение*. — 1900. — 13 января.
- ¹³ Лознгрин. Конец Фигнериаде. // *Южное обозрение*. — 1900. — 31 марта.
- ¹⁴ Егоров А. Е. Страницы из моей жизни. // *Исторический вестник*. — СПб., 1912. — Т. 5. — С. 766—767.
- ¹⁵ *Одесские новости*. — 1907. — 22 мая.
- ¹⁶ Отчет правления Одесского литературно-художественного общества за 1902 г. — Одесса: Тип. акционерного южнорусского о-ва печатного дела, 1903. — С. 7.
- ¹⁷ Зленко Г. Д. Человечество идет к лучшему. // *Вечерняя Одесса*. — 1985. — 29 января.
- ¹⁸ *Крокодил*. — 1911. — № 34.
- ¹⁹ *Крокодил*. — 1911. — № 1.

ОДЕССКИЕ ПИСЬМА

Я уверен, что когда г. Никулин открывал сезон в Одесском городском театре, он совсем не предполагал, что лучшими в смысле ансамбля спектаклями у него будут комедии салонного стиля. Составляя труппу, почтенный антрепренер, конечно, хотел всем угодить. «Тут резеда, жасмин и репертуар для всех причин». Хотите настроение? Мы вам дадим настроение. Хотите посмотреть бытовые пьесы — вот вам бытовые. Хотите салонную комедию — вот вам и таковая. Чтобы всем угодить — разнообразным надо быть. Исповедуя такую театральную веру, можно дойти и до «Гусарской лихорадки». А вы думаете, не дошли? Дошли, дошли под флагом первого спектакля легкой комедии.

Я вовсе не намерен упрекать в этом антрепризу. Я очень далек от упреков по адресу антрепризы и если бы хотел непременно кого-нибудь упрекнуть, то скорее всего самого себя. Боже мой, еще две с лишком недели тому назад я приветствовал в своем первом письме серьезный стиль сезона и его идеи, приветствовал театр, как аудиторию великих истин, как алтарь прекрасной и вдохновенной проповеди, — и вдруг, точно наперекор моим скороспелым приветствиям — «Гусарская лихорадка». В конце концов, мы — бедные журналисты — постоянно попадаем впросак. Эдакие наивные. Прочтем репертуар: Шекспир, Гоголь, Грибоедов — и приходим в умиление. А потом пошла писать гусарская губерния. Признаться, мне было немного стыдно. Но в антракте «Гусарской лихорадки» я встретил г. Долинова... «А? Каково?» — «Что каково?» — «Сбор-то? Сбор-то? А? Каково?» — «Сбор действительно превосходный». — «Ага! Вот вам и самое главное. Сбор-то, сбор-то». Г. Долинов сиял. Ах, я люблю сияющих людей. Какую еще пьесу поставить, чтобы сиять? Пусть, пусть сезон сияет всеми красками. Bravo, bravo!

Но вернемся вообще к комедии. Я в начале письма отметил, что более всего в сезоне удаются комедии салонного стиля. Не знаю, как дальше, но начало именно таково. Для салонных ролей мы имеем в труппе целый концерт исполнителей. Г-жа Дарьял ведет комедийные роли в легких изящных тонах. Г. Горин-Горяинов — образцовый комедийный актер, притом с

чувством художественной меры. К этому дуэту мы присоединим еще и г. Неделина, и получается салонное трио, на редкость художественное.

Но кто ожидал, что именно салонная комедия побьет рекорд? Кто предполагал, что в главу сезона станет легкий французский диалог? Конечно, весь сезон еще не решен, но успех, занятый и существенный, имеет только комедия. А может быть, все это неспроста? Вот я готов упрекать г. Долинова, а ведь публику потянуло в театр на эту самую «лихорадку». Значит, г. Долинов ударил в самый центральный нерв.

Но вот с чем не угодили, да как ужасно и скандально не угодили — это с юбилейным спектаклем. 1 октября исполнилось 20-летие Одесского городского театра. По этому случаю, конечно, решили устроить соответствующий спектакль с отдельными актами из Грибоедова, Островского, Чехова, Горького и даже актом из «Аиды».

Публики собралось полно, но винегрет из авторов с оперной подливкой окончательно провалился. Скажите откровенно, вы любите эти музыкальные поурри, в состав которых входят и оперные куски, и чувствительные романсы и марши, и все что хотите? Это — кавардак и чрезвычайная пестрота музыкальных идей и это даже унижение музыки... Публика помчалась в театр, но на другой день, когда антрепренер задумал повторение юбилейного спектакля, публики уже не нашли. И сбору было рублей 200, не больше. Интерес юбилейного спектакля мог бы заключаться в различных адресах и депутациях. Но театральная комиссия решила иначе, исходя из того, что 20 лет — не 25 лет. Во всяком случае, этой стороны дела не разрешили. И вышло скучно, тоскливо...

Даже ужинали за свой счет. Городской голова платил за себя, остальные за себя. А артисты без ужина разошлись по домам. Получилось, таким образом, соответствующее настроение, если не в стиле и духе Чехова, то в стиле и духе современной унылой Одессы.

Второе театральное письмо из Одессы я пишу с оттенком уже некоторой грусти. Никого не хочу упрекать. Хочу только отметить, что над нашими российскими антрепренерами висит фатум. И, подвластные ему, они идут по тем дорогам, на ко-

торые этот фатум указывает. Идут и подбирают плоды репертуара. И кричит им фатум: «подберите „Гусарскую лихорадку”» или «подбери „Вора-любителя Рафльса”». И подберут. Идут, а на груди вышито: Шекспир, а «Гусарскую лихорадку» подобрали. Ничего тут, милостивые государи или читатели, не поделаешь. А еще интереснее вот что: подобранное-то и делает сбор. А ведь антрепренеру и актеру жить надо.

- Позвольте, позвольте, но как же идеи?
- Какие идеи?
- Возвышенные театральные идеи?
- А вот же они на груди вышиты.

«Театр и искусство» (СПб, 1907, № 41, с. 674—675)

Г. В. Закіпна

ПЕРШИЙ УКРАЇНСЬКИЙ ДРУКАР ОДЕСИ

Історія життя цієї людини нагадує сценарій голлівудського блокбастера про хлопчину з села, що прийшов завойовувати велике місто з кількома копійками в кишені і завдяки своїм чеснотам — працелюбності і ощадливості тощо — став в скорому часі хазяїном імперії мас-медіа. Історія повчальна, за наших часів малоюмовірна. Проте вона базується на документальних свідченнях, більш того — музейних експонатах. Колись давно, у 1978 році, коли Одеський літературний музей лише створювався, до його рукописних фондів потрапили два старовинних грубезних зошита, які являли собою рукописні мемуари Юхима Івановича Фесенка, засновника відомої одеської типографії і хромолітографії.

Народився Юхим Фесенко 1 квітня 1850 року в селі Головеньки на Чернігівщині в бідній сім'ї, що походила з давнього козацького роду. Хлопчик мріяв вивчитися грамоті. Книга за тих часів, в тій місцевості була дивиною, рідкістю надзвичай-

Ю. І. Фесенко. Одеса, 1905

Уривки спогадів Ю. Фесенка надаються із збереженням особливостей авторського стилю та правопису, але наближені до норм сучасної орфографії та пунктуації.

ною. Та хлопцеві посміхнулася доля: несподівано до рук його потрапив родинний спадок.

«Двадцять с лишком лет назад, когда семья Фесенко и Мицкев[ич?] выехала с Курска, то кое-что позабыли на квартире. Хозяин этот теперь, едуци в Киев на Богомолье, нашел нужным завезти в Головеньку семье Фесенко забытые ими вещи, которы он так свято сберегал. Вещи заключались в следующем: утюг медный, подсвечники, книга Букварь гражданской печати, ту самую книгу, по которой 35 лет назад учился читать мой отец в Орловской солдатской школе. О Боже, какая для меня была радость, я три года собираюсь учиться грамоте и не было никакой книги, да и достать не было возможности. Книга эта заключала в себе след[ующее]: Азбука гражданская, Склады, Молитвы утренние, Молитвы вечерние и в продолжение дня, 10ть заповедей, несколько рассказов и сказок. Рассказы были снабжены следующими иллюстрациями:

1. Изображена школа, в которую ведут медведя.

2. Учитель держит одной рукой ученика за волосы, другой указат[ельным] пальцем указывает в развернутую учеником книгу.

3-я иллюстрация. Стоит ученик перед столом с раскрытой книгой, а учитель одной рукой дерет ученика за волосы, а другой держит пук розог и ими порет ученика по спине. Таковы были тогда нравы науки.

Я, получивши неожиданно такую ценную книгу, еще пуще стал проситься учить меня грамоте. Брат Евтихий узялся было учить и за дня три выучил первую стран[ицу] Букваря, о звуковой Азбуке тогда не было слуха. Он учил, как его учили – Аз, Буки, Веди, Добро и так далее. Начал было и склады, но это не ладилось. Больше требовалось времени и терпения, а он целые дни был занят физической работой по хозяйству дома и в поле»¹.

«Наступил 61 год. Праздники Рож[дественские] прошли незаметными. Все ждали волю, и в воскресенье 19 февраля в присутствии массы молящихся священник прочитал многожданную волю Освобождения крес-

тян, но о школе не было произнесено ни слова. Остается ждать.

В августе получены сведения, что в Головеньке 1-го октября будет приказ открыть церковно-приходскую школу, а земскую откроют через два-три года. Я и от этого слуха обрадовался. О помещении школы никто не заботится.

В конце сентября получается приказ Благочинного, что 2 октября открывается церковно-приходская школа, будут преподавать грамоту безвозмездно священник и дьяк Иван Самойлович, а так как помещения для школы общество не выстроило, то учеников [будут] принимать и учить в шпитале [госпитале — Г. З.]. Здание или хата шпиталя построена на церковной площади исключительно для нищих, где они каждую субботу и воскресенье собираются для получения милостыни, а благодетели в эти дни приносят милостыню. В это-то здание и предложили приводить учеников от 9 до 13 лет.

Первым учеником по времени с первым знанием и собственной книжкой явился я, Евфим Фесенко, вторыми учениками явились два Сергеенки, но оба без книжек»².

Книга причарувала юнака ще в дитинстві. Через роки проніс майбутній видавець згадку, як прийшов до них в село офеня з лубочними малюнками і книжками і як вразили малюка різнокольорові фарби ілюстрацій та ті дива, що були зображені на них.

«Однажды афея [офеня — Г. З.] разносчик зашел к нам и стал предлагать лубочные картины, разложил их и окончательно поразил меня красотой и дешевизной. Чего только там не было — и Бова Королевич, и Еруслан Лазаревич, и Соловей-разбойник, а в особенности Московский зоологический сад. Там, в клетках, как живые, львы, тигры, олени, лоси, и все эти прелести по 5 копеек, так что за 1 руб. 20 разных кар[тин]. Я просил хотя одну купить мне, но у нас и пятака в хозяйстве не оказалось. Пришлось согласиться на маленькую 2-копеечную картину. Долго я не мог спать следующей ночью. Невжели я никогда не буду иметь своего рубля, чтобы приобрести такую роскошь купить сразу 20 картин и украсить свой угол комнаты, и смотреть и любоваться вдоволь.

Нет, хорошо бы видеть, как рисуются и печатаются такие картины, да хорошо бы хотя раз у жизни увидеть этот зоологический сад и своею рукою погладить оленя или лося. Нет, буду просить отца, чтобы он отпустил меня, и незаметно заснул»³.

Так поспіль визривала у хлопця думка покинути рідну домівку і піти на заробітки до великого міста, вибиватися з горя-біди в люди. Юнак випросив у сусіда старий календар з мапою, за якою і вивчив шлях майбутньої мандрівки: вирішив йти пішки із свого села до Києва, а надалі — до Одеси.

«1869 г. 2 января я вложил [в] холщовую котому все белье и два куска полот[на], а 4 января, уставши рано до света, помолившись Богу, легонько позавт[ракав], положивши в карман сбережения 3 р. и данные братом 1 р. 40 к., получил отца и матери Благословение, и с братом Евтихием двинулись пешеходом в путь. 8 верст до села Высокого мы прошли до свита, зашли к средней сестре Агафии. Она там была замужью. Еще подзавтракали, сестра дала новую рубашку и кусок холста, поплакала. Я простился с ней, а брат провел меня еще версту, и на льду замерзшей [неразб.] мы обнялись, друг друга поцеловали и горько заплакали. Я просил брата не покидать стар[ых] родителей, а я посильно буду помогать. Я пошел обдуманно дорогой, а брат вернулся в родите[льский] дом. Начало всходит солнце, а мороз более и более трещал. Вскорости я прошел г. Борзну, а к вечеру пришел в с. Комаровку, для первого дня я прошел ровно 45 верст.

В Комаровке я переночевал в крестьянина и пятого января, уставши часов в 6, умылся, помолясь Богу, наскоро оделся, поблагодарил за ночлег и пошел дальше.

Мороз был неймоверный, °25 [неразб.]. В три часа пополудни я подходил к городу Нежину, душа радовалась увидеть такой красивый город, а в особенности так украшен церквами и колокольнями. Недаром говорят, что Нежин городок Москвы уголок. Подхожу ближе, сердце встрепенулось от радости, когда во всех 28 церквах одновременно зазвонили во все звоны к водосвятию. Первый раз я в жизни слышал такой торжественный колоколь-

ный звон. Придя в город, стало темнеть, водосвяти[е] закончено и храмы заперты. Я никуда не зашел, ибо с гостиницами не был знаком, да и капиталу мало. Я двинулся на вокзал, думаю, там переночую. Вокзал от города 5 верст. Я дошел. На вокзале в зале 1 класса протоиерей служил вечерню при хорошем хоре певчих, и народа было полно. Я простоял до конца. Спросил швейцара, можно ли здесь переночевать. А вы ночью едете? Нет, я пеший. То нельзя. Помолившись Богу, я двинулся далее»⁴.

Так морозною дорогою пішки прийшов юнак до Києва, де наймався на різні будівельні роботи, щоб заробити собі на черевики, а по весні вирушив до Одеси.

«На другой день прошли Кривое Озеро и подходили к г. Березовке. Березовка в то время была похожей на небольшую деревню [с] десятью еврейскими лавками и очень захудалой церковью. Выйдя из Березовки, на горизонте мы увидели обширный и очень высокий столб густой желтовато-серой пыли, посреди сего густого желтого тумана посредине стоял высокий остроконечный спиц, а на спице горел золотой крест. Это был Одесский кафедральный собор. А желто-серая пыль — это пыль от езды одесских мостовых, так объяснил уже живший в Одессе товарищ.

Еще сутки, и мы сами очутились [в] самой той густой пыли. Мы очутились на Пересыпи.

В то время на Приморской улице, на нынешнем Архиерейском дворе, под горой, за свечным заводом бил колодезь ключевой сладкой воды. Целые дни водовозы брали эту воду, платили по 20 коп. за бочку и развозили по городу и продавали по 3 и 5 к. за ведро. Две лошади свечного завода катали эту воду, был поденный погонич. А хозяйство это и продажу воды вел родственник одного из моих товарищей.

В этот-то вечер мы с Пересыпи все трое и пришли к этому родственнику на ночлег. С радостью он встретил своих земляков, в том числе и меня. Недолго продолжалась беседа. Мы с дороги были запылены, умылись, переоделись в что кто мог, родственник товарища или заве-

дующий водоснабжением пригласил нас в трактир пить чай. Земляка и меня повел через верхний Архиерейский двор по Торговой улице через Софиевскую, Елизаветинскую и Херсонскую улицы до Нового базара. Проходя через Херсонскую улицу, которая только что была вымощена кубиками и обсажена по обе стороны большими акациями, которые были в полном цвету. Тут только что отстроен дом Окружного Суда с большой вызолоченной вывеской. Запах акаций. Одесса мне показалась чуть не земным раем. Пришли в трактир. Чистота образцовая, служителя расторопные, все в длинных белых рубашках. Огромный орган прекрасно играл. Подумал я, недаром мне говорили в Киеве, что Одесса русский Париж»⁵.

Наше місто причарувало Юхима Фесенка. Будь що вирішив юнак лишитися тут жити. Найнявся на роботу в аптеку, а восени 1870 року прийшов до найстарішої одеської типографії Францова, якою керував на той час його син Емануїл Петрович.

«День за день я привык работать и следить, как другие работают. Через неделю я написал домой письмо, что я работаю в типографии и литографии Францова в Одессе и уже знаком, как печатаются такие картины, какие 10 лет назад показывал афея [офеня – Г. З.] – 20 сортов, и я не мог купить и одного. Очень может быть, что я сам научусь печатать такие картины. Мне здесь хорошо»⁶.

В мемуарах Юхима Ивановича Фесенка містяться цінні свідчення про першого одеського типографа Петра Федоровича Францова.

«Теперь я позволю себе сказать несколько слов об основателе вышеупомянутой типографии – о Петре Федоровиче Францове, отчасти и о его строительстве из его собст[венных] рассказов.

Петр Федорович Францов родился в С.-Петербурге. Сын придворного кондитера, 8 лет остался круглым сиротой. Определен был в сиротский дом, после прошел 4-классное учили[ще] и 14 лет определен в Придворную типографию учиться наборному искусству.

В 1826 году окончил ученье по первому разряду с наградой.

В январе 1827 года Одесское городское управление выписало с С.-Петербурга типографию для городского хозяйства со всем необходимым штатом и заведующим распорядителем. Правление Придворной типографии управляющим этой типографии избрало и назначило молодого 19-летнего специалиста Петра Федоровича Францова, снабдило его двумя типографскими станками, 10 кассами, пятьдесят пудов шрифта [неразб.], 4 верстатками, бочонком краски и другими принадлежностями и штат служащих: 1 наборщик, 2 печатника и управляющ[ий]. Все это было уложено на три пары повозки и гужом, под начальством Францова отправлено в Одессу.

Через три недели обоз Францова прибыл благополучно в Одессу. Городом при бульварном участке было отведено помещение для типографии. Печатники установили свои станки, а наборщик разложил свой шрифт, и под наблюдением Францова приступили печатать городские работы.

Так родилась и начала процветать первая городская типография в Одессе. (Из первых учеников городской типографии учениками-наборщиками были сын немецкого пастора Луи Нитче, впоследствии крупн[ый] владелец типографии, и Алексимати, впоследствии арендатор Городской типографии). Просуществовавши три года, типографию перенесли в дом Попуда, который тогда только отстроен. Там, кроме отстроенного помещения для Городской типографии, была отделана квартира для заведующего П. Францова. В 1830 г. Францов женился на воспитаннице портного Тилье, сын которого впоследствии был известный владелец литогр[афии]. Петр Федорович был счастлив своим браком, у него было 16 шестнадцать душ детей, из них 9 душ умерло маленькими, а 7 семеро выросло, которым он дал хорошее образование. Спустя в 1845 году с бывшим учеником Нитче оставили Городскую типографию и в компании открыли свою. Лет через десять Францов разошелся с Нитче и перенес свою половину типографии в дом Прокопеччи (нынче Колпакчи). Здесь он расширил свою

типографию, великолепно вел дело, сделался известным типографом не только на Юге, но и в С.-Петербурге[ге]. Он стал выполнять крупные работы, как Русского общества пароходства и торговли, но вскорости и Одесской железной дороги. Он ездил в Германию, добавил к своим двум скоропечатным машинам еще 5 же скоропечат[ных] больших машин. Заехал в Париж, купил большую партию медных линеек и бумагорезальную машину. В 1870 году купил дом, а в 1873 году построил специальное здание для помещения в нем типографии, конторы и квартиры.

Мы выше видели Петра Федоровича как хорошего ученика, прекрасного основателя и правителя Городской типографии и прекрасного компаньона и хозяина. Милого семьянина, мужа и примерного отца семейства шестнадцати душ детишек, устроителя большой типографии и строителя якобы хорошего помещения»⁷.

Цілеспрямований юнак був певен своєї мети. Невдовзі він став компанйоном Францова, а ще через деякий час вирішує відкрити власну справу. 15 грудня (за ст. ст.) 1883 року в будинку Маврокордато на Грецькій вулиці відбулося відкриття друкарні Юхи́ма Фесенка. Друкарня була крихітна: три машини, в штаті сім робітників та ще власник з дружиною Вірою Феодосієвною, котрі, при потребі, ставали за верстати разом зі своїми робітниками.

«На 15 декабря назначено было освящение и открытие типографии и литографии.

Штат: два первоклассные наборщика, ученик мальчик, машинист, опытный вертельщик до машины, литографский печатник и ему подручный.

Разослали пригласительные билеты знакомым и пригласили протоирея Мартирия Чемену с диаконом и псаломщиком на посвящение.

Присутствовали Виктор Васильевич Ковалев, художник, Петр Корнеевич Борзаковский, Михаил Петрович Боровский, бывший редактор «Записок сельского хозяйства», Сокальский, бывший редактор «Одесского Вестника», Эммануил Петрович Францов, владелец типографии, и м[ногие] д[ругие].

В. Ф. Фесенко. Одеса, кінець 1890-х

Вместо тортов и цветов гости принесли заказы печати для типограф[афии]. Францов прислал ящик 24 эк. Стофати и заказ с них 30 стоп печати. Боровский — рукопись на печатание отчета Филоксерной комиссии, листов 20 печатных, Борзаковский — бланки и книгу для Мариинской гимназии.

Духовенство отслужило молебен, поминали всех присутствующих, окропили все святою водою, потом Веру Феодосьевну и меня поздравляли

с новым предприятием, пожелали успеха и благополучия. Верой Феодосьевной был накрыт и сервир[ован] стол, и все гости и духовенство мною были приглашены к трапезе [*Зачеркнуто*: Очень чинно пили и закусывали. — Г. З.] и поздно вечером разошлись. На прощание Петр Корнеевич Борзаковский обещал написать в пользу типографии биографию 1-го русского печатника Ивана Федорова»⁸.

Справи пішли успішно. Фесенко бачив перспективи розвитку, в разі потреби помірно ризикував і вдало користувався можливостями отримати більші замовлення і розширити справу. Невдовзі друкарня Фесенка переїздить у двоповерховий будинок на Рішельєвській, 47. Поступово Фесенко докуповує но-

Обкладинка зошити. Хромолітографія Фесенка. 1915

ве обладнання, добудовує третій поверх. На початку ХХ століття типохромолітографія Ю. І. Фесенка стає найвідомішим видавництвом Одеси. Її продукція виходить тисячними тиражами і добре розповсюджується. Видавництво Фесенка знають по всій Російській імперії. Його продукція отримує 4 нагородні медалі на іноземних виставках.

Юхим Іванович Фесенко ніколи не забував свого козацького родоводу. Його внесок в українське книговидавництво Одеси важко переоцінити. 1885 року Фесенко видав перший український одеський альманах «Нива», для якого виписав спеціальний шрифт із Санкт-Петербурга.

«Украинское Литературное Общество через Михаила Петровича Боровского заказало мне 2000 книг «Ны-

ва» (украинский литературный сборник), для которого я обязан выписать [из] С.-Петербурга специальный шрифт, что я и сделал. Перед выходом этой книги приехали из Киева два известные киевские книгопродавца, имеющие магазины на Крещатики, чтобы открыть вместе отделение в Одессе. Наняли магазин против Городского сада, наняли подрядчика делать обстановку магазина и, узнавши, что у нас печатается редкая в то время книга, обратились к нам в типографию, чтобы узнать, кто издает или заведывает изданием этой книги. Это были киевские книгопродавцы Иван Алексеевич Розов и Болеслав Корейво. Познакомившись с нами, оказались очень милые люди. Мы их направили к Боровскому, и они купили на тысячу рублей наличными книг с

Обкладинка зошити. Хромолітографія Фесенка. 1915

условием, чтобы главный склад был в ихнем новом магазине и в Киеве тоже в обоих мага[зинах]. Уехавши, Розов прислал свою сестру присматривать за отделкой магазина, которая поселилась в нас до открытия и прискаания квартиры, и с тех пор семья Розова сделалась приятелями нашей семьи, и все необходимое для магазинов у нас печатал»⁹.

Тираж «Ниви» у 2000 примірників швидко розійшовся. Того ж таки 1885 року кращі твори з альманаху – оповідання Нечуча-Левицького «Чортяча спокуса» та Дніпрової Чайки «Знахарка» і оперета Михайла Старицького «Утоплена» Фесенко випустив окремими виданнями.

Надалі з друкарні Фесенка виходить ціла низка збірників українських пісень з нотами, що тішать око і звеселяють душу яскравими радісними обкладинками. 1889 року Фесенко святкує 75-річний ювілей Шевченка виданням поем «Княжна» та «Москалева криниця».

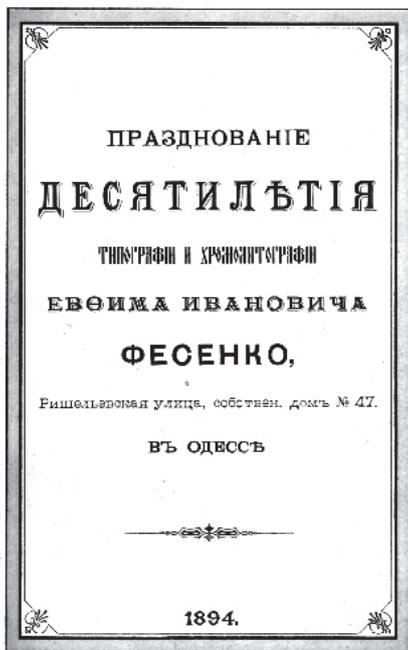
З великим задоволенням видавав Фесенко етнографічний та бібліографічний доробок свого друга, відомого діяча української культури, нотаріуса Одеси Михайла Федоровича Комарова: «Нова збірка народних малоруських приказок, прислів'їв, помовок, загадок і замовлянь» (1890), «Тарас Шевченко в літературі і мистецтві» (1903), «Українська драматургія» (1906) і доповнення до цієї бібліографічної роботи – «До Української драматургії» (1912). 1907 року Фесенко видав розвідку Комарова «Запорожські вольності», а 1910 року – його переклад повісті Гоголя «Тарас Бульба».

На жаль, в мемуарах Фесенка відсутні згадки про особисті стосунки з Михайлом Федоровичем Комаровим. Натомість знаходимо спогад про знайомство Фесенка з українськими акторами, які увійшли до історії театрального мистецтва з високим титулом корифеїв українського театру.

«По рекомендації українського кружка и заручившись их письмом, я поехал в Кишинев предложить свои услуги артистам малороссийской труппы, которую ожидали на праздники в Одессу. Я прибыл в Кишинев, застал их как раз перед репетицией в квартире Заньковецкой. Там был Кропивницкий, Садовский и Затырке-

Листівка. Павільйон хромолітографії Ю. Фесенка на виставці у Мілані. 1906

вич. Заньковецкая, узнавши, что я ее земляк, очень была рада. Угощала меня завтраком, малороссийским салом, варениками. Рассказала свою биографию, что она уроженка из села Зинск [правильно: Заньки — Г. З.] в 5 верстах от Нежина, училась в Нежинской гимназии, там же впервые выступила на сцену играть, ей было теперь 27 лет.

Кропивницкий и Садовский пригласили меня на репетицию, в кот[орой] они не участвуют. По дороге встретили мы ихнего антрепренера Старицкого, который ходил заключать договор с владельцем театра. Представили меня Старицкому как земляка и типографа. Я сообщил, что их одесситы ждут с нетерпен[ием]. Старицкий сообщил, что покончил с театром. Кропивницкий предложил, чтобы Старицкий угостил магарычом. Зашли в ресторан Северной гостиницы, скушали би[ф]штекс и выпили бутылку вина и две бутылки шампанского и получили счет на 18 р. Старицкий уплатил и 2 дал слу[ге] на чай. Все втроем обещали мне всю работу, какая им нужна. Я простился и ушел в гостиницу, а вечером выехал в Одессу.

Через две недели являются в контору Максимов, артист императорских театров, а ныне аренда[то]р Русского театра в Одессе, и с ним Марко Лукич Кропивницкий и Садовский с извинением, что обещанну ими работу дать не могут, что их уполномоченный г. Максимов, в которого они письменно сняли театр, печат[ал] анонсы в газете «Новороссийский телеграф» и, не зная обещания дать [м]не, обещал все работы дать Озмидову — редактору и издателю газеты. [*Зачеркнуто*: Узять же обратно очень рискованно, ибо Озмидов человек злой и может пакостить труппе]. Я знал Озмидова и с их мнением согласился и от обещанных заказов отказал. Они же в знак неустойки дают мне три контрамарки на право трем человекам целый сезон посещать театр, т. е. на три места в партере или на балконе. Я был очень доволен, и остались друзьями. Кропивницкий поднес мне книгу своих драматических сочинений.

Вера Феодосьевна была в восторге, и после предпраздничных трудов чуть не каждый день мы с нею посещали театр знаменитых малороссийских драматических артистов, никогда не виданных в Одессе»¹⁰.

Видання Юхима Фесенка увійшли в українську скарбницю Одеси не лише своєю національною спрямованістю (а їх кількість переконливо свідчить, що більша частина українських видань в Одесі до 1917 року вийшла з друкарні Фесенка) – їх відрізняла висока поліграфічна та художня якість. У типолітографії Фесенка працював відомий український художник Амвросій Ждаха. 1900 року тут була видана «Чорна Рада» Пантелеймона Куліша (друге видання після першого авторського), а наступного, 1901 року Фесенко знов видає «Чорну Раду», оздобивши її 16 малюнками Амвросія Ждахи.

На жаль, каталогу видань, що вийшли з друкарні Фесенка, на сьогодні не існує. Чекають на свого видавця і рукописні мемуари Юхима Івановича Фесенка.

Робітники любили свого господаря, поважали його за чесність, фаховість, надійність. Першим в Одесі Фесенко запровадив у своєму видавництві 8-годинний робочий день. Він придбав маєток в Олександрівці, де кожен з його робітників мав право раз на рік на тижневий відпочинок разом з родиною.

Після більшовицького перевороту друкарня Фесенка була націоналізована, хоч колишній власник лишився її керівником. Помер Юхим Фесенко 1926 року. На його могилі робітники встановили плиту з написом, яким вшанували славетного друкаря Одеси.

Наостанці хочу навести текст листа Юхима Фесенка своїм дітям з приводу 50-ліття від того дня, як він покинув батьківську домівку:

«Одесса, 4 января 1919 г.

Дорогие! Сегодня мой бенедикс, т. е. юбилей, 50-летие моей самостоятельности.

Сегодня в 4 часа утра исполнилось 50 лет с тех пор, как я оставил родительский дом, получил свободу и сделался самостоятельным.

4 января 1869 года я встал от сна, умывшись, помолился Богу, принял родительское благословение от отца

через 8 місяців 60 рублів мною були сколочені і вислані з великою радістю.

Через півтора роки я соскучився по батькам, а головне, зібрав або скопив сто п'ятдесят рублів, вирішив привезти їх батькам, але не вирішено було це виконати. На залізничній дорозі, котра, к слову сказати, вже була закінчена, я свій капітал втратив і з Києва змушений був повернутися назад. І прибувши в Одесу, я мав 12 рублів. Але десять рублів я відправив потрібним батькам, 70 копійок заплатив за переписку листів і грошей, а з 1 р. 30 коп. прийняв за нову життя.

Прошу, дорогі, мене в жадності і некультурності не звинувачувати.

Як бачите, навчатися культурі було або не від кого або ніколи.

Зостаюся люблячий вас

Е. Фесенко»¹¹.

Юхим Іванович Фесенко був одним із тих людей, що дозволили Одесі зайняти чільне місце в історії української і російської культури.

Примітки

¹ Воспоминания Е. И. Фесенко. 1925. Рукопис. — ОЛМ. — КП-2558/1, Р-158. — Арк. 86—89.

² Там же, арк. 92—94.

³ Там же, арк. 105—106.

⁴ Там же, арк. 134—137.

⁵ Там же, арк. 166—169.

⁶ Там же, арк. 192.

⁷ Там же, арк. 240—245.

⁸ Воспоминания Е. И. Фесенко. 1925. Рукопис. — ОЛМ. — КП-2558/2, Р-158. — Арк. 148—152.

⁹ Там же, арк. 172—173.

¹⁰ Там же, арк. 181—184.

¹¹ Мемуари Ефима Івановича Фесенко, заснователя Одеської типографії і хромолітографії. — Машинописна копія. — 1980. — ОЛМ. — НВ-3127. — Арк. 204—205.

«І ВСЯКОМУ ДОБРО НЕСТИ — НЕМАЄ ВИЩЕ КРАСОТИ!»

Всеволодний час намагається все поставити на свої місця, висвітлювати з позиції справедливого арбітра історію, показуючи велич і трагізм епохи ХХ століття.

Сьогодні в історію української культури та літератури повертаються імена письменників, які були в кращому випадку замовчані, а в гіршому — заборонені впродовж довгих 70 років.

Серед заборонених і вилучених з української літератури та української історії імен знаходимо відомого в кінці ХІХ та на початку ХХ століття письменника, історика, перекладача з багатьох іноземних мов, громадського та політичного діяча Сергія Павловича Шелухіна.

Службова, політична, творча діяльність С. Шелухіна тісно пов'язана з культурним та науковим життям Одеси, з роботою одеського товариства «Просвіта».

С. П. Шелухін народився 1864 року на Полтавщині, закінчив Лубенську класичну гімназію, потім фізико-математичний факультет Київського університету. Однак юнака вабили гуманітарні науки, і він закінчує юридичний факультет того ж університету. Юриспруденція стала основою професійної діяльності Сергія Павловича, він працював у судових відомствах Єлисаветграда, Кам'янця-Подільського, Кишинєва.

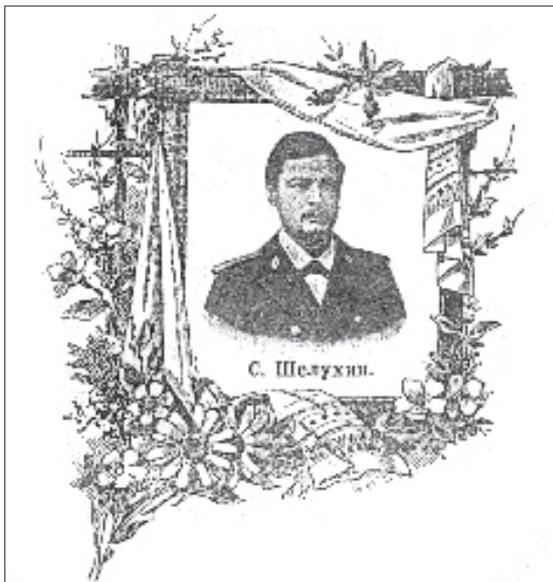
1899 року С. П. Шелухін переїжджає до Одеси, де займає посади прокурора та судді впродовж всього передреволюційного періоду.

З юних років Сергій працював на ниві українського культурного відродження і продовжував цю благородну справу протягом усього життя, яке закінчив у 1938 році, в еміграції, поблизу міста Прага (Чехословаччина), у віці 74 років. Він був одним із засновників Українського вільного університету в Празі, професором і деканом факультету права і суспільних наук цього університету, читав студентам лекції з політичної історії України.

В період революційних подій 1917 року, коли була створена Українська народна республіка, Сергій Павлович Шелухін

брав активну участь в її становленні, опираючись на свій багатий юридичний досвід. Він обіймав посади члена Центральної ради, генерального судді УНР, міністра судових справ, міністра юриспруденції УНР. Після поразки національно-визвольного руху С. П. Шелухін емігрував за кордон.

С. Шелухін. Альманах «Розвага. Український декламатор». 1906

Значний період свого життя, 18 років, ця видатна людина мешкала в Одесі. Зрозуміло, що С. Шелухін не міг стояти осторонь громадсько-політичного, наукового, культурного життя міста. Зразу ж по приїзді він швидко і активно втручається в громадсько-політичне життя Одеси, намагаючись активізувати ставлення одеситів до української культури і мови. В статті «Українство 80-х років XIX в. і мої зносини з Ів. Франком» Шелухін писав:

«...Як настали з 1905 року полегші для української визвольної праці і виникла думка утворити в Одесі «Просвіту» з відділом наукових засідань, за що взялися всіма силами Луценко, Липа та я... Справу «Просвіти» винесли на своїх плечах Луценко, Липа та я, а з молоді студенти Андрій Ніковський та Панченко»¹.

Дійсно, Сергій Павлович стає заступником голови товариства «Просвіта» Івана Луценка, постійним лектором товариства, організатором наукових конференцій і доповідачем на них, влаштує вечірки з концертами, де звучить українська пісня. З-під пера Сергія Шелухіна виходить понад 60 наукових праць з історії України, в них піднімаються питання соціального, культурного, політичного розвитку українського народу.

В Одесі окрім «Просвіти» Шелухін бере активну участь в роботі одеського товариства історії та старожитностей, в наукових записках якого друкує ряд статей. Він був членом одеського юридичного і бібліографічного товариств.

В Одесу Сергій Павлович приїхав зрілим політиком, який розумів проблеми розвитку української нації. У вищезгаданій статті він писав:

«Багато знаю, бо був у осередку всього тодішнього українського руху – і політиків, або драгоманівців, і культурників, або старогромадянців»².

Ще зі студентських років, навчаючись в Київському університеті, молодий юнак був учасником небезпечної праці української інтелігенції та студентства Києва, повсякчасно очікуючих переслідувань та арештів лише за те, що вони не відцурались рідної мови, що намагались поширювати і прищеплювати повагу до української культури широкому загалу населення України.

Зв'язки Шелухіна з Іваном Франком, Михайлом Павликом – українськими громадськими та літературними діячами з Галичини, що зазнавала утиску від австро-угорської монархії, давали йому можливість ширше глянути на національне питання в умовах імперських держав. Сергію Шелухіну імпонувало, що національний рух серед українців Галичини, очолюваний І. Франком, не обмежувався вузьким провінційним хуторянством, а виходив за межі своєї вузькості на широкі горизонти національних проблем.

До часу приїзду до Одеси Шелухін був одним з послідовних борців за відродження української культури, української мови, він разом з іншими намагався примирити для спільної праці політиків і культурників, він мав чималий досвід конспіративної роботи. Переслідування поліцейських властей за просвіт-

ницьку українську ідею не зупиняли його. «Клопіт від жандармів я нажив з того часу, як став судовим слідчим. У мене був політичний трус за моє українство...»³, — згадував Шелухін у своїх спогадах.

Організувавши навколо себе однодумців — М. Вороного, І. Липу, І. Луценка, Сергій Шелухін повернувся до літературної діяльності:

«Після перерви я поновив свою працю в «Літ.-Наук. Віснику» в 1902 р. У мене в вересні, в Одесі, зібралися М. Вороний, І. Липа, І. Луценко. Обміркувавши справу, ми рішили зробити вчотирьох спробу пробитися з літературою через урядові скорпіони, використавши перед цензурою мої судові, а Луценкові лікарські й петербурзькі знайомства... З великими цензурними труднощами ми видали збірники «З-над хмар і долин» та «Багаття». Потім ми відкрили першу в Одесі українську книгарню, в якій першою продавщицею була віддана українству гречанка панна Наталя Христо, що стала дружиною Ніковського...»⁴

З ініціативи М. Вороного праця Сергія Шелухіна про Рудольфа Вірхова була надіслана Іванові Франкові, і той опублікував її в трьох книжках «Літературно-наукового вісника» за 1902 рік і конспіративно надіслав журналами до Одеси. Стаття називалася «Рудольф Вірхов, громадський діяч. З приводу його смерті».

Відкриваючи для широкого читача досі невідомі імена діячів українського відродження, хочеться особливо наголосити на широкий спектр їх зацікавлень, на глибину їх праць, на широту їх знань. Так, ми відкриваємо для себе Шелухіна не лише як видатного громадського діяча, але й як вченого, письменника, поета, перекладача з російської та інших мов. В бібліотеках Києва, Одеси, Львова сьогодні можна познайомитись з його працями з питань історії України, серед них книга «Україна» — репринт в дрогобицьким «Бескиді» з празького видання 1936 року.

В 1909 році вся прогресивна громадськість світу відзначала 100-літній ювілей М. В. Гоголя. Імператорський Новоросійський університет розробив широку програму святкування цього ювілею. Була вибрана комісія для розробки програми гоголівських свят, до якої увійшли 6 професорів. Серед багатьох пунктів ювілейних урочистостей був і такий: лекції професорів про творчість М. В. Гоголя.

В день народження Гоголя — 20 березня на урочистих зборах університету були заслухані доповіді про письменника, цілий цикл доповідей та виступів був заслуханий і 22 березня, на урочистому засіданні історико-філологічного товариства. Всі ці доповіді друкувались у вигляді окремого збірника⁵. В цей збірник увійшла велика праця С. П. Шелухіна «Гоголь и малорусское общество», в якій автор дав блискучу характеристику тогочасного суспільства, змалював історичне тло, на якому зростав талант Гоголя, висвітлив джерела, з яких черпав натхнення Гоголь. Ця стаття заслуговує на передрук для нинішнього читача.

Був відомий Сергій Шелухін українському і не тільки українському читачеві своїми поетичними творами. У своїх спогадах він писав:

«Коли став виходити «Літер.-Наук. Вісн.», то, списавшись з Іваном Франком, я послав йому свої вірші і він надрукував їх у різних книжках «Літер.-Наук. Вісн.» під псевдонімом Сергія Павленка»⁶.

Вірші Сергія Павловича друкувались не лише в «Літературно-науковому віснику» Львова, вони друкувались в періодиці багатьох міст — «Киевской старине», «Україні», «Громадській думці», «Одеском листке», «Зорі», «Раді», «Маяке» і в багатьох інших газетах, журналах, альманахах. Лише в «Літературно-науковому віснику», редактором якого був Іван Франко, впродовж 1898—1902 років було опубліковано 19 віршів Сергія Павленка. Друкував свої твори Сергій Шелухін в усіх одеських періодичних виданнях, що тоді виходили. В 1912 році в Одесі вийшла збірка віршів «Вінок Т. Шевченкові», яку упорядкував Михайло Комаров. До цієї збірки увійшов вірш Сергія Павленка «На вічну пам'ять Т. Шевченкові», написаний автором ще в 1889 році і в тому ж році надрукований в журналі «Зоря», в № 6 і 7. До цього вірша Шелухін повернувся в 1908 році, значно його переробив і опублікував в журналі «Рада» за 1908 рік, № 47. Михайло Комаров у своєму збірнику дав передрук з журналу «Рада».

У цьому ж збірнику «Вінок Т. Шевченкові» надрукований ще один вірш С. Шелухіна — «Пам'яті Т. Шевченка» (під псевдонімом Полтавець). У примітках до вірша М. Комаров сповіщає, що цей вірш був надісланий автором в редакцію журналу «Рідний край» до ювілейного шевченківського номера. Однак вірш прийшов з запізненням, коли журнал вже був надрукований, і

О. П. Косач (мати Лесі Українки) передала вірш Комарову, і той опублікував його в згаданому збірнику.

Іван Франко запропонував Сергію Шелухіну підібрати вірші до збірника, який би Франко опублікував у Львові. Сергій Павлович підготував матеріал, але події першої світової війни відмежували Галичину від Росії, і видання збірника не було здійснене. А весь архів Сергія Шелухіна зник в Києві у вирі громадянської війни.

Друкував свої твори Сергій Шелухін під численними псевдонімами, що давало йому можливість уникнути багатьох неприємностей від жандармської управи. Сьогодні досліджено 17 псевдонімів письменника⁷. Серед псевдонімів зустрічаємо такі як Полтавець, Просвітянин, Учитель, Чміль, Денезький, Крутій, Вертійович; кілька псевдонімів утворено з прізвища та імені (Ше-ин, С. Ше-хин, С. Ш-хин, С.).

Вірші Сергія Павленка (С. Шелухіна), як і вірші інших українських поетів кінця ХІХ – початку ХХ століття, пройняті любов'ю до України, в них оспівується неповторна природа рідного краю, рідної землі.

Вірші «Хмарами чорними небо застлало», «Захід весною у лузі», «Співа на калині гучний соловей», «Восени» сповнені глибокого ліризму і розуміння та відчуття природи.

Значна частина віршів – громадянська лірика, де чути вболівання за жебрацьку долю народу-трудівника, де звучать заклики до громадських діячів боротись за права простої людини. Публікація кількох віршів з творчої спадщини Сергія Павловича Шелухіна дасть можливість одеситам ознайомитись з творчістю письменника, життя якого тісно пов'язано з Одесою.

Примітки

¹ Літературно-науковий вісник. — Львів, 1926. — Річник XXV, книжка VII—VIII. — С. 275.

² Там же. — Стор. 260.

³ Там же. — Стор. 274.

⁴ Там же. — Стор. 276.

⁵ Сборник, изданный императорским Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя. — Одесса, 1909.

⁶ Болдирев О. Одеська громада. — Одеса, 1994. — Стор. 94.

⁷ Дей О. І. Словник українських псевдонімів. — К., 1969. — Стор. 551.

ВІРШІ

УБОГИЙ

Дощ холодний хлопотить,
Лист пожовклий шелестить,
Вітер виє в димарі,
Чорні хмари угорі...

Літо швидко пролетіло.
Холод. Мерзне схудле тіло;
Нічим печі прокурити,
Нічим діточок прикрити.

Вже два роки недорід:
Ні з чого зварить обід,
Де не кинешся — біда!
Скрізь убожество, нужда...

Обтоптав усі пороги —
Не знайшов ніде спромоги...
Де ж ти, де, моя надіє,
Що ще сонечко пригріє?!..

Дощ холодний хлопотить,
Лист пожовклий шелестить,
Вітер виє в димарі,
Чорні хмари угорі...

ДЕ ЩАСТЯ?

Косар в степу траву стинає,
Женці назублюють серпи,
Господар поле оглядає
І дума: скільки ж то з копи
Вмолоту буде на ціпи?

Дідок у пасіці старенький
Збирає молоді рої,
Йому «щастить» і він раденький;
Заходи виручить свої
І ниву сплатить у гаї.

Чабан глядить свої отари,
Настриг шерсти – ягнят надбав,
Будує три нові кошари,
Купив з млином глибокий став
І третій приробив постав.

Розумний ковалів хлопчина
Учився в батька майстерства,
Бо бачив: свіжа копійчина
І паляниця не черства
Є в батька завше з ремества.

Скінчивши вищий курс науки,
Міркують дідича сини
Про карти, про дівчат, про штуки,
Де б легше заслужить чини
Та брати гроші й ордени.

І так, для користі своєї,
Торгують, вчаться, сіють, жнуть...
Немає вищої ідеї:
Для себе тільки і живуть –
І щастям тільки це й зовуть!

Сліпі! Ви щастям те назвали,
Що тоне, і гние, й горить!
Ви щастя в тліні поховали
І стали гній з його творить...
Тим щастя в світі й не зорить.

То все матерія, а духу
Ніякого не найдеш там,
К добру і злу нема там руху,
Ніщо любить не скаже вам
І як допомогти братам.

Громадський діячу! Всі сили
В громадську справу понеси!
Не бійсь того, що до могили
В житті не діждешся краси,
Яку ти праці оддаси.

Для щастя людськості святого,
Для вічності працюєш ти!
Твій ідеал найкращий всього!
І всякому добро нести —
Немає вище красоти!

КОЛИ Б МЕНІ ГОЛОС!

Коли б мені голос великий та дужий,
Як хвиля в негоду на морі бува,
Як грім меж горами, як вихор невпинний,
Що й велетня дуба з корінням зрива;
Як буря південна, що хмари безкраї,
Важкі, олив'яні розвіює в мить,
І сонце в прозорій блакиті з'являє,
Щоб землю промінням його звеселить —
Я крикнув би дуже, страшенно, болюче,
Що й мертві б схопились, почув би ввесь світ
І крик мій, і біль мій, і лихо пекуче —
То був би вітчини моєї привіт!

Коли б мені голос і дужий, і ширший,
Що міг би луною зробитися він
Простого народу моєї вітчини —
Тоді б заспівав я виразно, як дзвін;

Тоді б показав я широкому світу,
Де є самоцвіти й величчя краса,
Де перли коштовні, алмази блискучі
І серце де чисте, як рання роса.
Тоді б розказав я, хто ворог вітчизні,
Щоб всі зрозуміли, де зла джерело,
Що нівечить, труїть життя до загуби,
Неначе гадюче, смертельне жало.
Тоді б заспівав я про кривди, зневагу,
Про зраду й надії на краще буття,
Побачили б люди замучену душу
І скривджене тяжко народне життя.

.....

О пісні огнисті, ідейні і мрійні!
Я вклав би в вас серце, всю душу, весь жар
І запал думок всіх надійних, високих,
Щоб в грудях братерських знявся пожар!

ПОЭТ

(«Мадригал» В. Жаботинского)

ВАЛЬВЕР (*презрительно*). Поэт?

СИРАНО. О, да, поэт. И для стихов своих я уж нашел предмет.

Э. Ростан «Сирано де Бержерак» (перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Соломон Михоэлс любил повторять фразу: «Талант — как деньги. Либо он есть, либо его нет».

Талант — это особое, загадочное устройство то ли мозга, то ли сердца, то ли того и другого вместе взятых. Люди привыкли называть талант «даром Божьим», высочайшим из подарков, который можно получить в день рождения. Владимир Жаботинский такой подарок получил. Известно, что одаренность бывает и благословением и проклятием ее носителя — в зависимости от обстоятельств. Проклятием и мукой дар становится тогда, когда нет возможности его реализовать. Тогда он сжигает изнутри, он рвет сердце. Жаботинский и умер от разрыва сердца. Да, конечно, он счастливо переступил роковой порог цифры «37» и покинул этот мир в солидных, по меркам творческих жизней, годах — в шестьдесят. Возраст, в котором уже почему-то считается приличным умирать. Правда, лишь поэтам. Политики, если их не убивают, живут, как правило, дольше.

Любопытно было бы провести статистический опрос на тему: «Кем для вас является Владимир Жаботинский?» Понятно, что ответы «не знаю», «известный цирковой артист, мастер поднимания тяжестей» отменяются сразу, — такой вопрос стоит задавать не невеждам. Ответы были бы разными, очень разными. Одни сказали бы — политический деятель, другие вымолвили бы — известный сионист. В зависимости от убеждений слова бы эти произносились с негодованием, равнодушием или гордостью. Возможны также варианты: один из основателей современного Израиля, создатель Еврейского легиона и «Бейтара». Идеолог и воплощение практического сионизма, ревизионист, фашист (и такое, между прочим, приходилось слышать). А еще — оратор, публицист, драматург, писатель... И редкий человек вымолвил бы: «поэт». А между тем именно он был бы прав, потому что такое определение вместило бы в себя все преды-

душие, за исключением, разумеется, «фашиста», отпущенного Жаботинскому презренными устами.

Суть любой личности раскрывается не сразу и не вдруг. Суть личности яркой, многоплановой, многогранной — тем более. Суть Жаботинского раскрывается постепенно. Как постепенно возвращалось наследие Владимира (Зеева) в родной город.

В начале 1990-х в одесских газетах пополоסקали его имя на предмет политической деятельности. Потом пришел черед романа «Пятеро». Книга появилась в израильском издании «Библиотека — Алия», затем была издана одесскими «Друком» и «Оптимумом». Чуть позднее приоритеты издательств выглядели так: в «Друке» вышел том стихов Бялика в переводах Жаботинского и в той же серии «Я — сын своей поры» — сборник стихов и переводов Владимира Евгеньевича. «Оптимум» выпустил «Самсона Назорея», а затем «Слово о полку». В Литературном музее, в стенах дворца князей Гагариных, прошла конференция, посвященная 120-летию со дня рождения и 60-летию со дня смерти знаменитого одессита. Там же была организована чудесная выставка, представляющая его одесский период жизни, в том самом зале, где когда-то состоялись первые публичные выступления молодого корреспондента, взявшего себе псевдонимом итальянское слово *Altalena* — «качели». В общем, на сегодняшний день Жаботинский если не во всех своих проявлениях, то в очень многих представлен в Одессе.

Пожалуй, наиболее сильное впечатление на всех, кто соприкоснулся с личностью Владимира Евгеньевича, произвел роман «Пятеро» — наверно, вторая после Пушкина по влюбленности, нежности и поэтичности «грамота на бессмертие», выданная городу. И, в общем, после высочайшей литературной, нравственной, поэтической планки, взятой Жаботинским в этом романе, ему трудно чем-нибудь поразить читателя, тем более читателя-одессита.

Не вызвал особого резонанса выход в свет «Самсона Назорея». А это ой какая неслабая книга, очень и очень притягательная, чреватая глубинными смыслами и неожиданными открытиями. К разговору о «Самсоне» мы, быть может, еще вернемся, если будет на то благорасположение звезд. А пока стоит сказать, что в безразличии читателей к этому роману можно усмо-

В. Е. Жаботинский. 1930-е годы

треть некоторое мистическое заклятие, тяготевшее над Жаботинским, особость, необычность его литературной судьбы. «Почти ни одна из моих книг не удостоилась переиздания», — пишет он в автобиографической «Повести моих дней».

Выход книги переводов стихов Хаима-Нахмана Бялика, труда, осуществленного Жаботинским, более имеет отношение к литературному наследию самого Бялика,

нежели Владимира Евгеньевича. «Некоторые утверждают, что число читателей Бялика на русском языке превышало число тех, кто читал его на древнееврейском. Если это правда, то благодаря Бялику, не мне...» — утверждает Владимир-Зеев в той же «Повести моих дней». Можно заранее пожалеть пожелавшего опспорить это утверждение!

По причине ли популярности романа «Пятеро», потому ли, что сборник переводов опередил книгу самостоятельной поэзии Жаботинского, только сборник «Я — сын своей поры» тоже не вызвал особого отклика. И тут речь идет не о сообщениях в одесских СМИ о презентации книги и о самой книге. А о другом — о той атмосфере, которую порождает появление необычного, неординарного, яркого произведения. На уровне бытового диалога: «Ты читал?» — «А ты читал?» — «Вот это да!» — «А вы до сих пор не прочли? Как же так, вы столько потеряли...»

Прочли сборник стихов Жаботинского (большую часть которого составляют, кстати, переводы), прочли и, что называется, «сверили часы». В таких случаях обычно цитируют Стругацких: «Какие погоды стоят? Предсказанные!». Тем самым говоря, что и сборник неплох (он просто не может быть плохим), и стихи хороши, но ничего такого, чтобы «ах!», чтобы выше «Пятерых». Что открытия в нем нет. Достоинно, профессионально, даже великолепно, но планка уже взята, а стихи не выше той планки. Кроме одного знаменательного момента: три человека одновременно назвали лучшим стихотворением сборника «Мадригал». Не рассуждая и не вдаваясь в подробности, почему именно «Мадригал». Зацепило, понравилось, впечатлило — вот и весь сказ.

Потом произошел еще один характерный эпизод: ученики киевской еврейской школы, которыми руководит Геня Шапир, чтобы представить творчество Жаботинского, выбрали именно это стихотворение. Да еще Иосиф Недава, самый крупный, самый маститый и достойный исследователь жизни и деятельности Жаботинского, в своей статье о нем цитирует строки из «Мадригала» — правда, в переводе с иврита: «Вся жизнь моя — цикл стихов, и в них царишь лишь ты одна». Как пишет Недава, «мадригал был сочинен в ее честь», то есть в честь Анны Гальпериной, жены Владимира Евгеньевича.

Что же получается? А то, что как минимум пятеро совершенно разных по возрасту, образованию, наконец, по литературным вкусам людей остановили свой выбор на одном-единственном стихотворении Жаботинского. Значит, что же? Значит, не таким уж «проходным» оказался сборник поэзии Владимира Евгеньевича, коль скоро есть там стихотворение, заставляющее так серьезно обратить на себя внимание.

Перечитайте «Мадригал» — или прочтите, коль скоро вы не успели прочесть его. Ах как много вы потеряли! Чего только не отыскать в шести строфах и тридцати трех строках этого стихотворения! Оно начинается словами упрека, обращенными к поэту:

«Стихи — другим, — вы мне сказали раз, —
А для меня и вдохновенье нemo?»
Но может быть, вся жизнь моя — поэма,
И каждый лист в ней говорит о вас.

Здесь — и обезоруживающий ответ на справедливый упрек, и ответный упрек: «но может быть, вся жизнь моя — поэма...» В этом «может быть» столько смысла! «А неужто вы и не заметили, вы и не поняли до сих пор, что жив лишь вами, что в своей судьбе ориентируюсь лишь на вас, что все остальное неважно...» (Поэту довольно и двух слов там, где простому смертному требуется целая тирада). «...И каждый лист в ней говорит о вас», — такой галантностью, ставящей женщину в центр мироздания, отличались мадригалы и стихи «в альбом» XIX века. Пусть и формальные, написанные по долгу человека из хорошего общества. Но подобное отношение к даме возникло много раньше. Оно было выпестовано куртуазной поэзией трубадуров, имевшей сильнейшее влияние на всю последующую европейскую поэзию. В России, кстати, помимо светских стихов «в альбом», оно нашло отражение в культе Прекрасной дамы, созданном Владимиром Соловьевым, Александром Блоком и другими символистами... Но то, что стало для других целым направлением в поэзии конца XIX и начала XX века, для Жаботинского — всего лишь выбранная форма выражения. (К слову: верно выбранная форма — как правило, залог верности содержания). В хрупкий сосуд изысканной, утонченной поэзии Жаботинский вливает всю свою бурную жизнь. И гениальность поэта в том, что стенки сосуда выдерживают этот сумасшедший напор:

Когда-нибудь, за миг до той зари,
 Когда Господь придет за мной коляску,
 И я на лбу почую Божью ласку,
 И зов в ушах: «Я жду тебя, умри» —
 Я сочиню за час до переправы
 Поэмы той последние октавы.

Здесь, как и в предыдущей строфе, — соединение несоединимого. И вся сложность отношения к Создателю, не только дарующему жизнь, но и отнимающему ее, и сознание неизбежности, и неприятие ее. Но при всей скорбности этой строфы, в ней присутствует литературная игра, которую иначе чем благодарностью за дарованную жизнь истолковать невозможно: «Поэмы той *последние* октавы».

«Первые октавы» — словесный штамп, трюизм. «Раздались первые октавы симфонии» (оратории, концерта, мелодии) —

сколько раз были написаны и произнесены эти слова. «Последние октавы» — так замечательно просто и оттого гениально мог сказать только поэт. Так, между прочим, чтобы ранить сердце читающего. Дальше, на первый взгляд, без изысков:

В ней будет много глав. Иной главы
Вам мрачными покажутся страницы.
Глухая ночь, без звезд — одни зарницы...
Но каждая зарница — это вы.

Между тем и этой строфе сочетание байронической мрачной романтики и куртуазной поэзии дает право быть почти целой хрестоматией. Ну а следующая строфа для тех, кто помнит главу из «Пятерых» «Исповедь на Ланжероне», носит совсем интимный характер:

И будет там страница — вся в сирени,
Вся в трепете предутренней травы.
В игре лучей с росой. Но свет, и тени,
И каждая росинка — это вы.

Ну а те, кто не читал помянутой главы, все равно почувствуют нерв весны и любви, дрожь крыльев в полете, протертые окна зари, переданные аллитерацией, настойчивым сочетанием согласных звуков: ТРепет ПРедуТРенней ТРавы...

Вслед за лирической передышкой следует анкета:

И будет там вся быль моих скитаний,
Все родины, все десять языков,
Шуршание знамен и женских тканей,
Блеск эполет и грязь тюремной рвани,
Народный блеск и гомон кабаков.
Мой псевдоним и жизнь моя — «Качели»...
Но не забудь, куда б ни залетели,
Качелей путь — вокруг одной черты,
И ось моих мечтаний — это ты.

Ах, как можно было бы расшифровать эту строфу, не отрываясь от текста «Повести моих дней»! Каждой строке нашлось бы десять подтверждений, свидетельствующих о том, что Владимир Евгеньевич ни на гран не кривит душой. Одесса, Вильнюс (Вильно), Рим, Берн, Стамбул, Берлин, Париж, Варшава, Иерусалим, сионистские конгрессы и эмигрантские журналы,

кишиневские газеты могут поклясться в том, что поэт говорит чистую правду. Тюрмы Одессы и Акко, приемные министров в Лондоне и поля сражений близ Умм-а-Шарта в Заиорданье не замедлят подтвердить правдивость его слов. Но какое восхитительное соблюдение заданной формы, какой совершенный второй план! Переход с «вы» на «ты», в котором зашифровано адресование читателя к Пушкину. К тем пушкинским, когда-то всем известным стихам, в которых «Пустое «вы» сердечным «ты» она, обмолвясь, заменила...» (Этот подтекст был замечен Еленой Богуславской — одной из немногих, которые на вопрос, кто такой Жаботинский, отвечают: поэт).

И закрыть ли глаза на псевдоним Жаботинского, избранный им по неведению, но определивший его судьбу? «Мой псевдоним и жизнь моя — «качели»... Молодой журналист, еще не слишком хорошо зная итальянский, предполагал, что слово, выбранное им для подписи статей, означает «рычаг». Оказалось — «качели». Об этом неожиданном для выбирающего выборе и о мистической роли его в судьбе Жаботинского, наверное, стоит написать целое исследование. Впрочем, для поэта Жаботинского это исследование опять вмещено в одну-единственную строку.

Последняя строфа «Мадригала» — повтор тем предыдущих строф, повтор игры, байроновской неприкаянности, непонятности, одиночества, куртуазности и предельной искренности, вины, попутно отмеченной отчетливыми метами XX века:

Да, много струн моя сменила скрипка.
 Играл на ней то звонко я, то хрипко —
 И гимн, и джаз играл у алтарей,
 И по дворам, и просто так, без толку...
 Но струны все мне свил Господь из шелку
 Твоих русалочьих кудрей.

Сочетание слов «гимн и джаз» станет возможным в русской литературе лишь многие десятилетия спустя, уже в поэзии 1860-х, а пуще того — в поэзии постмодерна конца двадцатого века и начала века двадцать первого. Жаботинский в «Мадригале» не только впитал всю сущность предшествовавшей ему поэзии, но и предвосхитил ее будущее.

Тут, наверное, можно опуститься до лютной банальности и сказать, что если бы ничего, кроме «Мадригала», Владимир Ев-

геньевич не написал бы в своей жизни, то и тогда вошел бы в ряд самых удивительных и значимых фигур столетия. Почувствуйте фальшь: стихотворение после опубликования его в Одессе было замечено очень немногими людьми. А с другой стороны, почувствуйте всю бессмертную непобедимость, бесконечную преемственность культуры. Мощь мировой поэзии, значимость слова и силы таланта.

Небольшое стихотворение Владимира (Зеева) Жаботинского «Мадригал» можно еще комментировать и комментировать, расшифровывать и расшифровывать. И можно было бы это сделать, опираясь на признания автора в любви к западноевропейской романтической поэзии, в нелюбви к русской прозе, в знании «половины стихов Пушкина наизусть». Но и без того ясно, что автор «Мадригала» обладал от рождения одним из самых высоких даров. Он был поэт.

ЧУДО В ПУСТЫНЕ

Одесские альманахи 1914—1917 годов

Литературная школа, зародившаяся в Одессе в середине 1910-х годов и прозванная южно-русской (я традиционно сохраняю тогдашнее написание этого термина), начиналась со стихотворчества, хотя позднее большинство ее представителей прославилось преимущественно прозаическими достижениями. Среди первых заметных симптомов новой школы — пять поэтических альманахов, изданных последовательно в течение 1914—1917 годов, объединенных рядом сходных признаков в некую единую серию.

Третьего марта 1914 года газета «Одесский листок» сообщила: «На этой неделе в Одессе выйдет из печати сборник стихов „Шелковые фонари“»¹, а десятого марта появилась первая рецензия. Таково

было начало. В книге представлено шесть авторов, все — студенты местного Новороссийского² университета, трех разных факультетов: четыре юриста, один историк, один медик. Старшему из них было 25, самому младшему — 20 лет. Лишь двое из них, С. Кесельман и Г. Цагарели, успели ранее как-то зарекомендовать себя в периодике. Современники сразу же окрестили молодых поэтов

«футуристами»³, хотя по нынешним понятиям их творчество было весьма далеко от футуризма. В лучшем случае, заметны влияния Бальмонта, Брюсова, Блока, Северянина.

Обложка альманаха «Шелковые фонари»

После долгих поисков, в 1974 году удалось познакомиться с единственным из оставшихся в живых авторов тех альманахов, Исидором Владимировичем Бобовичем. Он жил в Ташкенте, изредка летом навещал родной город, в беседах и письмах с удовольствием делился воспоминаниями об одесской литературной молодости, прислал машинопись своих мемуаров, оставшихся неопубликованными. Пользуясь его тогдашней любезностью, будем время от времени цитировать фрагменты этой обширной рукописи:

«Группа студентов Новороссийского университета <...> решила выпустить стихотворный альманах под претенциозным и по существу ничего не выражавшим названием „Шелковые фонари” <...>. Итак, шестеро юношей, сложившись, решили продемонстрировать миру плоды своего поэтического творчества <...>. Организатором выпуска в свет сборника и его редактором был Георгий Цагарели, имевший тесные связи с газетой „Южная мысль”, печатавшийся на ее страницах. Кстати сказать, эта газета всегда доброжелательно относилась к молодым поэтам нашей группы и довольно охотно уделяла место на своих страницах для их стихов. Итак, весной четырнадцатого года вышла в свет тоненькая книжка „Шелковые фонари” в количестве 300 экземпляров. В литературной жизни Одессы того времени это было в некоторой мере событием <...>. Книжка получила благоприятные отзывы в некоторых газетах <...>. Несмотря на это, альманах раскупался слабо и расходился главным образом с разного рода дарственными надписями и автографами участников <...>. В сборнике было много незрелого, подражательного, навеянного модным в то время символизмом <...>. Но были в сборнике и подлинно хорошие стихи <...> прекрасного, тонкого лирика Семена Кесельмана, стихи Ильи Дальгонина и Георгия Цагарели»⁴.

И. Бобович вспомнил, что его комната была в то время «как бы штаб-квартирой нашего небольшого кружка». Об этом свидетельствуют и надписи на задней обложке первых трех альманахов: «Склад издания: Одесса, ул. Жуковского, д. № 4, кв. 20» (домашний адрес семьи Бобовичей). В устной беседе автор

мемуаров смущенно добавил: «После выхода в свет альманаха „Шелковые фонари“ все его участники собрались в редакции газеты „Южная мысль“ и напились»⁵.

В одном из обстоятельных писем Бобович сообщил:

«Из реликвий того времени у меня сохранилась фотография, в которой были изображены Семен Кесельман, Георгий Цагарели, Яков Галицкий, Леопольд Канель и Ваш покорный слуга. Снимались мы в 1914 году после выхода в свет „Шелковых фонарей“. Эта фотография, по просьбе Л. И. Скорино, мною была передана ей <...>. У меня же хранится несколько увеличенная копия»⁶.

Слева направо: С. Кесельман, Л. Канель, Я. Гольденберг, И. Бобович и Г. Цагарели. Март 1914

К нашей радости, оригинал такой же фотографии нашелся в Одессе среди бумаг другого участника сборника, С. Кесельмана.

«Шелковые фонари» сразу же были замечены на фоне других местных изданий начинающих литераторов («Молодой жур-

нал», «Молодость», «Аккорды») с их нищенской полиграфией, случайным содержанием. Не стал заметным событием и альманах «Солнечный путь»⁷, собранный вскоре после «Шелковых фонарей» другой компанией поэтов во главе с Л. Баткисом и В. Овчаренко. Он отпечатан достаточно изящно, на хорошей бумаге, в художественной обложке, но отличается крайней эклектичностью, погоней за «знаменитостями» любых направлений: представлены 27 авторов – от столичных (К. Бальмонт, С. Городецкий, Г. Иванов, Н. Клюев) до молодых и старых одесских, в их числе и дилетантов. Г. Цагарели откликнулся на выход книги резко отрицательной рецензией⁸. Вскоре составители «Солнечного пути» рассорились, довели дело до третейского суда, обещанный второй номер так и не вышел.

Газета «Южная мысль» посвятила изданию «Шелковых фонарей» обширную снисходительно-благожелательную статью:

«Молодые одесские поэты, пьяные от хмельного задора, выпустили тоненький сборник своих стихов»; «Жизнь для молодых поэтов вся еще в „Городе“ <...> творчество их пока в прошлом»; «Футуризм еще не проник ни в чувства, ни в сознание авторов». Даны краткие оценки каждому из участников. К примеру, «Исидор Бобович <...> подражателен, но черпает из хороших образцов. Брюсов и Блок открыли ему глаза»; «Наименее претенциозен и зато свеж и ароматен в своих стихах Семен Кесельман»; «Есть много благородной простоты и непритязательности в несовершенной по форме, но искренней и чистой душе Георгия Цагарели <...> ценно его обращение к Игорю Северянину»⁹. Рецензент «Одесского листка» также поддержал начинание: «Шесть поэтов <...> чутко отражают современные поэтические веяния, и не только отражают известных поэтов, но и подражают им <...> выделил бы прежде всего Семена Кесельмана, поэта ясно чувствуемой индивидуальности и верных, думается, обещаний. Кое-что есть интересное у Якова Гольденберга и Георгия Цагарели»¹⁰.

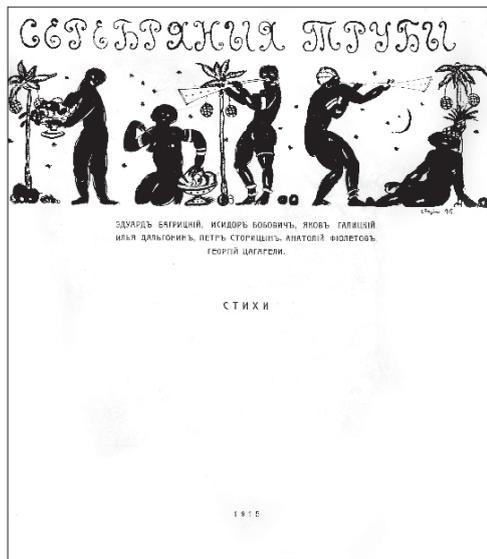

Следующий альманах, «Серебряные трубы», вышел из печати спустя год с небольшим. Самое первое сообщение — в газете от 6 апреля 1915-го: «Сборник на днях появится в продаже»¹¹. Затем, 11 апреля: «Вышла в свет и продается в лучших книжных магазинах книга Серебряные трубы»¹².

За прошедший год в одесской литературной жизни произошло важное событие. В мае 1914-го известный критик Петр Пильский попытался объединить молодых поэтов, до того почти не знавших друг друга, под эгидой Литературно-художественного клуба¹³. Успешно прошли два публичных вечера, дружелюбно встреченные прессой: «Главная заслуга вечера в том, что он показал публике двух молодых, еще нигде не печатавшихся, но безусловно имеющих право на внимание поэтов — гг. Багрицкого и Фиолетова»¹⁴. Это было первое публичное выступление начинающего Багрицкого и первое печатное упоминание тако-

го псевдонима. В дальнейшем оба поэта стали непременными участниками всех последующих альманахов. Многообещающее начинание оборвала разразившаяся мировая война. Пильский ушел в действующую армию.

Томик «Серебряных труб» оказался вдвое толще, чем «Шелковые фонари», обложку украшал рисунок молодого художника

Обложка альманаха «Серебряные трубы»

Сторицын приехал в город в конце 1914-го, и стихи в «Серебряных трубах» стали его дебютом в Одессе. Все новички уже не имели отношения к университету.

Газета «Южная мысль», хвалившая в прошлом году «Шелковые фонари», откликнулась на выход из печати нового альманаха крайне отрицательно, с издевкой. Положительно были оценены только стихи Цагарели и Бориса (!) Бобовича – старшего брата спутали с младшим, не имевшим отношения к книге¹⁵. Короткий нейтральный отзыв промелькнул в журнале «Южный музыкальный вестник»¹⁶. К маю «Серебряные трубы» оказались в Петрограде и были отмечены обстоятельной рецензией, скорее отрицательной, нежели положительной. Упомянуты стихи

Сандро Фазини, ученика местного художественного училища. В сборник вошли стихи семи поэтов. Четверо из них уже фигурировали в «Шелковых фонарях», но Я. Гольденберг на этот раз спрятался под псевдонимом «Галицкий». Выпали из компании Кесельман и Канель, вместо них возникло трое новых: Багрицкий и Фиолетов получили некоторую известность после поэтических вечеров 1914 года, а Петр

каждого автора, отмечены удачи, а также «выкрутасы» и «выверты», больше всего досталось Фиолетову. Статья завершилась так: «Г. Цагарели менее других вычурен, его поэзия искренняя, но образности в ней меньше, чем у его товарищей гг. Багрицкого и Фиолетова, которые несомненно одарены более других»¹⁷.

По ряду признаков, ключевой фигурой в компании издателей альманахов стал, начиная с «Серебряных труб», Сторицын. Об этом писали многие, подробнее других И. Бобович:

«Петр Сторицын — это литературный псевдоним Петра Ильича Когана <...>. Финансировал издание четырех последних альманахов Петр Сторицын. Всеми же вопросами редактирования и выпуска в свет всех пяти сборников занимался Георгий Цагарели»¹⁸; «Мне известно, что Петр Ильич Сторицын, по образованию химик, уроженец г. Елисаветграда (ныне Кировоград), учился в Германии <...> в период моих с ним встреч ему было лет 30–33 <...> Он был остроумен, словоохотлив, всегда в обществе молодых поэтов»¹⁹; «Кажется, я последний из оставшихся в живых участников наших альманахов»²⁰; «Наша группа поэтов не была по существу оформленным кружком, не носила никакого названия. Встречались мы в большинстве случаев на Дерибасовской ул., в кафе Робина (на Екатер. ул.) или в ресторане Брунса (в доме Вагнера, выходившем на 3 улицы — Дерибасовскую, Екатерининскую и Ланжероновскую). Об этих встречах Сторицын писал:

В костюмы рыжие одеты,
За рюмкой желтого вина
Сидели смуглые поэты
За столиком у Робина.

<...> Петр Сторицын, очень неглупый и своеобразный человек, одержимый жаждой литературной славы»²¹.

Приведенный отрывок — четвертая строфа из стихотворения Сторицына «Мертвая петля», опубликованного в следующем альманахе, «Авто в облаках». В пятой строфе упоминались «Серебряные трубы»:

Мы знали все — нас встретят грубо.
Но все ж, сметая с лиц сплин,

Поют „Серебряные трубы”
За палевым стеклом витрин...²²

Обратим внимание: И. Бобович постоянно ведет речь о «всех пяти сборниках», начиная с «Шелковых фонарей», неоднократно повторяет «наши альманахи», «наша группа поэтов», хотя на протяжении четырех лет состав авторов менялся. И лишь двое из них, И. Бобович и Г. Цагарели, сохранили участие во всех пяти книгах.

Возникло недоумение, почему в «Серебряных трубах» не оказалось, как и в последующих альманахах, стихов Кесельмана? На этот вопрос И. Бобович ответил: «Я не помню причин отсутствия стихов С. Кесельмана в некоторых наших сборниках. Кажется, у него были какие-то неурядицы с Цагарели, который вообще играл основную, доминирующую роль в формировании материалов и издании наших альманахов»²³.

В домашнем архиве Кесельмана среди многочисленных его рукописей и рисунков (а был он и карикатуристом) сохранился лист под названием «Оловянные дудки». Само название наталкивает на прямую связь с «Серебряными трубами». На листе пять шаржированных портретов с подтекстовками, великолепный документ того времени. Приведем тексты полностью:

«Оловянные дудки». Иллюстрированное издание для потомства.

Инициатор сборника **Г. К. Цагарели**, и его увенчивает муза, а сбоку два кинжала и папаха.

Главный поэт сборника **Эдуард Багрицкий** (Дзюбин). Пишущий под псевдонимами: 1) Н. Гумилев, 2) Теофил Гюте, 3) Леконт де Лиль, 4) Бодлер, 5) Там видно будет. Справа — обложка будущей книги стихов поэта. [*Надпись на обложке*]: Фруктовые воды фабрики Дувардж [оглу].

Известный поэт **Исидор Бобович**, отличающийся необыкновенной прочностью придумываемых им образов. С правой стороны — евонная Лаура — Розина (Б. Арнаутская, 46).

Поэт «**Я. Гольденберг**» (**Яго**). «...И при содействии поэтов / Рождает Яго скверный звук». Годен для употребления. Негоден для чтения.

Шарж С. Кесельмана «Оловянные дудки»

Поэт Коган, субсидирующий предприятие, страдающий размягчением мозга на почве русской литературы и онанизма. Сверху — лавровишневый венок.

[*Рисунок еще одной обложки*]: Издание т-ва «Русские поэты». Одесса. Per aspera ad astra.²⁴

Поразительно, насколько лаконичные характеристики Кесельмана перекликаются с информацией из других источников. Цагарели — «инициатор» книги, Коган (то есть Сторицын) «субсидирует» издание. «Яго» — один из самых популярных псевдонимов сатирика Якова Гольденберга (Я...Го). А какая пронзительная оценка начинающего Багрицкого, когда рядом с его только-только придуманным псевдонимом еще следовало указывать подлинную фамилию, — «Главный поэт сборника!» И рядом — перечень его великих учителей, от Гумилева до Бодлера.

Некая «Розина»? На вопрос о ней в письме к самому И. Бобовичу тот уклонился от ответа, лишь опровергнув адрес: «Что же касается адреса Б. Арнаутская 46, то этот адрес мне неизвестен, ни я, ни „Лаура“ по этому адресу никогда не проживали»²⁵. Младший же брат Исидора, Борис Бобович, уверенно заявил в беседе: «Розина — первая жена брата»²⁶. Расшифровке помогла запись в архиве Одесского раввината. 23 августа 1915 года, спустя четыре месяца после издания «Серебряных труб», был зарегистрирован брак: «Студент Императорского новороссийского университета Исидор Вольфович Бобович (он же Бобович), холост, с дочерью турецко-подданного, девицей Росей Абрамовной Герцблут»²⁷. Накануне свадьбы жених должен был испросить разрешения у ректора университета, приложив нотариально заверенные согласия родителей, где указан, в частности, адрес невесты: «Гаванная улица, дом № 6»²⁸. В «Серебряных трубах» стихотворение И. Бобовича «Человек» имеет посвящение: «Р. Г. ». Становится очевидным, что оно относится к невесте, Росе = Розине Герцблут.

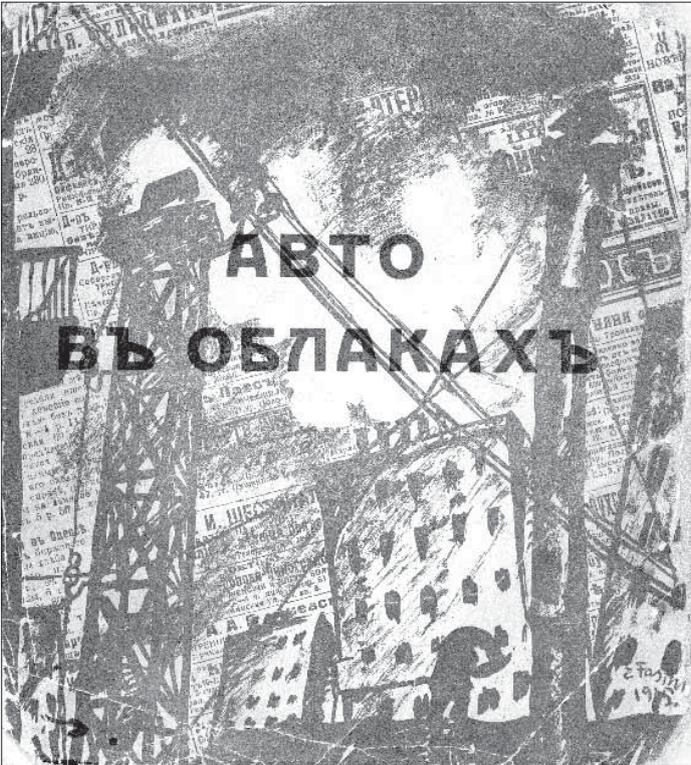
Все эти милые подробности, вроде бы лишние, позволяют прочувствовать дружеские взаимоотношения, господствовавшие в той молодой компании. Самая резкая характеристика «поэта Когана» в шарже Кесельмана наталкивает на мысль, что «неурядицы» могли возникнуть у Кесельмана не с Цагарели, как думал И. Бобович, а с пришедшим со стороны Коганом-Сторицыным, ассигновавшим деньги на издание.

Стихи «Серебряных труб», как ранее «Шелковых фонарей», еще полны отзвуков творчества столичных корифеев символизма да Северянина. И рисунок Фазини на обложке еще далек от его последующего «кубизма». Характерна дарственная надпись (почерком Цагарели?) на экземпляре «Серебряных труб», посланном Брюсову тотчас же по выходе книги из печати: «Учителю Валерию Яковлевичу г. Брюсову от учеников. Одесса. 8. IV. 1915»²⁹. «От учеников»! Совсем иным оказался следующий альманах...

Осенью того же 1915 года появился в продаже новый сборник. 27 сентября на первой странице «Южной мысли» бросалось в глаза объявление: «Вышла в свет и продается в лучших

Обложка альманаха «Авто в облаках»

Вильгельм II.

скрупулезно перечислялись фамилии всех участников. «Склад издания» — домашний адрес И. Бобовича. Как видим, книги расходились не очень интенсивно, ведь «Шелковые фонари» вышли из печати полтора года тому назад, но еще не были реализованы. Отметим, что подобные объявления, с разными вариациями и подробностями, регулярно появлялись в одесской прессе вплоть до лета 1917-го.

В альманахе «Авто в облаках» представлены восемь поэтов, но фактически их было только семь реально существующих: некая «Нина

книжных магазинах книга АВТО В ОБЛАКАХ. Цена 1 рубль. Стихи <...> [перечислены все авторы] <...>. Рисунки и обложка работы С. Фазини. Продаются в лучших книжных магазинах: Шелковые фонари <...>, Серебряные трубы <...>. Печатается и в скором времени выйдет: Смутная алчба <...>. Готовится к печати Седьмое покрывало <...>. Склад издания: Одесса, ул. Жуковского, 4, кв. 20»³⁰. Через два дня аналогичная реклама была помещена в «Одесском листке»³¹. В объявлении после названия каждого сборника

П. М. Камышников.

Воскресенская», как оказалось, была плодом воображения Багрицкого³². Из зачинателей «Шелковых фонарей» в этой третьей книжке остались только двое: И. Бобович и Цагарели. Багрицкий, Сторицын и Фиолетов стали уже известны читателям по «Серебряным трубам». Впервые возникли фамилии двух столичных авторов, С. Третьякова и В. Шершеневича. Издание украсил художник Сандро Фазини: рисунок обложки и пять иллюстраций в тексте на отдельных листах.

Создается впечатление, что книга задумывалась нарочито «футуристической», эпатирующей обывателя. На это работала и урбанистическая обложка художника Фазини, и его же «портреты» с элементами кубизма, и большинство текстов Багрицкого (в их числе программный «Гимн Маяковскому»), и стихи мифической Нины Воскресенской, и присутствие двух «настоящих» столичных футуристов. Но рядом мирно сосуществовали стихи Бобовича, Фиолетова, Цагарели, «Суворов» Багрицкого, такие далекие от подлинного футуризма.

Как известно, в январе 1914 года в Одессе гастролировала группа футуристов (Д. Бурлюк, В. Каменский, В. Маяковский). Прошло несколько шумных вечеров, которые вел П. Пильский, а большинство местных поэтов присутствовало в числе зрителей. Пресса была переполнена репортажами, фельетонами, карикатурами. И. Бобович вспоминал достаточно критично:

«В январе того же 1914 года Одессу посетил В. Маяковский в сопровождении футуристов Д. Бурлюка и В. Хлебникова. Я присутствовал на втором выступлении

Жаннета Рабс.

Иллюстрации С. Фазини
к «Авто в облаках»

<...> Маяковский выступал в малинового цвета атласном смокинге (не в желтой кофте, как писали о нем), с зарисованным лицом. Откровенно говоря, и выступления этой футуристской группы, не имевшие ничего общего с поэзией, и весь этот скоморошный антураж, по существу напоминавший ярмарочный балаган, произвели на меня самое дурное впечатление. Да и публика, среди которой преобладала студенческая молодежь, не проявляла особых восторгов»³³.

Исправим ошибку памяти мемуариста: выступал, в числе других, не Хлебников, но Василий Каменский³⁴. Любопытно, как встречи с футуристами отразились на творчестве иных одесских поэтов лишь через полтора года, о чем свидетельствует «Авто в облаках».

До наших дней остается загадкой, какими путями оказались в «Авто в облаках» и последующих альманахах стихи С. Третьякова и В. Шершеневича. В Одессе эти столичные поэты, по всей видимости, никогда не бывали, не прослеживается никаких контактов их с одесскими литераторами. И. Бобович не сумел ничего вспомнить: «Я не могу ответить на вопрос о том, как попали в наши сборники стихи С. Третьякова, В. Шершеневича и В. Маяковского. Я лично никогда не принадлежал к числу поклонников Маяковского. Причина появления в наших сборниках стихов этих авторов мне неизвестна»³⁵. Вернемся к этой теме несколько позднее.

Отклики одесской периодики на издание «Авто в облаках» были сплошь отрицательными, с вульгарной издевкой, вряд ли имеет смысл их цитировать. Характерно одно из названий — «Бурлючата в облаках»³⁶.

Графь Роникер.

Чаще других упражнялись в остроумии по поводу стихов Сторицына и Нины Воскресенской, рисунков Фазини. Летом 1916 года под рекламу книги отвели целую страницу в журнале «Театр и кино»: даны цитаты из четырех одесских и тринадцати иногородних рецензий. Оказывается, сборник читали и в столицах, и в Саратове, Тифлисе, Полтаве... Московский отзыв оказался сдержаннее и серьезнее:

«...нам казалось, что футуризм устарел <...>. Но футуристические сборники не перестают выходить; правда, их теперь больше выходит в Одессе, чем в Москве, но со взглядами провинции необходимо считаться. Тем более, что в сборнике много не только отдельных очень удачных строчек, но и хороших стихотворений <...>. Пожелаем только молодым поэтам побольше самостоятельности. Долой этих „академиков“, Игоря Северянина и Маяковского!»³⁷

Иза Кремерь.

Иллюстрации С. Фазини к «Авто в облаках»

В упоминавшемся ранее извещении о рождении «Авто в облаках», от сентября 1915-го, было добавлено: «Печатается и в скором времени выйдет: Смутная алчба. Стихи. Э. Багрицкий, И. Бобович, П. Сторицын, С. Третьяков, А. Фиолетов, Г. Цагарели, В. Шершеневич. Готовится к печати Седьмое покрывало». Авторы будущего сборника перечислены те же, что и в «Авто в облаках», за исключением Нины Воскресенской. Аналогич-

ная информация промелькнула еще несколько раз и заглохла, затем в журнале «Театр и кино», уже в январе 1916-го, появилась одна репродукция, «кубистический» портрет, с подтекстовкой: «Петр Сторицын. (Рис. Фазини). Из книги „Смутная алчба“»³⁸. Никаких других упоминаний о таком сборнике не приходилось встречать, издание нигде не зарегистрировано и, безусловно, не состоялось. А вот суждение И. Бобовича: «Объявление „о выходе из печати“ сборников „Смутная алчба“ и „Аметистовые зори“ носило, очевидно, рекламный характер с оттенком некоторой мистификации. Во всяком случае, эти сборники не вышли в свет»³⁹. Следующим реально существующим альманахом оказалось «Седьмое покрывало».

Портрет П. Сторицына работы С. Фазини. Журнал «Театр и кино»

Шестого августа 1916 года в журнале «Театр и кино» поместили объявление: «Вышла в свет и продается в лучших книжных магазинах книга СЕДЬМОЕ ПОКРЫВАЛО. Стихи и рисунки <...>. Готовится к печати книга Аметистовые зори <...>. Склад издания: Книжный магазин „Эмиля Берндта“, Одесса, Дерибасовская д. № 16», а на другой странице того же номера оказалась репродукция: «Одесские футуристы. Рис. С. Фазини. „Жаннета с голубой собачкой“. Из книги „Седьмое покрывало“»⁴⁰. Текст объявления повторял, в основном, рекламу с задней обложки сборника, за исключением адреса, который в книге выглядел так: «Склад издания: Одесса, Херсонская 64, кв. 8. Петр Сторицын». Как видим, домашний адрес Бобовича из предыдущих альманахов сменился адресом Сторицына, который все настойчи-

вее брал в свои руки бразды правления. Объявление было повторено и в последующем номере журнала, с другой репродукцией: «Одесские футуристы. Рис. худ. Фазини. „Жаннета в будуаре”. Из книги „Седьмое покрывало”»⁴¹.

Коллектив предыдущего альманаха полностью сохранился в «Седьмом покрывале», но без мифической «Нины Воскресенской». Появился впервые новый участник, Александр Горностаев, присутствие которого кажется весьма странным, круг тем

Обложка альманаха «Седьмое покрывало»

его поэзии далек от творческих устремлений остальных членов содружества. Багрицкий на этот раз отказался от экспериментов с футуризмом и вернулся к прежней манере, столь милой читателям. И. Бобович дал лишь одно стихотворение: он заканчивал университет и постепенно отходил от литературной среды. Не до поэзии было и Цагарели, одному из ключевых деятелей альманахов (всего три текста). Как раз в июле 1916-го он отправился, как писали в прессе, «на театр военных действий». Отметим одно из стихотворений П. Сторицына, «Авиатору», отразившее горестную судьбу и недавнюю смерть в Петрограде популярнейшего одесского спортсмена Сергея Уточкина (умер в январе 1916-го).

Заметно набирал силу А. Фиолетов, освобождался постепенно от чужих влияний. В частности, в «Седьмом покрывале» появилось впервые его знаменитое четверостишие, ставшее хрестоматийным:

О, сколько самообладания
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования!

Маленький шедевр запечатлелся в памяти многих современников, его постоянно цитировали в письмах и мемуарах, зачастую с искажениями, не имея под руками текста, как запомнилось с тех давних времен. Находим его в «Окаянных днях» Ив. Бунина⁴², в парижской книге Н. Оцуца «Современники»⁴³, в письмах Т. Бабаджан (сестры поэта В. Бабаджана) из Москвы⁴⁴ и художника Ф. Гозиасона из Парижа⁴⁵. Особенно впечатляет письмо писателя Сергея Бондарина, отправленное В. Шкловскому в 1952 году из сибирской ссылки, после восьми лет тюрьмы и лагерей: «Я помню еще то время, когда <...> по Одесскому бульвару <...> плелись толпой поэты „Зеленой лампы“ – <...> вскоре убитый ворами Анатолий Фиолетов, привлечший сердце четверостишием „О сколько самообладания“ <...> О сих славных я знал только понаслышке, засматривался только со стороны»⁴⁶. А выхваченная из стихотворения строка «лошади простого звания» превратилась в крылатое выражение, встретилась, к примеру, в дневнике К. Чуковского⁴⁷, воспоминаниях В. Катаняна⁴⁸. Этот ряд можно продолжить...

На одной из четырех репродукций с рисунков художника С. Фазини четко видна дата: «1914», а другая имеет подзаголовок «Женщина 1914 года». Все четыре объединяются в своего рода цикл, посвященный «Жаннете». По стилю, тяготеющему к примитивизму, они резко отличны от более поздних «портретов», помещенных в 1915 году в «Авто в облаках», с элементами кубизма. Фазини был тогда, вплоть до эмиграции, одним из самых интересных одесских мастеров левого крыла, но из его работ сохранилось здесь ничтожно мало. Обложки и девять иллюстраций в двух альманахах — существенная часть одесского наследия художника.

Среди нескольких газетных и журнальных откликов на «Седьмое покрывало» нельзя пройти мимо огромной рецензии в «Одесском листке» за подписью Марка Слонима, тогда молодого, но уже популярного в Одессе лектора и критика, а позднее, в эмиграции, — известного публициста и политического деятеля⁴⁹. Приведем несколько самых характерных высказываний Слонима:

«И критика — местная и иногородняя — и публика встретили, в общем, предыдущие сборники недружелюбно <...> молодых одесских поэтов почему-то причислили к футуристам <...>. Это, конечно, явная ошибка. Я не нахожу ничего футуристического ни у Багрицкого, ни у Фиолетова, ни у Сторицына <...> пишут они стихи так же, как и десятки других средних поэтов <...>. Напрасно также делают им совершенно незаслуженную честь, возводя их в степень целой литературной группы. <...> в сборниках одесских поэтов нет внутреннего единства, нет той общей тенденции или особой „манеры” <...>. Бессильные сказать новое слово и неспособные даже на поэтическую дерзость, одесские поэты на амплуа „дерзающих” вынуждены пригласить московских поэтов: Третьякова и Шершеневича <...>. Больше других мне понравились небольшие стихотворения Эд. Багрицкого. У него замечается работа над стихом, стремление к сжатости, четкому рисунку и лаконической глубине. Несомненная талантливость соединяется у него с тем, что называют „культурой стиха”. Багрицкий еще далеко не определился, и несамостоятельность его вскрыть тотчас очень легко. Его „О кофе сла-

«Жаннета». («Женщина 1914 года.»)

Иллюстрации С. Фазини
к «Седьмому покрывалу»

«Буквар».

«Жаннета перед зеркалом.»

«Жаннета с голубой собачкой.»

достный” и „Бог шашечной игры” показывают влияние Мандельштама (“спортивные” стихи). Сильно напоминает Бунина первое стихотворение „О, полдень, ты идешь <...>” [*приведено восемь строк*]. Стих Багрицкого однообразен в размерах, и очень часто у него зародыши, задатки, а не достижения. Но важно, что зародыши есть, что можно ожидать развития поэтического дарования <...>. Довольно определенную физиономию имеет Ан. Фиолетов, явно стремящийся к „стилизации” в духе примитивов <...>. Удачнее всего — „Художник и лошадь”. Менее хороши <...> стихи о лошадях, в роде: „О, сколько самообладания <...>” [*приведено все четверостишие*] <...>. У Фиолетова есть своя „манера”; это уже некоторое достоинство <...>. Насколько простым хочет быть Фиолетов, настолько запутан и сложен Горностаев [*много о нем, отрицательно*] <...>. Мало удачны стихотворения П. Сторицына. Они — невыразительны, нет в них внутренней необходимости слов и образов <...>. Говорить об И. Бобовиче и Г. Цагарели не приходится. Стихотворение первого попросту скверно, безвкусно <...>. Читая пошлую подделку под экзотику Г. Цагарели <...>. Его поэтическая патока — нечто среднее между альбомным стишком и цыганским романсом <...>. Самое ценное в „Седьмом покрывале”, что трое из его участников, Багрицкий, Фиолетов и Горностаев, обладают некоторым талантом. Но даже и они — еще не определились⁵⁰.

Статья Слонима оказалась, как видится сегодня, самой обстоятельной и самой проницательной среди всего, что было написано о каждом из альманахов. Прочие рецензии, появлявшиеся в печати, читать после нее просто неинтересно. Хотя и у Слонима проскальзывают некоторые нотки личных симпатий или антипатий к отдельным участникам, многие его положения и выводы не вызывают возражений и сегодня, спустя восемьдесят восемь лет со дня публикации. Более того, их можно экстраполировать на все пять книг, от «Шелковых фонарей» до «Чуда в пустыне».

Упомянутая ранее реклама «Седьмого покрывала» от 6 августа 1916 года гласила: «Готовится к печати книга: Аметистовые зори. Стихи Эдуарда Багрицкого, Исидора Бобовича, Алек-

В качестве заголовка рекламы использовано название популярного стихотворения Маяковского, написанного еще в октябре 1913 года, опубликованного в сборнике «Футуристы. Рыкающий Парнас» (Пг., 1914). В следующем, новогоднем номере журнала последовало своеобразное продолжение рекламы, в той же манере, под названием: «Краткая характеристика Владимира Маяковского, приглашенного в нашу книгу „Чудо в пустыне“»⁵⁴ (см. илл. на стр. 189). Ни первый, ни второй тексты не подписаны. Напрашивается вопрос, кто же это «мы», которые побывали в Петрограде в конце 1916 года, успешно общались с Маяковским и даже:

<...> В гостинице «Франция», что на Морской помещается,
Мы с ним пили коньяк и обедали <...>?

Косвенный ответ находим в последующих номерах «Театра и кино» с несколькими стихотворениями П. Сторицына. В одном из них, «Дорожное», поэт делится впечатлениями от путешествия в вагоне поезда через всю Россию на север⁵⁵. Другое, «Акростих-рондель», посвящено артистке петроградского Александринского театра Е. Тиме⁵⁶. Главный же аргумент – рифмованная «поэзо-рецензия»: «Премьера в Александринском театре <...>», где в конце у подписи «Петр Сторицын» дана ремарка: «В вагоне из Петрограда в Одессу»⁵⁷. Оказывается, это Сторицын, издатель «Чуда в пустыне», побывал в Петрограде и привез для альманаха рукопись Маяковского⁵⁸.

Теперь появились основания для предположения, что именно Сторицын, начиная еще с 1915 года, включал в альманахи «Авто в облаках» и «Седьмое покрывало» тексты столичных футуристов Третьякова и Шершеневича, вопреки вкусам Цагарели и других одесских поэтов, как бы разворачивая сборники в сторону футуризма.

Издание обещанной книги задерживалось, лишь в конце марта 1917-го газета известила, что «На днях выходит в свет книга Чудо в пустыне. Стихи»⁵⁹, а еще через месяц, 23 апреля, «Вышел в свет и поступил в продажу сборник стихов Чудо в пустыне <...> Готовится к печати книга „Аметистовые зори“»⁶⁰. Альманах появился уже после Февральской революции, без пометки о разрешении военной цензуры, без указания тиража. Как ни странно, книга осталась неизвестной составите-

Обложка альманаха «Чудо в пустыне»

Сравнительный анализ всех книг, перечисленных на обложке, показал, что ни один из пяти одесских авторов не дал в «Чудо...» ни одного нового стихотворения, все 38 текстов заимствованы из предыдущих сборников: один из «Шелковых фонарей», шесть из «Серебряных труб», остальные из «Авто в облаках» и «Седьмого покрывала». Нечто новое находим только у иногородних поэтов: одно стихотворение Маяковского, три Третьякова (и семь повторных), семь Шершеневича (и одно из старых). Не оказалось в сборнике рисунков Фазини, только обложка. В двух текстах Сторицына, перепечатанных из «Седьмого покрывала», восстановлены слова, снятые в свое время цен-

зурой: в «Пляске Саломеи» — «...голову *Иоканаана*», в «Памятнике Ришелье» — «...*державною* рукою», вместо цензурных многоточий в первой публикации. Сокращены также четыре строчки из «Александру Горностаеву» того же Сторицына.

«Изыюминка» альманаха «Чудо в пустыне», хотя и не имеющая связи с южно-русской литературной школой, — публикация четвертой части поэмы В. Маяковского «Война и мир». Как известно, поэма создана в 1915–1916 годах, впервые напечатана полностью отдельной книгой в Петрограде в конце 1917-го. До того в периодике появлялись четыре отдельных фрагмента: Пролог — в столичном журнале «Летопись» (Петроград, 1917, № 7–8, июль — август), третья часть — в газете «Новая жизнь» (Петроград, 1917, № 100, 13 августа), четвертая часть — в одесском альманахе «Чудо в пустыне», пятая часть — в журнале «Летопись» (Петроград, 1917, № 2, 3, 4, февраль, март и апрель)⁶². Одесское издание четвертой части имеет, по сравнению с каноническим текстом, шесть разночтений, пропущено примерно пятнадцать строк⁶³.

Задаемся вопросом, какой же из этих публикаций принадлежит приоритет во времени (то ли четвертой части поэмы в одесском «Чуде...», то ли пятой части в петроградской «Летописи», № 2, 3 и 4 за февраль — апрель)? Для одесского альманаха существует точная дата — 23 апреля 1917 года появилось газетное объявление: «Вышел в свет и поступил в продажу сборник стихов Чудо в пустыне»⁶⁴. Для петроградского журнала аналогичная определенность отсутствует. Номер «Летописи» открывался обращением «От редакции»: «Февральская революция задержала выход в свет последней подцензурной книжки „Летописи“. Последовавшая затем типографская неурядица не позволила нам своевременно выпустить мартовский и апрельский №№. И только теперь, через 2¹/₂ месяца после победы революционного народа, получаем мы возможность возобновить наши ежемесячные беседы с читателем»⁶⁵. Нетрудно подсчитать: два с половиной месяца после 23 февраля (старого стиля) приходится на середину мая 1917 года. Следовательно, приоритет безусловно принадлежит одесскому «Чуду в пустыне»!

Естественно, странное содержимое последнего альманаха вызывает недоумение у историков. Зачем понадобилось повторять известные, недавно опубликованные стихи, в нарушение

неписанных обычаев того времени? Неужели ни у одного из местных постоянных авторов не нашлось ничего нового? Почему допущена такая эклектическая смесь из традиционно романтических произведений одесситов и самых левых новаций Маяковского? Прямых документированных ответов в нашем распоряжении нет. Не нашлось их и в мемуарах И. Бобовича — все произошло как бы без его участия. Остается лишь строить догадки...

Как отмечалось ранее, Цагарели, один из составителей предыдущих сборников, в июле 1916-го отправился в действующую армию, в формировании «Чуда...» не мог принять участия. И. Бобович, судя по материалам его личного дела в архиве Новороссийского университета, только-только закончил курс восьми семестров и должен был готовиться к выпускным экзаменам.

Многие студенты и преподаватели юридического факультета университета были после Февральской революции привлечены к работе в уголовном розыске взамен дискредитированных полицейских чинов предыдущего режима. Хорошо известно, что среди них был поэт Фиолетов. Из недавно опубликованных в Одессе воспоминаний другого начинающего поэта, впоследствии эмигранта, Перикла Ставропуло выяснилось, что к друзьям-студентам присоединился и Багрицкий: «В то время я состоял приставом Бульварного участка (самого главного). Собственно, я был студентом <...> но так полагалось по революции <...> Под началом у меня были в качестве надзирателей, что ли, лихой поэт Эдя Багрицкий, а также „вождь предутренних рассветов“, тоже поэт, с тоненькой на кадыке шеей, Анатолий Фиолетов <...> При этом же мой комиссар — он же мой профессор уголовного права Немировский»⁶⁶. Все это косвенно подтверждается строками известной поэмы Багрицкого «Февраль». Кстати, в самой полной библиографии творчества Багрицкого не зарегистрировано ни одной его публикации за 1917 год, за исключением прошлогодних стихов в «Чуде...»⁶⁷ и «Эклоги миру» в журнале «Бомба» осенью 1917-го⁶⁸. Поэтам-милиционерам было не до стихов...

Получается, что Сторицын остался как бы один на один с комплектацией уже разрекламированного альманаха, с уже полученными от столичных футуристов текстами, которых явно не хватало по объему на полноценную книгу. Стихи же самого Сторицына, судя по частым публикациям в журнале «Театр и

кино», становились все скучнее и скучнее («поэзо-рецензии» на спектакли, «акростихи» актрисам и поэтам). Современники не раз вспоминали, что произведения Сторицына регулярно «редактировал» Багрицкий, был его негласным «соавтором»⁶⁹, а коль скоро тот отошел от компании, стихи уже не годились в печать... Вот и пришлось Сторицыну в одиночестве искать выход из положения, спасти издание. После четырех месяцев рекламы, обещаний и проволочек он с трудом собрал книгу из всего, что случилось под рукой. Оговоримся: изложенное — не более чем гипотеза.

Несколько кратких откликов прессы на появление «Чуда в пустыне» были, по обыкновению, отрицательны, а в петроградском «Новом сатириконе» — ироничны (сборник появился в столице к июлю). Никто из рецензентов не обратил внимания, что большинство текстов — перепечатки из предыдущих изданий⁷⁰. Последним упоминанием об альманахах в одесской периодике, насколько удалось установить, было объявление в журнале «Бомба» за июнь (?) 1917-го. Реклама содержала достаточно любопытную информацию, приводим ее полностью:

Седьмое покрывало. Цена 1 руб. 25 коп. Стихи: Э. Багрицкого, И. Бобовича, А. Горностаева, П. Сторицына, С. Третьякова, А. Фиолетова, Г. Цагарели, В. Шершеневича. Обложка и рисунки работы С. Фазини.

Чудо в пустыне. Цена 2 рубля. Стихи Э. Багрицкого, И. Бобовича, В. Маяковского, П. Сторицына, С. Третьякова, А. Фиолетова, Г. Цагарели, В. Шершеневича. Обложка работы С. Фазини.

Склад издания: Одесса, Херсонская, 64, кв. 8. За налоговый платеж 25 проц. Книгопродавцам скидка 30 проц.

Оставшиеся нераспроданными несколько экземпляров «Авто в облаках» продаются по 5 руб. за экзempl. (второго издания не будет).

Готовится к печати книга стихов: «Аметистовые зори». Обложка и рисунки работы С. Фазини.⁷¹

Напомним: Херсонская, 64, кв. 8 — домашний адрес П. Сторицына.

«Чудо в пустыне» оказалось завершающим в серии из пяти альманахов, обещанные «Аметистовые зори» так и не состоялись.

СЕДЬМОЕ ПОКРЫВАЛО.

ЦѢНА 1 руб. 25 коп.

СТИХИ: Э. Багрицкаго, И. Бобовича, А. Горностеева, П. Сторицкина, С. Третьякова, А. Фиолетова, Г. Цагарели, В. Шершеневича.
Обложка и рисунки работы С. ФАЗИНИ.

ЧУДО ВЪ ПУСТЫНѢ.

ЦѢНА 2 рубля.

СТИХИ: Э. Багрицкаго, И. Бобовича, В. Мазюкянца, П. Сторицкина, С. Третьякова, А. Фиолетова, Г. Цагарели, В. Шершеневича.
Обложка работы С. ФАЗИНИ.

Складъ изданія: ОДЕССА, Херсонская, 64, кв. 8. За наличный платежъ 25 проц. Книгопродавцамъ скидка 30 проц.

Оставшіяся нераспроданными экземпляры

„АВТО ВЪ ОБЛАКАХЪ“

продаются по 5 руб. за экземп. (второго изданія не будетъ).

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ КНИГА СТИХОВЪ:

„АМЕТИСТОВЫЯ ЗОРИ“

Обложка и рисунки работы С. ФАЗИНИ.

Реклама альманахов в журнале «Бомба»

Продаются въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ:

Шелковые фонари. Стихи: И. Бобовичъ, Я. Гольденбергъ, И. Дальгинъ, Л. Канель, С. Кесельманъ, Г. Цагарели. Цѣна 40 коп.

Серебряныя трубы. Стихи: Э. Багрицкій, И. Бобовичъ, Я. Галицкій, И. Дальгонинъ, П. Сторицкинъ, А. Фиолетовъ, Г. Цагарели. Цѣна 75 коп.

Авто въ облакахъ. Стихи: Э. Багрицкій, И. Бобовичъ, В. Воскресенскій, П. Сторицкинъ, С. Третьяковъ, А. Фиолетовъ, Г. Цагарели, В. Шершеневичъ. Обложка и рисунки работы С. Фазини. Цѣна 1 рубль.

Седьмое покрывало. Стихи: Э. Багрицкій, И. Бобовичъ, А. Горностеевъ, П. Сторицкинъ, С. Третьяковъ, А. Фиолетовъ, Г. Цагарели, В. Шершеневичъ. Обложка и рисунки работы С. Фазини. Цѣна 1 р. 25 коп.

Готовится къ печати книга:

Аметистовыя зори. Стихи: Э. Багрицкій, И. Бобовичъ, А. Горностеевъ, Р. Инель, П. Сторицкинъ, С. Третьяковъ, А. Фиолетовъ, Г. Цагарели, В. Шершеневичъ. Обложка и рисунки работы С. Фазини.

Складъ изданія: Одесса, Херсонская 64, кв. 8. Петръ Сторицкинъ. Телеф. 27-69.

Последняя страница «Чуда в пустыне»

Теперь, когда собрана по возможности вся более-менее достоверная информация вокруг пяти одесских альманахов 1914–1917 годов, любопытно сравнить, насколько совпадают или расходятся с приведенными материалами некоторые высказывания позднейшего времени. Выберем лишь два самых характерных примера.

Вот как вспоминал Валентин Катаев в «Алмазном венце»:

«Птицелов [*Багрицкий*] принадлежал к той элите местных поэтов, которая была для меня недоступна. Это были поэты более старшего возраста, в большинстве своем декаденты и символисты. На деньги богатого молодого человека — сына банкира, мецената и дилетанта — для этой элиты выпускались альманахи квадратного формата, на глянцево́й бумаге, с шикарными названиями „Шелковые фонари“, „Серебряные трубы“, „Авто в облаках“ и прочее в этом роде. В эти альманахи, где царили птицелов и эскесс [*Кесельман*] как звезды первой величины, мне с моими реалистическими провинциальными стихами ходу не было. Еще бы! Они даже свою группу называли „Аметистовые уклоны“. Где уж мне!»⁷²

Очень субъективно, с некоторой давней обидой, иронично, без лишних подробностей. Можно придрататься к мелким неточностям, но по большому счету — достоверно.

Для контраста — цитата из исследования московского литературоведа Е. П. Любаревой, из ее вступительной статьи к сборнику стихотворений Багрицкого в большой серии «Библиотеки поэта»:

«Поэт и его друзья, вероятно, не заметили, что их последние альманахи „Смутная алчба“ и „Чудо в пустыне“ составлялись уже в 1918 году — когда на Украине кипела гражданская война!»⁷³.

Что ни слово, то ляпсус! «Смутная алчба» анонсировалась в рекламах в сентябре 1915 года, но издание не состоялось; «Чудо в пустыне» появилось в продаже в апреле 1917-го, задолго до начала гражданской войны. И на основе ошибочных фактов — идеологические измышления! К сожалению, подобные примеры не единичны.

Итак, в пяти альманахах опубликовано всего 166 стихотворений, 46 из них повторены еще раз в «Чуде в пустыне». Представлены 13 поэтов:

Э. Багрицкий – 22 текста, 3 из них – «Н. Воскресенской»,
8 – дважды;

И. Бобович – 12 текстов, 5 из них – дважды;

Я. Гольденберг – 7 текстов, 4 из них – «Я. Галицкого»;

А. Горностаев – 8 текстов;

И. Дальгонин – 12 текстов;

Л. Канель – 4 текста;

С. Кесельман – 9 текстов;

В. Маяковский – 1 текст;

П. Сторицын – 17 текстов, 8 из них – дважды;

С. Третьяков – 10 текстов, 7 из них – дважды;

А. Фиолетов – 18 текстов, 8 из них – дважды;

Г. Цагарели – 27 текстов, 9 из них – дважды;

В. Шершеневич – 19 текстов, 1 из них – дважды.

Не следует думать, что рассмотренные пять альманахов объединили всю южно-русскую литературную школу. В разное время на протяжении трех лет в них приняли участие всего лишь десять местных поэтов (да три иногородних) – малая толика обширной одесской поэтической плеяды. Здесь не представлены, скажем, ни Катаев, ни Олеша, но зато впервые публиковались почти все ранние стихи Багрицкого, самая значительная часть наследия Фиолетова.

Сам факт издания в Одессе такой группы книг можно воистину считать «чудом в пустыне»! Ничего подобного здесь ни до того, ни позднее не происходило. Альманахи получили известность в истории отечественной литературы, на них нередко ссылаются исследователи.

Уезжая из Одессы в Петроград осенью 1917 года, Сторицын увез с собой, по всей видимости, значительную часть тиража последней книги, а также и нераспроданные остатки предыдущих. На одесском книжном рынке все они практически ненаходимы. Автору этих строк известна в Одессе лишь одна полная коллекция из всех пяти альманахов – в местном Литературном музее, а самому удалось приобрести за 50 лет собира-

тельства всего только три... Многие экземпляры нынешних одесских коллекций были привезены сюда заново из Ленинграда в 1970-х годах. Там же они встречаются несколько чаще, не только в главных библиотеках города, но и в собраниях библиофилов, в букинистических магазинах. Сохранилось несколько сборников с дарственными надписями авторов. Самыми труднонаходимыми остаются «Шелковые фонари» и «Серебряные трубы», наиболее распространено «Чудо в пустыне». Сводная таблица 44 зарегистрированных экземпляров и дарственных надписей приведена в приложении 2 к статье.

Примечания

Все даты приведены по оригиналам первоисточников: русские до-революционные — по старому летосчислению, иногда сдвоенные; советские и современные — по действующему.

Принятые сокращения

ГАОО — Государственный архив Одесской области

КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия. — М., 1962—1978. — 9 томов

Масанов — Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. — М., 1956—1960. — 4 тома

Бобович. *Все, что память...* — Бобович И. Все, что память сберечь мне старается...: Фрагменты воспоминаний. — Ташкент, 1975. — [Машинопись]. — 52 с. — Собрание С. Лущика, Одесса

Бобович. *Письмо от...* — Бобович И. Письма к С. Лущику. — Ташкент, 1974—1979

¹ «На этой неделе <...>» // Одесский листок. — 1914. — 3 марта. — С. 3.

² До 1920 года Одесский университет носил наименование: Императорский Новороссийский университет; находился в Одессе, был единственным на территории тогдашнего Новороссийского края.

³ Библиографический ежегодник: Систематический указатель литературы за 1914 год / Под ред. И. В. Владиславлева. — Вып. IV. — М., 1915. — С. 172: «Футуристы <...> 930. Шелковые фонари».

⁴ Бобович. *Все, что память...* — С. 30—32. — Не путать Исидора Бобовича с его младшим братом Борисом Бобовичем, также поэтом.

⁵ Запись разговора с И. Бобовичем. — Одесса, 25 авг. 1974.

⁶ Бобович. Письмо от 8 июля 1974. — С. 4.

⁷ Солнечный путь: Южный альманах. Кн. 1-я / Под ред. Л. Баткиса. — Обл. работы М. К. Гершенфельда. — Одесса, 1914. — 48 с. — Тираж 500.

⁸ Цагарели Г. «Солнечный путь» // Южная мысль. — Одесса, 1914. — 20 мая. — С. 4.

⁹ К-ов Л. [Камышников Л.]. «Шелковые фонари»: Сборник молодых поэтов-одеситов // Южная мысль. — 1914. — 10 марта.

¹⁰ Библиография. Шелковые фонари <...> // Одесский листок. — 1914. — 10 июня. — С. 4.

¹¹ Крайний С. Мои кино // Южная мысль. — 1915. — 6 апр. — С. 3.

¹² «Вышла в свет <...>» // Южная мысль. — 1915. — 11 апр. — С. 1 [рекламное объявление].

¹³ Катаев В. Встреча // Эдуард Багрицкий: Альманах под ред. В. Нарбута. — М., 1936. — С. 171; Катаев В. Встреча // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973. — С. 50; Лущик С. По следам старой афиши // Вечерняя Одесса. — 1982. — 27 янв. — С. 4; Александров Р. [Розенбойм А.]. Театр на Большом Фонтане // Вечерняя Одесса. — 1987. — 13 июня. — С. 4.

¹⁴ «Вечер поэтов» // Маленькие одесские новости. — 1914. — 17 (30) июня. — С. 4.

¹⁵ Крайний С. Мои кино // Южная мысль. — 1915. — 6 апр. — С. 3.

¹⁶ Библиография. «Серебряные трубы» // Южный музыкальный вестник. — Одесса, 1915. — № 7, [июнь?]. — С. 20.

¹⁷ Тамарин Н. Библиография. Серебряные трубы // Библиотека театра и искусства: Бесплатное приложение к № 22 журнала «Театр и искусство». — Пг., 1915. — Кн. V, май. — С. 21.

¹⁸ Бобович. Письмо от 22 февр. 1974. — С. 1, 2.

¹⁹ Бобович. Письмо от 12 апр. 1974. — С. 1, 2.

²⁰ Бобович. Письмо от 8 июля 1974. — С. 5.

²¹ Бобович. Письмо от 29 апр. 1979. — С. 3.

²² Сторицын П. Мертвая петля // Авто в облаках. — Одесса, 1915. — С. 26.

²³ Бобович. Письмо от 12 апр. 1974. — С. 2.

²⁴ [Кесельман С.] «Оловянные дудки»: иллюстрированное издание для потомства. — [Лист карикатур с подтекстовками]. — Бумага, тушь. 35,5×20,2 см. — Собр. С. Лущика, Одесса. — Почерк надписей — С. Кесельмана.

²⁵ Бобович. Письмо от 22 февр. 1974. — С. 3.

²⁶ Запись разговора с Б. Бобовичем. — Москва, 8 июня 1972.

²⁷ ГАОО. — Ф. 39. Одесский раввинат. — Оп. 5 — Д. 155. 1915 г. Ч. 2. О бракосочетавшихся. — Л. 122. № 466.

²⁸ ГАОО. — Ф. 45. Новороссийский университет. — Оп. 5. — Д. 1339. — Лл. 4, 6.

²⁹ Парнис А. Голос времени: К 90-летию со дня рождения Эдуарда Багрицкого // Книжное обозрение. — М., 1985. — № 44, 1 нояб. — С. 16.

³⁰ Южная мысль. — 1915. — 27 сент. — С. 1. — Следует полагать, что книга вышла из печати ранее, до 27 сентября, так как ироничная

рецензия на нее появилась уже 27 сентября в одном из петроградских журналов: *Маленькая хроника // Театр и искусство*. — Пг., 1915. — № 39, 27 сент. — С. 736—737, ил.

³¹ Одесский листок. — 1915. — 29 сент. — С. 1.

³² Принадлежность Э. Багрицкому псевдонима «Нина Воскресенская» впервые раскрыта в 1938 году: «Дерibasовская ночью <...>, Порт <...>, О любителе соловьев <...> — опубликованы в „Авто в облаках“ за подписью Нина Воскресенская. О том, что эти стихи принадлежат Багрицкому, известно от него самого. В дальнейшем псевдоним „Нина Воскресенская“ ни разу не встречается. Все три стихотворения — явно иронического характера» (Багрицкий Э. Собрание сочинений в двух томах. — Т. 1. — М.; Л., 1938. — С. 615). — Позднее несколько стихотворений с подписью «Нина Воскресенская» обнаружилось в одесских юмористических газетках весны 1919 года — «Ежик в сметане» и «Перо в спину».

³³ Бобович. Все, что память... — С. 39.

³⁴ Вечер футуристов в Русском театре // *Одесские новости*. — 1914. — 18 (31) янв. — С. 2; См. также соседние номера газеты; Каменский В. Путь энтузиаста: Автобиографическая книга. — Пермь, 1968. — С. 151—154; Пильский П. Затуманившийся мир. — Рига, 1929. — С. 204 [ошибка в дате — «1913» вместо 1914].

³⁵ Бобович. Письмо от 12 апр. 1974. — С. 4.

³⁶ Искров Б. «Бурлочата в облаках» // *Южный вестник*. — Одесса, 1915. — № 1, 10 окт.; См. также: Эмар. «Одесский футуризм». — Там же. — № 2, 17 окт.; Прозаик. Библиографический листок // *Одесские новости*. — 1915. — 14 (27) дек. — С. 4.

³⁷ Утро России. — М., 1915. — № 278, 10 окт. — Цит. по: Театр и кино: Еженедельное иллюстрированное издание. — Одесса, 1916. — № 35, 27 авг. — С. 17. — Кстати, этот журнал, редактором-издателем которого был Л. М. Камышников, регулярно печатал стихи П. Сторицына и разные материалы касательно альманахов.

³⁸ Театр и кино. — 1916. — № 4, 23 янв. — С. 16, ил.

³⁹ Бобович. Письмо от 22 февр. 1974. — С. 2.

⁴⁰ Театр и кино. — 1916. — № 32, 6 авг. — С. 3; 13, ил.

⁴¹ Театр и кино. — 1916. — № 33, 13 авг. — С. 13, ил.

⁴² Бунин И. А. Окаянные дни // Бунин И. А. Собрание сочинений. — Т. 10. — [Берлин]: Петрополис, 1935. — С. 69. — Вторично Бунин привел то же стихотворение в «автоинтервью» 1947 года, см.: Автоинтервью Бунина / Публ. А. Бабореко // *Наука и жизнь*. — М., 1976. — № 6. — С. 127; Лавров В. Рукою Бунина // *Альманах библиофила*. — Вып. XI. — М., 1981. — С. 264; Лавров В. Из истории старых автографов // *Советский музей*. — М., 1984. — № 4, июль — авг. — С. 49.

⁴³ Оцуп Н. *Современники*. — Париж, 1961. — С. 78: «<...> мало кто знает поэта Анатолия Фиолетова, автора следующих примечательных строчек: О, сколько самообладания <...>».

- ⁴⁴ Письмо Т. Бабаджан к С. Луцику. — Абрамцево, 14 июля 1968.
- ⁴⁵ Письмо Ф. Гозиасона к Е. Голубовскому. — Париж, 19 марта 1977.
- ⁴⁶ Письмо В. Бондарина к В. Шкловскому. — [Из ссылки], 31 мая 1952.
- ⁴⁷ Чуковский К. Из дневника: 1932—1969 // Знамя. — М., 1992. — № 11. — С. 142. — Запись от 1 июля 1932.
- ⁴⁸ Катанян В. Возьми строку и время верни // Звезда. — Л., 1977. — № 1. — С. 185.
- ⁴⁹ Цурганова Е. «Слоним Марк Львович <...>» // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. — М., 1997. — С. 581—583.
- ⁵⁰ Слоним М. «Седьмое покрывало» одесских поэтов // Одесский листок. — 1916. — 4 сент. — С. 5—6.; См. также: Сторицын П. [Письмо в редакцию] // Одесский листок. — 1916. — 9 сент. — С. 4; Златогоров И. «Седьмое покрывало» // Южная мысль. — 1916. — 10 авг.; О. Б. [Осип Брик] «Седьмое покрывало» // Летопись. — Пг., 1916. — № 9, сент. — С. 311; Бобович Б. Литература в истекшем году // Южная мысль. — 1917. — 1 янв. — С. 2.
- ⁵¹ Театр и кино. — 1916. — № 32, 6 авг. — С. 3.
- ⁵² Южная мысль. — 1917. — 23 апр. — С. 3; Бомба. — Одесса, 1917. — № 12, [июнь]. — С. 5. — Номера журнала не датировались, всего за 1917 год вышло 30 тетрадей.
- ⁵³ Театр и кино. — 1916. — № 52, 24 дек. — С. 4.
- ⁵⁴ Театр и кино. — 1917. — № 1, 1 янв. — С. 4.
- ⁵⁵ Сторицын П. Дорожное: Е. И. Тиме // Театр и кино. — 1917. — № 8, 18 февр. — С. 6—7.
- ⁵⁶ Сторицын П. Акростих-рондель: Артистке Императорского Александринского театра Елизавете Ивановне Тиме // Театр и кино. — 1917. — № 10, 3 марта. — С. 6—7.
- ⁵⁷ Сторицын П. Премьера в Александринском театре: «Милые призраки» Л. Андреева: Поэзо-рецензия // Театр и кино. — 1917. — № 9, 25 февр. — С. 6—8.
- ⁵⁸ Первая публикация по затронутой теме: Луцик С. «Война и мир» приходит к читателю // Вечерняя Одесса. — 1983. — 19 июля. — С. 3.
- ⁵⁹ Южная мысль. — 1917. — 29 марта. — С. 2.
- ⁶⁰ Южная мысль. — 1917. — 23 апр. — С. 3.
- ⁶¹ Литературно-художественные альманахи и сборники: Библиографический указатель. — 4 тт. — М.: Всесоюзная книжная палата, 1957—1960. — «Чудо в пустыне» не упомянуто, хотя предыдущие четыре альманаха описаны.
- ⁶² Маяковский В. Полное собрание сочинений в 13 томах. — Т. 1. — М., 1955. — С. 209—242; 443. — Аналогичная информация в последующих собраниях сочинений, изданных в 1968 и 1978.
- ⁶³ Там же. — С. 413.
- ⁶⁴ Южная мысль. — 1917. — 23 апр. — С. 3.
- ⁶⁵ От редакции // Летопись. — Пг., 1917. — № 2, 3 и 4, февр., март и апр. — С. 7.

⁶⁶ Ставров П. Эдя Багрицкий и другие: (Одесса 1917—1918) / Публ. В. Амурского, Париж // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах. — № 14. — Одесса, 2003. — С. 252—253, 263. — Из комментария: «Воспоминания опубликованы в нью-йоркской газете „Новое русское слово” в номерах от 6-го и 13-го января 1952 г.» — Ставров (Ставропуло) Перикл Ставрович (1895—1955) был студентом юридического факультета Новороссийского университета, эмигрировал в 1926 г. — В справочнике «Вся Одесса» на 1914 год значится: приват-доцент юридического факультета, магистр М. Я. Немировский, Гаванная, 2.

⁶⁷ Русские советские писатели: Поэты: Биобиблиографический указатель. — Т. 2. — М., 1978. — С. 212.

⁶⁸ Багрицкий Э. Эклога Миру // Бомба: Журнал революционной сатиры. — 1917. — № 26. — С. 2. — № 26 относится, по косвенным признакам, к сентябрю — октябрю.

⁶⁹ Бобович. Все, что память <...>. — С. 44.

⁷⁰ Шкаровский И. Библиография // Южный музыкальный вестник. — Одесса, 1917. — № 5, май. — С. 58; Перья из хвоста // Новый сатирик. — Пг., 1917. — № 24, июль. — С. 14.

⁷¹ Бомба. — 1917. — № 12, [июнь]. — С. 5.

⁷² Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. — 1978. — № 6. — С. 13.

⁷³ Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Е. П. Любаревой. — М.; Л., 1964. — Библиотека поэта: Большая серия: Второе издание. — С. 8.

Приложение 1

ПЕРЕЧЕНЬ АЛЬМАНАХОВ

(1) Шелковые фонари. Стихи

Одесса, 1914. 32 с. Тираж 300 экз.

Типография «Спорт и наука», Екатерининская, 25

Цена 40 коп.

Склад издания: Жуковского, 4, кв. 20

Шесть участников: И. Бобович (5 стих.), Я. Гольденберг (3), И. Дальгонин (8), Л. Канель (4), С. Кесельман (9), Г. Цагарели (8)

Сообщения о выходе из печати — в марте 1914 г.

(2) Серебряные трубы. Стихи

Одесса, 1915. 64 с. Тираж 350 экз.

Типография «Спорт и наука»

Цена 75 коп.

Склад издания: Жуковского, 4, кв. 20

Семь участников: Э. Багрицкий (8), И. Бобович (3), Я. Галицкий [*Я. Гольденберг*] (4), И. Дальгонин (4), П. Сторицын (5), А. Фиолетов (6), Г. Цагарели (10)

Обложка работы художника С. Фазини

Сообщения о выходе из печати – в апреле 1915 г.

(3) Авто в облаках. Стихи

Одесса, 1915. 58 с. Тираж 300 экз.

Типография «Спорт и наука»

Цена 1 руб.

Склад издания: Жуковского, 4, кв. 20

Восемь участников (фактически семь): Э. Багрицкий (5), И. Бобович (3), Н. Воскресенская [*Э. Багрицкий*] (3), П. Сторицын (6), С. Третьяков (4), А. Фиолетов (6), Г. Цагарели (6), В. Шершеневич (6)

Обложка и рисунки (5) С. Фазини

Сообщения о выходе из печати – в сентябре 1915 г.

(4) Седьмое покрывало. Стихи

Одесса, 1916. 64 с. Тираж 400 экз.

Типография «Спорт и наука»

Цена 1 руб. 25 коп.

Склад издания: Херсонская [*Пастера*], 64, кв. 8. Петр Сторицын. Телеф. 27-69 [*опечатка: нужно 27-96*]

Восемь участников: Э. Багрицкий (6), И. Бобович (1), А. Горностаев (8), П. Сторицын (6), С. Третьяков (3), А. Фиолетов (6), Г. Цагарели (3), В. Шершеневич (6)

Обложка и рисунки (4) С. Фазини

Сообщения о выходе из печати – в августе 1916 г.

(5) Чудо в пустыне. Стихи

Одесса, 1917. 84 с. Тираж не установлен

Типография С. О. Розенштрауха, Кондратенко [*Полицейская, ныне Бунина*], 16

Цена 2 руб.

Склад издания: Херсонская [*Пастера*], 64, кв. 8. Телеф. 27-96

Восемь участников: Э. Багрицкий (8), И. Бобович (5), В. Ма-

яковский (1), П. Сторицын (8), С. Третьяков (10), А. Фиолетов (8), Г. Цагарели (9), В. Шершеневич (8)

Обложка С. Фазини

Сообщения о выходе из печати — в апреле 1917 г.

Приложение 2

АЛЬМАНАХИ В БИБЛИОТЕКАХ

	Шелковые фонари	Серебряные трубы	Авто в облаках	Седьмое покрытие	Чудо в пустыне
Одесская научная библиотека им. Горького ¹	1	1	2	—	1
Одесский литературный музей ²	1	1	2	1	3
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург ³	1	1	2	3	2
Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург ⁴	1	1	1	1	—
Научная библиотека Санкт-Петербургского университета ⁵	1	—	—	—	—
Собрание С. Луцика, Одесса ⁶	1	—	—	1	1
Собрание М. Лесмана, Ленинград ⁷	—	1	—	1	1
Собрание В. Азарова, Ленинград ⁸	—	—	1	1	1

В таких крупных одесских книгохранилищах как Научная библиотека университета, Областная научная библиотека им. М. Грушевского (б. им. Ленина, б. «Приказчиков-евреев»), а также в Историко-краеведческом музее не обнаружено ни одного экземпляра альманахов. Библиографический указатель Всесоюзной книжной палаты «Литературно-художественные альманахи и сборники» учел лишь первые четыре книги, а «Чудо в пустыне» осталось составителям неизвестным.

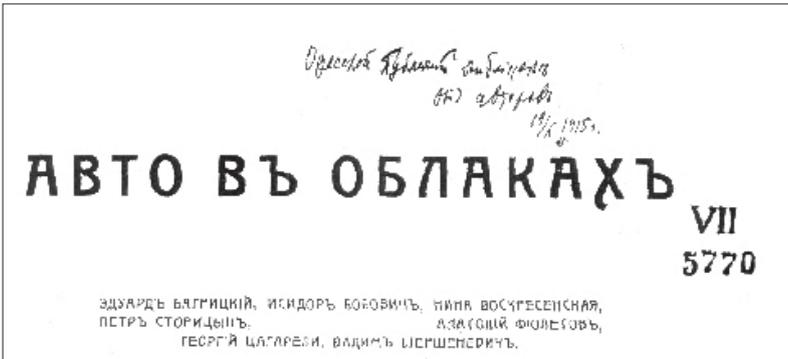
Два альманаха были в свое время посланы авторами из Одессы в Москву Валерию Брюсову, библиотека которого хранится ныне в Российской государственной библиотеке (б. им. Ленина) — «Серебряные трубы» и «Авто в облаках»⁹. Преобладают же собрания, куда попал лишь один сборник — «Чудо в пустыне»: столичные библиотеки А. Блока¹⁰, М. Горького¹¹, И. Н. Розанова¹², петербургского художника Б. Ф. Семенова¹³. В Одессе «Чудо в пустыне» представлено у библиофилов Е. М. Голубовского¹⁴ и Г. Г. Строна¹⁵. Создается впечатление, что тираж этого последнего альманаха мог быть несколько выше, чем у предыдущих.

Примечания

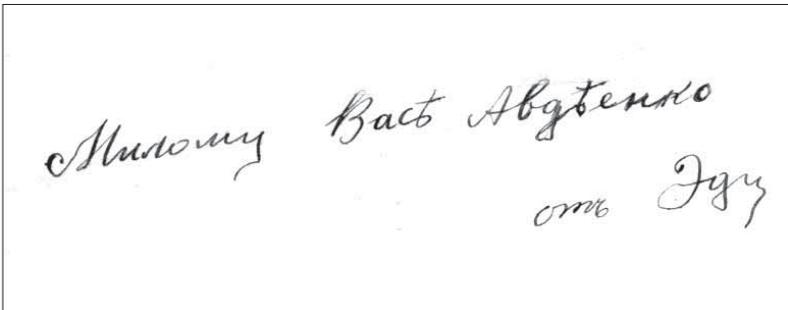
¹ Три книги («Шелковые фонари», «Серебряные трубы» и «Авто в облаках») поступили в библиотеку одновременно, с одинаковыми дарственными надписями одним почерком: «Одесской публичной библиотеке от авторов 19/Х 1915 г.». Как удалось установить, почерк поэта Г. Цагарели. «Чудо в пустыне» зарегистрировано в библиотеке в июне 1919-го, а второй экземпляр «Авто в облаках» — в мае 1932-го. Обе книги «Авто в облаках» изувечены: вырваны страницы со стихами С. Третьякова, а фамилия его выскоблена из оглавления (очевидно, после гибели поэта в годы «большого террора»).

² Коллекция Литературного музея начала комплектоваться с момента его организации в конце 1977 года. Одним из первых музею был подарен известным местным юристом И. В. Шерешевским (1888—1981) экземпляр «Чуда в пустыне», полученный им когда-то от А. Фиолетова, с дарственной надписью: «Многоуважаемому начальнику господину комиссару от почтительного инспектора и любящего его А. Фиолетова 1917 9/III». Четыре альманаха (кроме «Серебряных труб») приобрели у участницы литературной жизни тех лет О. И. Марченко, на «Седьмом покрывале» — дарственная надпись: «Милому Васе Авдеенко от Эди» (очевидно, от Э. Багрицкого).

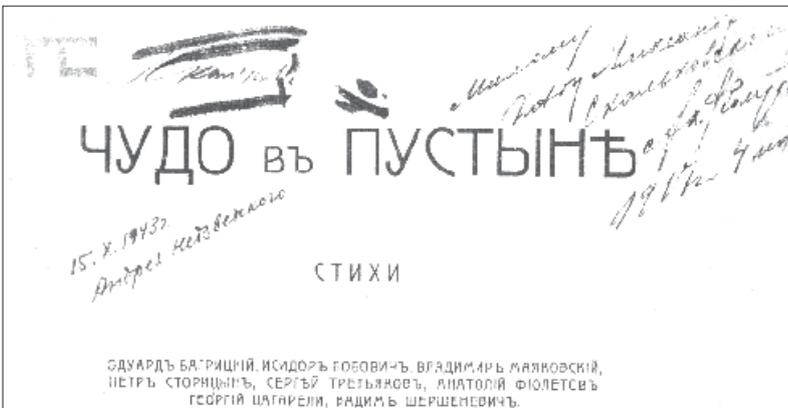
³ Российская национальная библиотека в Петербурге, бывшая Императорская публичная, получила в течение 1914—1916 годов по одному обязательному экземпляру первых четырех альманахов, другие кни-

Дарственная надпись авторов на «Авто в облаках»

Дарственная надпись Э. Багрицкого на «Седьмом покрывале»

Дарственная надпись А. Фиолетова и владельческие записи на альманахе «Чудо в пустыне»

ги поступали позднее. На втором экземпляре «Авто в облаках» — дарственная надпись тремя разными почерками: «Данный экземпляр на вечную память [одно слово *нрзб*, угол *страницы оборван*] от чистого сердца (заповеди блаженства) тому, кто в нашу трезвую эпоху принес бутылку неденатурированного шампанского. Один из авторов / с позволения сказать / СТИХИ / Другой автор (тоже из авторов) и за ту же бутылку (и не только!!!) — надеюсь, что не на вечную память / 6/VI 25 г. / К Вам устремленный Ва... Шерш...». Сбоку страницы — владельческая роспись: «Руда[ков?] 27.III.3 [1?] Ленинград». В советские довоенные времена в Ленинграде могли одновременно находиться четверо из авторов книги: В. Маяковский, П. Сторицын, С. Третьяков, В. Шершеневич. Аналогичная владельческая роспись «Руда[ков?] 7.11.35 Ленинград» имеется и на одном из экземпляров «Седьмого покрывала» той же библиотеки, ниже поставлен штамп еще одного владельца: «Библиотека Александра Петровича Морозова» и отметка о приобретении книги библиотекой в 1959 году. На «Чуде в пустыне», поступившем в библиотеку в 1963 году, — дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Николаю Осиповичу от автор [страница *обрезана*] / Одесса / 24 IV 19 [страница *обрезана*]». — Можно предположить, что автограф был адресован известному литературоведу, уроженцу Одессы, Н. О. Лернеру (1877—1934).

⁴ В библиотеке Академии наук на всех четырех альманахах имеется печать «Императорской академии наук»; книги поступали сюда до революции, вероятно, как обязательные экземпляры.

⁵ Единственный сборник в библиотеке Петербургского университета, «Шелковые фонари», поступил сюда в 1933 году. — Искренняя благодарность петербургскому литературоведу С. В. Друговойко-Должанской, предоставившей исчерпывающие сведения обо всех экземплярах одесских альманахов, хранящихся в трех ведущих библиотеках Петербурга.

⁶ «Шелковые фонари» были подарены С. Луцику вдовой поэта С. Кесельмана М. С. Зарковой в 1960-х годах вместе с его домашним архивом. Два других сборника приобретены также в Одессе в 1973 и 1975 годах, на «Чуде в пустыне» — ярлык Ленкниготорга 1957 года.

⁷ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. — М., 1989. — С. 198, 229. — На «Серебряных трубах» дарственная надпись: «Глубокоуважаемой Елизавете Давидовне Меламед от Петра Сторицына. 3.II.1917. Одесса».

⁸ Азаров В. «Звезда стоит на пороге» // Вечерняя Одесса. — 1985. — 4 нояб. — С. 3. — Опубликованы две дарственные надписи на «Седьмом покрывале»: «Вечно напряженному от вечно напрягающегося. Э. Багрицкий. 13/2 1917»; «Я верю вашей мудрой верой и сладко жду сладчайших дней. Ужели там, в тумане сером, увижу профиль лошадей. Анатолий Фиолетов. 13 февраля 1917 года». Азаров писал: «Я не знаю, кому подарен был ими альманах». — Предлагается гипотеза: книга могла принадлежать П. Сторицыну, который и привез ее позднее из Одессы в Петроград. — Азаров Всеволод Борисович [Бронштейн Илья

Борисович] (1913—1990), уроженец Одессы, ленинградский поэт, исследователь творчества Багрицкого.

⁹ Парнис А. Голос времени: К 90-летию со дня рождения Эдуарда Багрицкого // Книжное обозрение. — М., 1985. — № 44, 1 нояб. — С. 16. — Автор отмечает, что обе книги — «с коллективными дарственными надписями»: на «Серебряных трубах» — «Учителю Валерию Яковлевичу г. Брюсову от учеников. Одесса. 8.IV.1915», а на «Авто в облаках» — лаконично, «От авторов». По мнению А. Парниса, первая надпись выполнена «поэтом Ц.» (добавим от себя — Георгием Цагарели), а вторая — П. Сторицыным.

¹⁰ Литературное наследство. — Т. 92. Кн. 3. — М., 1982. — С. 101.

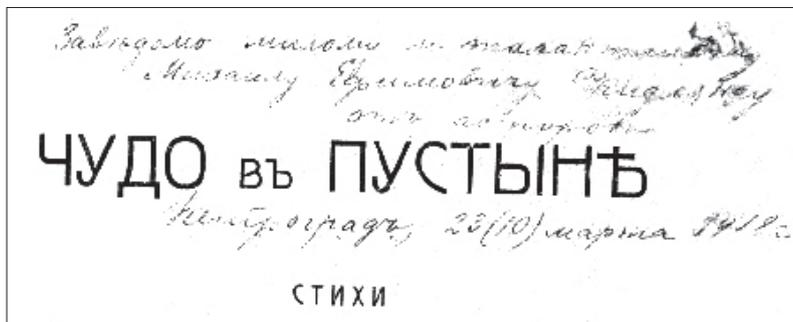
¹¹ Личная библиотека А. М. Горького в Москве. — М., 1981. — Кн. I. — С. 167.

¹² Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. — М., 1975. — С. 257.

¹³ Семенов Б. Время моих друзей: Воспоминания. — Л., 1982. — С. 208.

¹⁴ Экземпляр «Чуда в пустыне» в собрании Е. Голубовского имеет дарственную надпись и три владельческих записи, все одесские: «Милому Глебу Александр[овичу] Скальковскому Ан. Фиолет[ов] 1917 г. 4 ма...»; «Г. С.»; «Г. Скальковск...»; «15.X.1943 Андрея Недзведского». Книга была подарена Голубовскому Недзведским в начале 1970-х годов. — Никаких данных об А. Скальковском пока не обнаружено. — Недзведский Андрей Владимирович (1908—1984) — одесский журналист 1930-х годов, позднее доктор филологических наук, профессор Одесского университета. Дата владельческой записи — 1943 год, время оккупации Одессы румынскими войсками.

¹⁵ Экземпляр «Чуда в пустыне» одесского собирателя Г. Г. Строна куплен в Одессе в 1985 году. Дарственная надпись: «Заведомо милому и талантливому Михаилу Ефимовичу Фридлянду от авторов. Петроград, 23 (10) марта 1918 г.» (по старой орфографии). — М. Е. Фридлянд — известный впоследствии публицист и писатель Михаил Кольцов (1898—1940). В апреле — мае 1920 был ответственным редактором одесской газеты «Югоста».

Дарственная надпись «от авторов» на альманахе «Чудо в пустыне»

УЧАСТНИКИ АЛЬМАНАХОВ

Именной указатель

Состав участников пяти альманахов крайне неоднороден: одни авторы получили со временем известность в масштабе всей русскоязычной литературы, популярность других ограничена лишь Одессой, иные же вообще не состоялись как поэты. Соответственно, не равноценны и их биографические справки. Если о Багрицком или Маяковском изданы многие книги, и нет необходимости повторяться, то о Дальгонине или Канеле просто нечего было писать. Показалось целесообразным уделить наибольшее внимание таким незаурядным личностям как Кесельман, Сторицын, Фиолетов, Цагарели: о них известно немного, но они оставили заметный след в истории одесской южно-русской литературной школы.

БАГРИЦКИЙ Эдуард — псевдоним, настоящая фамилия — Дзюбан, Эдуард Годелевич¹, в быту — Дзюбин Эдуард Георгиевич (1895—1934).

Участник четырех альманахов, начиная со второго.

Единственный из молодых одесских поэтов южно-русской школы достиг всероссийской известности, вошел в историю отечественной литературы (другие мастера из южно-русских прославились как прозаики). Биографию Багрицкого и статьи о его творчестве можно найти в энциклопедиях², во многих посмертных собраниях стихов³. Систематизирована почти исчерпывающая библиография книг, его и о нем, публикаций в газетах и журналах⁴. Дважды издавались сборники воспоминаний современников о поэте⁵.

Родился в Одессе, прожил здесь до 1925 года, затем переехал в Москву, где вышло при жизни около десяти его книг. Первые литературные опыты начинающего автора известны с декабря 1913 года⁶, под разными подписями: Эдуард Дзюбин, Эдуард Д., Э. Д., Desi. В июне 1914-го он впервые выступил на вечерах молодых поэтов под псевдонимом «Багрицкий», который остался с ним навсегда, со временем превратился в фамилию (ее приняла жена, унаследовал сын). Первые стихотворения от имени «Багрицкого» появились в газетах в феврале 1915-го, затем, в апреле,

состоялась публикация в «Серебряных трубах». А осенью, в следующем альманахе «Авто в облаках», несколько его же текстов было напечатано под псевдонимом «Нина Воскресенская»⁷.

Всего в одесских альманахах 1915–1916 годов обнародовано 22 стихотворения Багрицкого, восемь из них были повторены весной 1917-го в сборнике «Чудо в пустыне». В советское время автор их никогда более не публиковал, не включал ни в один из московских сборников. Лишь посмертно, в 1938 году, двадцать из них были приведены в первом томе Собрания сочинений в двух томах⁸. В многочисленных послевоенных однотомниках Багрицкого преподносят выборочно несколько текстов из одесских альманахов. Больше всего, 17 из 22, читатель находит в книге «Стихотворения и поэмы» 1987 года издания⁹.

¹ ГАОО. — Ф. 39. Одесский раввинат. — Оп. 5. — Д. 75. Метрическая книга о рождении. 1895 год. — Л. 377, об.: «Октябрь 24. № 1594. Одесский мещ. Гodelь Мошков Дзюбан жена Ита. Сын Эдуард род. 22, а обр. 29 октября».

² КЛЭ. — Т. 1. — М., 1962. — С. 392–393.

³ Хронологическая канва для биографии Э. Багрицкого // Эдуард Багрицкий: Альманах под ред. В. Нарбута. — М., 1936. — С. 145–147; Блох С. Д. Материалы к библиографии изданий произведений Э. Багрицкого и литературы о нем // Филологический сборник Казахского университета. — Вып. 13/14. — Алма-Ата, 1974. — С. 14–16.

⁴ Русские советские писатели. Поэты: Библиографический указатель. — Т. 2 — М., 1978. — С. 202–253.

⁵ Эдуард Багрицкий: Альманах под ред. В. Нарбута. — М., 1936. — С. 149–384; Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973.

⁶ Аккорды. — Одесса, 1913. — № 1. — С. 9–10, 15–16; Аккорды. — Одесса, 1914. — № 2. — С. [5–6], [7]–10, 17–18; См. также: Розенбойм О. Перший псевдонім // Комсомольська іскра. — Одеса, 1969. — 8 липня. — С. 3.

⁷ Масанов. — Т. 1. — М., 1956. — С. 253.

⁸ Багрицкий Э. Собрание сочинений в двух томах. — Т. 1. — М., 1938. — С. 53–99.

⁹ Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. — М., 1987. — С. 23–39.

БОБОВИЧ (Бобовик)¹ **Исидор** Владимирович (Вольфович) (1894–1979)².

Участник всех пяти альманахов. В первых трех на задней обложке напечатано: «Склад издания: Одесса, ул. Жуковского, д. № 4, кв. 20» — домашний адрес И. Бобовича.

Родился в Одессе, окончил гимназию в 1912 году с золотой медалью. Учился в Новороссийском университете на юридическом факультете (1912 — нач. 1917). В октябре 1913-го отправил письмо А. Блоку, оставшееся без ответа³. В 1914—1918 годах изредка печатал стихи и статьи в одесской периодике, выступал на литературных вечерах. Вскоре оставил литературную деятельность, но до старости продолжал сочинять стихи «для себя». По-любительски занимался также живописью, около двух месяцев посещал в 1918 году «Свободную мастерскую» художника А. Нюренберга⁴. И. Бобовичу посвящен в 1917 году ироничный акростих П. Сторицына:

Искатель странных приключений
Сидит на банковской скамье,
И видит, как проходят тени,
Дробясь в конторской полутьме <...>⁵

Уехал из Одессы в 1922-м, работал банковским служащим в Жмеринке, Самарканде, Ташкенте⁶, несколько раз приезжал в Одессу в отпуск.

Оставил рукопись воспоминаний⁷, не издана.

¹ ГАОО. — Ф. 45. Новороссийский университет. — Оп. 5. — Д. 1339. Личное дело студента И. Бобовича. — Во всех документах, начиная с паспорта отца и метрического свидетельства о рождении сына, фамилия значится в форме: «Бобовик (он же Бобович)». Сам Исидор Бобович в разных официальных прошениях чаще именовал себя «Бобович (он же Бобовик)». Младший брат Исидора, Борис, вошел в литературу также под фамилией Бобович.

² ГАОО. — Там же. — Дата рождения И. Бобовича в метрическом свидетельстве и всех последующих документах обозначена как «1895 года января 10 дня». Однако сам Бобович писал: «Я действительно родился в июне 1894 года. В те <...> времена ошибки в документах о рождении <...> были частым явлением <...> объяснялись желанием родителей отдалить срок призыва на военную службу» (Бобович. Письмо от 29 апр. 1979). Дата смерти, 30 июня 1979, сообщена его вдовой, М. М. Бобович (Письмо к С. Луцику. Ташкент, 9 февраля 1980).

³ Зильберштейн И. А. Блок. Неизданное наследие // Литературная газета. — М., 1973. — 4 апр. — С. 8.

⁴ Бобович. Письмо от 29 апр. 1979.

⁵ Сторицын П. Акростиhi одесским поэтам. I. Исидору Бобовичу // Театр и кино. — Одесса, 1917. — № 6, 4 февр. — С. 12.

⁶ Бобович. Письмо от 22 февр. 1974; Запись разговора с И. Бобовичем. Одесса, 25 авг. 1974.

Ташкент, 22 февраля 1974г.

Мне во вдварахена въ Сергей Зеноневич!

А иже, иже Даше писало, про будавшее
во мне много воспоминаний от аленк
далеких в них ижеи токвати.

Многараже откериъ на Даше вочуоы.

1. В силате изданий. Ижеи первая иав-
мийах - "Шенковскы фокари", издаваеи
на ереварки самиях чуа, наков евоуника и
вошедний в кошгесерво всего зов вкременны-
рва, бля воуравлен ко мне на квартеру,
судавишо действуйеишо "Силавом изданий".

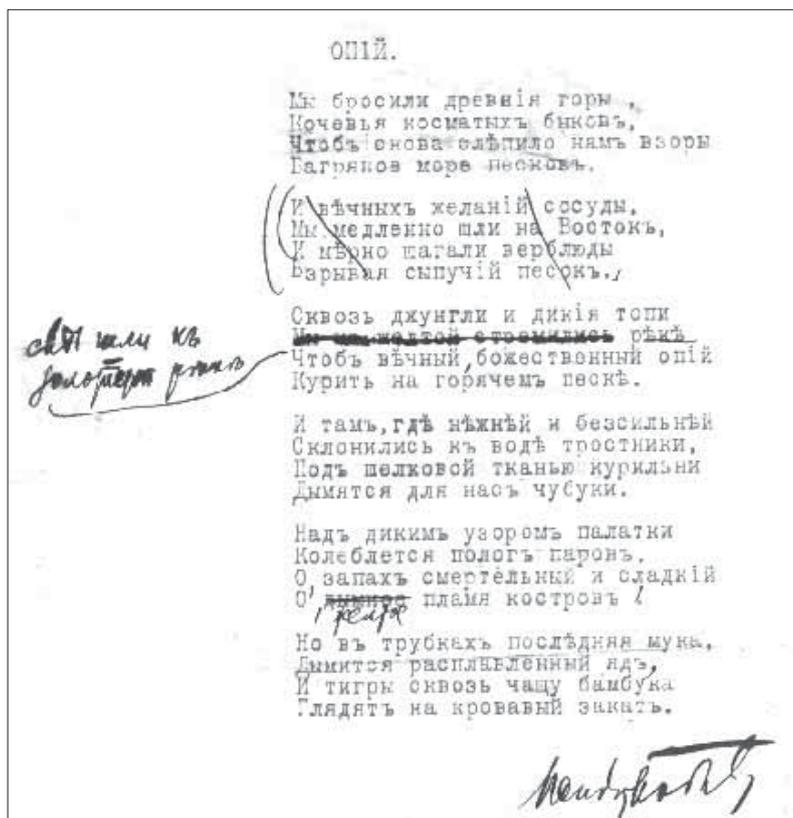
Все же оеуки вале авшакани ("Средств-
ная прага", "Авр в облаках", "Средстве похрен-
вано", "Чуо в пургане") издаваише яа епет

Петра Старицонка, и в кладан изданий "и",
отвѣтно, бота ем не квартера. Побовиу
чредаише много вали много адреса-
ни в барниках "Средствыише Пучае" и

"Авр в облаках" невало по-виданешу,
человиши характер. Тел др томо в вѣвако,
не фнато.

2. По чужданному на ебарнике "Чудо в
пучежко" адресу - Корованосаз 64 кв. 8, Кафет-
са прориваи Петр Старицонка, или изда-
тель. Подокзюго Петр Старицонк - др
литературном писавишии Петра Чивига
Когана. Дрши в вѣвако на Вал востро
оташ, кро такой "под Коган", и чубеди-

⁷ Бобович И. Все, что память сбересть мне старается...: Фрагменты воспоминаний. — Ташкент, 1975. — [Машинопись]. — 52 с. — Собр. С. Луцка, Одесса.

Рукопись стихотворения И. Бобовича

ВОЗНЕСЕНСКАЯ **Нина** — см. Багрицкий.

ГАЛИЦКИЙ **Яков** — см. Гольденберг.

ГОЛЬДЕНБЕРГ **Яков** (Иаков) Маркович (1890 — конец 1960-х?)¹.

Участник двух альманахов: «Шелковые фонари» — под своей фамилией, «Серебряные трубы» — под псевдонимом Яков Галицкий².

Родился в Елисаветграде (ныне Кировоград), закончил здесь в 1909 году гимназию³. Осенью 1911-го находился в Петербурге, принял православие и получил «вид на жительство» в столице⁴. В октябре 1912 года поступил на юридический факультет Петербургского университета, в сентябре 1913-го перевелся на такой же факультет Новороссийского университета⁵ в Одессе, где учеба его прослеживается по документам лишь до весны 1916-го.

Публикации Гольденберга в одесской периодике обнаружены с 1913 года: изредка лирические стихи под подлинной фамилией, чаще сатирические под разными псевдонимами, самые популярные из которых — Яго и Яков Галицкий. Известны его выступления на литературных вечерах, также в двух жанрах — лирическом и сатирическом.

После революции поэт жил в Москве, продолжал печататься, например, в журнале «Крокодил». Одесский краевед А. Розенбойм писал о нем: «Я. Гольденберг (Галицкий) — впоследствии режиссер, либреттист, автор текста песни „Синий платочек”»⁶.

¹ Имя, отчество и год рождения — по личному делу Я. Гольденберга, студента Новороссийского университета: ГАОО. — Ф. 45. — Оп. 5 — Д. 3375. — Имя Яков дано при рождении (Л. 18): «Свидетельство. Дано сие от елисаветградского Городского раввина в том, что в метрической книге о родившихся евреях г. Елисаветграда за 1890 год <...> декабря двадцать второго дня, у елисаветградского мещанина Марка Абрамовича Гольденберга и законной его жены Доротеи Марковны, в городе Елисаветграде, родился сын, которому при совершении обряда обрезания дано имя „Яков”». — Имя Иаков дано при крещении в 1911 году (Л. 18, об.): «Означенный в сем свидетельстве Яков <...> октября 9 дня 1911 года, вследствие изъявленного им решительного желания, просвещен Св. Крещением по чиноположению Православной Кафолической Восточной Церкви, с наречением ему имени Иаков <...> с отчеством от имени плотского отца „Маркович”». — Дата смерти — по информации И. Бобовича: «Умер в Москве в шестидесятых годах» (Бобович. Все, что память... — С. 51); «<...> скончавшийся несколько лет назад в Москве» (Бобович. Письмо от 22 февр. 1974).

² Бобович. Все, что память... — С. 41; Масанов. — Т. 4. — М., 1960. — С. 137: перечислены десять разных псевдонимов Я. Гольденберга, в их числе — Яков Галицкий.

³ Аттестат зрелости. — ГАОО. — Там же. — Л. 16.

⁴ Запись о крещении 9 октября 1911-го: ГАОО. — Там же. — Л. 18, об. — Рядом штамп «столичной полиции» от 13 октября 1911-го: «Выдан вид на жительство».

⁵ ГАОО. — Там же. — Л. л. 1, 4.

⁶ Александров Р. [Розенбойм А.]. Театр на Большом Фонтане // Вечерняя Одесса. — 1987. — 13 июня. — С. 4.

ГОРНОСТАЕВ Александр — псевдоним¹, настоящая фамилия — Горский, Александр Константинович (1886—1943)².

Участник только одного альманаха — «Седьмое покрывало».

Окончил Московскую духовную академию³, преподавал латинский язык в Одесской духовной семинарии⁴. В 1913 году напечатал в Одессе сборник стихов «Глубоким утром»⁵. Круг тем и образов его поэзии иронично отражает «Акростих Александру Горностаеву», опубликованный П. Сторицыным в феврале 1917-го:

Алмазной ризою повитый
Летишь в заоблачный туман,
Елей прохладою разлитый
Клубится в долах вещей стран <...>⁶

Часто публиковал стихи и статьи в одесских газетах, журналах и сборниках, выступал с чтением стихов, с лекциями и докладами. Среди них обращает на себя внимание интерес к творчеству А. Блока и мыслителя Н. Федорова. С апреля по октябрь 1920 года, после установления советской власти, был лектором Одесского политпросвета⁷. В ноябре (?) 1921-го уехал в Вознесенск⁸, затем поселился в Москве, работал экономистом. В октябре 1922 года опубликовал в московском журнале «Сегодня» неизданное письмо А. Блока⁹. В 1925-м сдал в печать книгу «Экономика научного производства»¹⁰. В 1928 и 1929 годах в Харбине были напечатаны две работы А. Горностаева о Н. Ф. Федорове¹¹, обе сохранились в библиотеке М. Горького с дарственными надписями автора¹². В 1929-м арестован, был в лагере до 1935-го, после освобождения жил в Калуге, снова арестован, умер в тюрьме в Туле¹³.

¹ Псевдоним остался неизвестен Масанову. В одесской прессе 1913—1919 годов поэт часто упоминался, и под псевдонимом, и под подлинной фамилией, иногда — в форме «А. Горский (Горностаев)», см.: Южный музыкальный вестник. — Одесса, 1917. — № 1, январь. — Обл., с. 4. Принадлежность псевдонима подтвердили участники одесской литературной жизни тех лет В. Овчаренко (письмо к С. Луцкичу. — Сухуми, 20 янв. 1968) и И. Бобович (письмо от 22 февр. 1974).

² Годы жизни — см.: Крашенинникова Е. Крупицы о Пастернаке // Новый мир. — М., 1997. — С. 208, 213.

³ Крашенинникова Е. Там же.

⁴ Бобович. Все, что память... — С. 43; Вся торгово-промышленная Одесса на 1914 год. — Одесса, 1914. — С. 176.

⁵ Горностаев А. Глубоким утром: (Песнопения). — М.: Изд. Н. И. Дорофеевой, 1913. — Тип. «Техник», Одесса. — Книга выпущена под маркой московского издательства, но фактически издана в Одессе. См.: ГАОО. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 134. — Л. 87. Сохранился экземпляр книги с дарственной надписью автора С. Кесельману (собр. С. Лущика).

⁶ Сторицын П. Акростиhi одесским поэтам. II. Александру Горностаеву // Театр и кино. — Одесса, 1917. — № 6, 4 февр. — С. 12—13.

⁷ ГАОО. — Ф. Р-4509. — Оп. 1. Одесский Губвоенкомат. — Д. 29. — Лл. 22, 36, 45, 66, 85, 175.

⁸ Записки и письма А. К. Горского к В. И. Кривцову. — [Одесса], 18 нояб. 1921; Вознесенск, 21 дек. 1921 (собр. С. Лущика).

⁹ Горностаев А. Голос из клетки: Неизданное письмо А. Блока [от 26 авг. 1912] // Сегодня: Еженедельник литературы, театра и искусства. — М., 1922. — № 2—3, 3—10 окт. — С. 4—5.

¹⁰ Письма А. К. Горского к В. И. Кривцову. — Москва, б. д.; 13 нояб. 1924; 10 июля 1925 (там же).

¹¹ Горностаев А. К. Перед лицом смерти: Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. — [Харбин], 1928; Его же. Рай на земле: К идеологии творчества Ф. М. Достоевского: Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров. — [Харбин], 1929 // КЛЭ. — Т. 9. — М., 1978. — С. 756.

¹² Личная библиотека А. М. Горького в Москве. — М., 1981. — Кн. 1. — С. 177.

¹³ Крашенинникова Е. Указ. соч. (2). — С. 213.

ДАЛЬГОНИН Илья — псевдоним¹, настоящая фамилия — Шатенштейн, Израиль-Лемех Янкелевич (1891—1973)².

Участник двух альманахов — «Шелковые фонари» и «Серебряные трубы».

Родился в Москве, в 1909 году окончил гимназию в Кишиневе с серебряной медалью, пытался поступить в Новороссийский университет, но неудачно. В 1910-м был принят на естественное отделение физико-математического факультета, в 1912-м перевелся на юридический факультет. К концу 1916 года закончил восемь семестров. В 1917—1918 годах жил в основном в Кишиневе, приезжая в Одессу для сдачи государственных экзаменов (обстановка гражданской войны не способствовала нормальному учебному процессу). Последняя запись в экзаменационном листе — «18 ноября 1918».

Старый портрет?

Викент.

Вот твои: рукава убитых кармаса Белин
И в складках платя, — души и ласкы...
Александр Возвнать моты следенной
Глаза мои, — так ранил красота!

Ты без, как стоишь павури и миссидий
На аркане фронь шараго холста,
Лицо твое прозрачно, и в чейса
Скандизия твое и в трауря ил адола.

Вот мои? Души флотийа убитых пелам,
И это ты! Какъ поздно я поттири
Вот гудь в твою! Какъ поздно прозвучали

Мои молитвы! Какъ поздно я прикили
Вот мой теской к твоей души гур. Пали
И все познал в одну короткый мига!

И. Дальгонин

Рукопись стихотворения И. Дальгонина

В одесской периодике публикации И. Дальгонина не обнаружены, одно стихотворение 1914 года встретилось в киевском журнале «Музы»³. По словам И. Бобовича, Дальгонин «рано бросил писать стихи, еще в 1915 г.»⁴; после 1918 года жил многие годы в Новороссийске, работал народным судьей, юрисконсульт, в 1969-м переехал в Москву, к старости снова начал писать стихи «для себя».

¹ Псевдоним остался неизвестен Масанову. Настоящую фамилию сообщил Бобович: письмо от 22 февр. 1974; Бобович. Все, что память... — С. 30, 43.

² Полное имя и отчество, год рождения, сведения об учебе установлены по документам личного дела И. Я. Шатенштейна, студента Новороссийского университета. См. ГАОО. — Ф. 45. — Оп. 5 — Д. 14776: копия метрического свидетельства, аттестат зрелости, различные прошения, справки, листы записей на лекции. См. также ГАОО. — Ф. 45. — Оп. 5 — Д. 14772; Оп. 1, ч. 1. — Д. 2476. — Год смерти — по информации И. Бобовича (письмо от 22 февр. 1974; Бобович. Все, что память... — С. 44).

³ Дальгонин И. «Ваше сердце ко мне приближается <...>» // Музы. — Киев, 1914. — № 6, 22 марта. — С. 4.

⁴ Запись разговора с И. Бобовичем. Одесса, 25 авг. 1974.

КАНЕЛЬ Леопольд Соломонович (Шлиомович-Зеликович или Зельманович) (1892–1919?)¹.

Участник только одного, первого, альманаха «Шелковые фонари».

Родился в Киеве, учился в Кишиневской гимназии (1901–1910), окончил с золотой медалью. В 1910 году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского университета, в 1912-м переведен на медицинский факультет. Весной 1916 года призван в армию с четвертого курса в качестве зауряд-врача, служил в 99-м пехотном Ивангородском полку. По характеристике И. Бобовича, «был очень остроумный, способный юноша. После „Шелковых фонарей” он, насколько мне известно, нигде не печатался»². В одесской периодике никаких его публикаций не обнаружено.

¹ Полное имя и отчество, год рождения, сведения об учебе и военной службе установлены по документам его личного дела студента Новороссийского университета. См. ГАОО. — Ф. 45. — Оп. 1. — Д. 5644 (метрическое свидетельство, аттестат зрелости, различные прошения, справки, листы записей на лекции). Год смерти — по информации И. Бобовича: «В 1919 или 1920 году он умер, кажется, от тифа» (письмо от 8 июля 1974; Бобович. Все, что память... — С. 51).

² Бобович. Письмо от 8 июля 1974.

КЕСЕЛЬМАН Семен Иосифович, в быту — Осипович (1889–1940)¹.

Участник только одного, первого, альманаха «Шелковые фонари». Автор шаржа «Оловянные дудки» на второй альманах «Серебряные трубы».

Родился в Одессе, учился в 5-й одесской мужской гимназии, окончил в 1908 году с золотой медалью. Пытался поступить в

Новороссийский университет, но не был принят «вследствие отсутствия вакансий»². Повторно поступал в 1909-м, стал студентом юридического факультета³, закончил в 1914-м году⁴.

Рукописи его стихов сохранились с гимназической поры, с 1904 года. В 1906-м значился «издателем» школьного журнала «Набат». Летом 1911 года, будучи студентом, начал журналистскую работу в копеечной газетке «Одесское слово» (свыше 60 публикаций на разные темы, под разными псевдонимами), с декабря стал сотрудником юмористического журнала «Крокодил» (до мая 1912-го, свыше 30 материалов)⁵. Вскоре отошел от повседневной журналистики, но время от времени печатался в газетах «Южная мысль» (1912–1914), «Одесское обозрение театров» (1912–1915), престижные «Одесские новости» (1913–1917). Лирические тексты помещал под своей фамилией, а сатирические – под псевдонимом Эскесс⁶. Его стихи появились в сборниках «Молодой журнал» (январь 1913), «Шелковые фонари» (март 1914), «Солнечный путь» (май 1914). Принял активное участие в организации кружка молодых поэтов, учрежденного критиком П. Пильским при Литературно-артистическом клубе. Выступал на обоих вечерах кружка: на Хаджибеевском лимане (15 июня 1914) и на 16-й станции Большого Фонтана (1 июля 1914)⁷.

Расцвет творческой активности и популярности С. Кесельмана пришелся на 1912–1914 годы. В январе 1913-го Г. Цагарели, будущий составитель серии альманахов, писал: «В его стихах можно найти все признаки наличности поэтического темперамента и художественного чутья <...> С. Кесельман умеет работать над стихом, строфы его пьес изящны, музыкальны. Радует поэт своим знакомством с тайнами ритма»⁸. Анонимный автор рецензии на «Шелковые фонари» отметил: «Из всей молодежи „Фонарей“ я выделил бы прежде всего Семена Кесельмана, поэта ясно чувствуемой индивидуальности и верных, думается, обещаний»⁹. В резко отрицательном отзыве Г. Цагарели на сборник «Солнечный путь» упомянуты с похвалой лишь три участника, и Кесельман среди них: «Стихотворения <...> полны изящества, благородства и внутренней силы»¹⁰.

В последующие годы число публикаций С. Кесельмана постепенно снижается. Возможно, после окончания университета он занялся юриспруденцией¹¹. Отметим, что в конце 1916 го-

Осень

Спокойны дни, как кей-то ясный взгляд.
 На клумбы роз, в атлантов митлях иена
 Горит царевна - Осени корона.
 Холодных солнцем полон тихий садъ.

Горой вперенетъ тяжелая корона,
 Да мистая онада зашуршатъ.
 Арядутъ узорный золотой парядъ
 Осиний, кинимъ веретёна.

Пустынная доль; нурь каждаго часа
 Блудитъ шумиво хруств бошого воя;
 Сва освещена библиотека,

Тотъ отражаетъ черной лань стола
 Холодных астръ хрустальные букеты,
 Тотъ въ мистомъ книжамъ - старое сонетамъ

Семёнъ Кесельманъ

да четыре его стихотворения были напечатаны в столичном журнале «Новый сатирикон». В период гражданской войны поэт увлекся преимущественно театром: писал водевили, «пески-арлекинады» для театра «Гротеск», прибывшего из Киева на гастроли и застрявшего надолго в Одессе; баллады и «песенки кинто» для выступлений Виктора Хенкина; миниатюры для «Русского театра Н. И. Собольщикова-Самарина». Иногда печатал стихи в недолговечных журналах «Южный огонек», «Огоньки», «Мельпомена». Последняя известная его публикация датирована маем 1922-го (стихотворение «1793 год»), а последнее упоминание его имени в прессе — в феврале 1923-го, в статье Э. Багрицкого о вечере Южного товарищества писателей¹². По рассказам вдовы, отошел от литературы, не желая приспособливаться к официальной идеологии. Умер 9 августа 1940 года от миокардита.

¹ Год рождения, по записи его отца: «1889 года с четверга на пятницу с 13 на 14-ое июля в 3½ часа ночи родился у меня с Божьей Помощью сын. Дай Бог здоровье и долголетие родильнице и новорожденному Аминь»; См. также: ГАОО. — Ф. 39. — Оп. 5. — Д. 44. Книга о родившихся еврейх г. Одессы за 1889 г. — Л. 208, об. — № 1144: «Одесский 2 г. купец Иосиф Юдкович Кесельман, жена Ольга. Сын Семен род. 14 обр. 28 июля». — Год смерти: по «Свидетельству о смерти». — Вдова поэта, Милица Степановна Заркова (1896—1981), сохранила небольшой домашний архив поэта с документами, фотографиями, рукописями, рисунками, публикациями, афишами. В середине 1960-х передала все в собрание С. Луцика. Биография С. Кесельмана воссоздана, в основном, по материалам этого архива.

² Черновик «Прощения» С. Кесельмана на имя ректора университета от 13 июля 1909 года.

³ Список студентов Императорского Новороссийского университета: 1911—1912 г. — Одесса, 1912. — С. 43. — Университетское личное дело студента Кесельмана в ГАОО в фонде 45 университета не сохранилось. В фонде канцелярии попечителя Одесского учебного округа (Ф. 42. — Оп. 3. — Д. 426) дело числится утраченным.

⁴ Государственные экзамены // Южная мысль. — Одесса, 1914. — 29 мая. — С. 3.

⁵ Подробнее о сотрудничестве С. Кесельмана в «Крокодиле» см.: Луцик С. З. Одесский журнал «Крокодил» и его авторы // Одесский журнал «Крокодил» и его авторы: Избранные страницы (1911—1912) / Сост. Т. В. Щурова. — Одесса, 1998. — С. 289—297.

⁶ Псевдоним Эскекс образован из инициала и начальных букв фамилии поэта: Эс-Кес... Псевдоним учтен в словаре Масанова: Т. 3.

— М., 1958. — С. 273; Т. 4. — М., 1960. — С. 230. — Однако подлинная фамилия автора искажена: «Киссельман» вместо Кесельман. Псевдоним Эскесс использован В. Катаевым для рассказов о Кесельмане в книге «Алмазный мой венец» (первая публикация: Новый мир. — М., 1978. — № 6. — С. 9—11).

⁷ Подробнее см.: Лущик С. По следам старой афиши // *Вечерняя Одесса*. — 1982. — 27 янв. — С. 4; Александров Р. [Розенбойм А.] *Театр на Большом Фонтане // Вечерняя Одесса*. — 1987. — 13 июня. — С. 4.

⁸ Цагарели Г. Литературные заметки о четырнадцати // *Молодой журнал: Литературно-художественный и научно-критический сборник*. — Одесса, 1913. — № 1, январь. — С. 50—51. — Издание было уничтожено цензурой (один из рассказов признан «явно противным нравственности и благопристойности»). Единственный в Одессе экземпляр уцелел в ГАОО в фонде Временного комитета по делам печати (Ф. 10. — Оп. 1 — Д. 134).

⁹ Библиография: Шелковые фонари <...> // *Одесский листок*. — 1914. — 10 июня. — С. 4.

¹⁰ Цагарели Г. «Солнечный путь <...>» // *Южная мысль*. — Одесса, 1914. — 20 мая. — С. 3.

¹¹ Сохранились только два документа такого рода: удостоверение от февраля 1919 года — С. И. Кесельман состоит помощником присяжного поверенного округа Одесской судебной палаты; трудовая книжка, выданная в январе 1939-го, — С. И. Кесельман состоит с 1927 года юрисконсульт-секретарем Гостиничного треста.

¹² Багрицкий Э. Вечер Южного товарищества писателей // *Известия*. — Одесса, 1923. — 2 февр. — Упомянуты в числе выступавших: Бархин, С. Кесельман, Кипен, М. Гиттерман, Ставропуло. «Оппонентами выступили представители „Потоков“, упрекавшие участников вечера как в техническом несовершенстве, так и в полном отсутствии какой-либо идеологии».

МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович (1893—1930).

Участник только одного, последнего, альманаха — «Чудо в пустыне».

Биография Маяковского широко известна, опубликована в разных вариантах во многих книгах, собраниях сочинений, энциклопедиях¹, нет надобности повторять. Поэт несколько раз бывал в Одессе, выступал на литературных вечерах в театрах и клубах. Одесская пресса живо откликнулась на каждый его приезд, остались воспоминания соучастников и зрителей. В наше время, начиная с 1960-х годов, все эпизоды пребывания Маяковского в Одессе тщательно исследованы местными краеведами.

Первое посещение Одессы В. Маяковским относится к январю 1914 года — периоду большого турне группы футуристов (Д. Бурлюк, В. Каменский и В. Маяковский) по городам России². Следующий раз Маяковский появился здесь лишь через десять лет, в феврале 1924-го³, к нашей теме это уже отношения не имеет. За январь 1914 года не прослеживается никаких документированных следов прямых контактов между Маяковским, приехавшим на несколько дней в Одессу, и поэтами — участниками будущих альманахов, хотя иные из них были посетителями нашумевших вечеров футуристов.

Впоследствии мемуаристы не раз писали о близком знакомстве П. Сторицына, издателя альманахов, и В. Маяковского, относя их встречи то к Одессе, то к Петрограду или Москве. Одна из эффектных легенд бытует в нескольких противоречивых вариантах. В интерпретации ленинградского поэта В. Азарова она выглядит так: «Сторицына я хорошо знал <...> Маяковский написал посвященный ему „Сплетник“: Сторицын мне сам об этом рассказывал. Маяковский его не любил: Сторицын в первый приезд ссудил деньги. В Москве в 18-м потребовал — Маяковский отсчитал дензнаками»⁴. Иначе выглядит этот же эпизод в книге ленинградского художника Б. Семенова: «Петр Ильич Сторицын <...> Он хорошо знал и крепко любил молодого Маяковского, верил в его высокую звезду. Он даже помог выпустить одну из первых книг Маяковского — раздобыл под каким-то предлогом у отца денег. <...> О Маяковском Петр Ильич рассказывать не любил, он был обижен на него за то, что, оказавшись в полном безденежье, стал требовать, чтобы Владимир Владимирович возвратил тысячу рублей, или, кажется даже больше — сумму, которую одолжил ему еще при старом режиме. Маяковский прислал в конверте тысячу, но дензнаками 1921 года. Купить на них можно было разве что осьмушку махорки»⁵. Сопоставим легенды с достоверными датами. Сторицын появился в Одессе лишь к концу 1914 года⁶ и встретиться здесь с Маяковским не мог. Осенью 1916-го Сторицын ездил ненадолго из Одессы в Петроград и общался там с Маяковским⁷. В октябре 1917-го Сторицын окончательно оставил Одессу и обосновался в Петрограде⁸. Очевидно, истинное начало той легендарной истории могло завязаться осенью 1916-го в Петрограде (но не в Одессе!), а завершиться — после октября 1917-го, также в Петрограде.

Побывав осенью 1916 года в столице, Сторицын привез в Одессу рукопись четвертой части поэмы Маяковского «Война и мир» для альманаха «Чудо в пустыне». Книга появилась в продаже в апреле 1917-го. Как известно, поэма «Война и мир» печаталась в петроградской периодике отдельными фрагментами в мае – августе 1917-го (подробнее рассмотрено выше в тексте статьи). Таким образом, приоритет остается за одесской публикацией.

¹ См., например: КЛЭ. — Т. 4. — М., 1967. — С. 710—721. — Кстати, одна из иллюстраций к статье, автошарж Маяковского, заимствована из одесского журнала «Шквал», 1926.

² См.: «Одесские новости», «Одесский листок» и др. местные газеты за 11—19 янв. 1914.

³ Маяковский в Одессе: Литературно-краеведческий справочник / Сост. Н. Панасенко. — Одесса, 2002 [в печати].

⁴ Азаров В. Б. Письмо к Е. М. Голубовскому в Одессу. — Ленинград, 4 авг. 1983.

⁵ Семенов Б. Время моих друзей: Воспоминания. — Л., 1982. — С. 207—209. — Семенов Борис Федорович — главный художник ленинградского журнала «Нева».

⁶ Сторицын П. Встретились в Ленинграде // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973. — С. 335.

⁷ Подробно об этом см. в основном тексте статьи, в разделе об альманахе «Чудо в пустыне», с библиографией.

⁸ Сторицын П. — Там же.

СТОРИЦЫН Петр — псевдоним, настоящая фамилия — Коган, П. Э.-Б.¹, в быту — Сторицын Петр Ильич (1894? вернее, 1884? — 1941)².

Активный участник четырех альманахов, начиная со второго. Финансировал их издание³.

Один из самых загадочных персонажей одесской южно-русской литературной школы. Появился в Одессе к концу 1914 года, прожил здесь до осени 1917-го⁴. Самая ранняя из известных его публикаций — стихи в «Серебряных трубах» (вышли из печати в апреле 1915-го). О предыдущем периоде его жизни никакой документированной информацией не располагаем, а воспоминания современников, одесских и ленинградских, весьма разноречивы. И. Бобович писал: «По образованию химик, уроженец г. Елисаветграда <...> учился в Германии <...> был остроумен, словоохотлив, всегда в обществе молодых поэтов»⁵. Борис Бобович, младший брат предыдущего, рассказывал иначе:

«Толстый, богатый, сын киевского сахарозаводчика, шесть лет учился в Женеве»⁶. Катаев назвал его «сыном банкира»⁷, а по воспоминаниям Сильвии Гитович, «отец его владел половиной мельниц Одессы»⁸. О Петре Сторицыне бытовало множество легенд, основанных, судя по всему, на его же собственных рассказах, далеких от истины. Никаких подлинных документов разыскать не удалось.

По приезде в Одессу Сторицын достаточно быстро вошел в местную литературную среду, напечатал множество стихотворений в альманахах, журналах, газетах, чаще всего в журнале «Театр и кино». Обращали внимание его «акrostихи» на коллег-поэтов. Был страстным театралом, добрая половина его стихов посвящена популярным актерам, зачастую в форме «поззо-рецензий». Многие считали его графоманом и злословили, что все его тексты «редактировал» Багрицкий, был его негласным «соавтором»⁹. Судя по ряду признаков, Сторицын не только стал меценатом, но и активно участвовал, наряду с Цагарели, в формировании альманахов, привлечении новых авторов, в их числе иногородних.

«Словесный портрет» Петра Сторицына оставил Георгий Цагарели:

Как месяц лысый, грузный телом,
Он острых сплетен любит зодчество —
Поэт-чудак в костюме белом,
Чей вечный спутник одиночество <...>¹⁰

После выхода в свет последнего из альманахов, «Чудо в пещине», Сторицын прожил в Одессе еще с полгода, продолжая печататься в местной периодике. В августе его квартиру обокрали, мелкая кража была раздута до сенсации, не без активного участия пострадавшего. В прессе появилось несколько броских репортажей: «В ночь на 9 августа воры проникли через окно с улицы в квартиру П. Сторицына (Херсонская, 64), похитив при этом весь гардероб, бумажник с деньгами, серебряные часы, всего на сумму около 1000 руб.»¹¹. Такой же адрес Сторицына — Херсонская, 64, кв. 8, указывался ранее на обложках двух последних альманахов. По многим источникам, в течение ряда лет в квартире № 8 проживал «Штегельман Артур Александрович, старший врач 15 стр[елкового] полка; находится в Действующей армии. 2-й эт., 7 комнат»¹². Очевидно, семья вра-

ча, находившегося на фронте, сдавала Сторицыну одну или несколько комнат.

Вскоре после кражи сам Сторицын обнародовал «Автопародию»:

О граждане воры! Верните
Часы мне и паспорт скорей,
Ведь вас в «Новостях» под защиту
Поэзии взял я своей.
На что вам мой паспорт, скажите,
Ответьте хотя бы письмом,
Затем как друзья приходите
Пить чай в мой безрадостный дом.¹³

Этот текст входил в большой цикл из двадцати стихотворений под общим названием «Из альбома пародий. Наши поэты / Пародировал Петр Сторицын», опубликованный с перерывами в трех номерах журнала «Бомба». Последняя подача состоялась весной 1918-го, уже после отъезда автора из Одессы¹⁴. Цикл не блещет ни поэтическими достоинствами, ни остротой характеристик, но любопытен как документ эпохи. Не забыты здесь, в числе прочих, и многие участники альманахов.

В октябре 1917-го Сторицын навсегда покинул Одессу, переехал в Петроград, где и прожил почти безвыездно до смерти в блокадном Ленинграде. Изредка публиковал стихи, чаще театральные репортажи, обзоры выставок, рецензии на новые книги. Именовал себя «театральным рецензентом»¹⁵. Прославился в литературных кругах как талантливый рассказчик устных новелл, в основном о невероятных случаях из собственной жизни. Многие мемуаристы писали о нем, отмечали его дружбу с Бабелем, Багрицким, Зощенко, Маяковским... К сожалению, все подобные воспоминания относятся к ленинградскому периоду¹⁶, лежат за пределами временных рамок нашей темы. В виде исключения, приведем один фрагмент из книги Виктора Шкловского: «<...> бывший химик, он же толстовец, он же рассказчик невероятных анекдотов, он же человек, оскорбивший герцога Баденского и явившийся потом на суд из Швейцарии, чтобы поддержать свое обвинение (но признанный ненормальным и наказанный только конфискацией лаборатории), он же плохой поэт и неважный рецензент, невероятнейший человек Петр Сторицын»¹⁷.

¹ Современники всегда называли поэта Петром Ильичом Сторицыным, вплоть до его смерти в Ленинграде, хотя иные знали и подлинную фамилию (пример — шарж Кесельмана). В печати она была раскрыта лишь однажды, в связи с кражей паспорта: «<...> обокрали меня, поэт Петр Сторицын (П. Э.-Б. Когана) <...>», см.: Бомба. — Одесса, 1917. — № 21, [август?]. — С. 14. — Первичные имя и отчество остаются нераскрытыми. — В словаре Масанова имя и фамилия «Петр Сторицын» трактуются как первичные, а производные от них П. С. и Ст., П. описаны как псевдонимы, все уже петроградского периода, 1919—1923 гг. (см. Масанов: т. 2, с. 327; т. 3, с. 87; т. 4, с. 456).

² Годы жизни — по указателю имен в книге: Чуковский К. Дневник: 1901—1929. — М., 1991. — С. 535. — Год рождения 1894 вступает в противоречие с воспоминаниями его одесских знакомых: И. Бобович писал, что Сторицын был значительно старше других участников альманахов, «ему было тогда лет 30—32» (Все, что память... — С. 41). — Нетрудно подсчитать: 1915 — 31 = 1884.

³ Бобович. Письмо от 22 февр. 1974. — С. 2.

⁴ Сторицын П. Встретились в Ленинграде // Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. — М., 1973. — С. 335.

⁵ Бобович. Письмо от 12 апр. 1974. — С. 1.

⁶ Запись разговора с Б. Бобовичем. — Москва, 8 июня 1972.

⁷ Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. — М., 1978. — С. 13.

⁸ Гитович С. Из воспоминаний // Минувшее: Исторический альманах. — № 5. — М., 1991. — С. 106.

⁹ Бобович. Все, что память... — С. 44.

¹⁰ Цагарели Г. Сторицын // Авто в облаках. — Одесса, 1915. — С. 48; повторно: Чудо в пустыне. — Одесса, 1917. — С. 67.

¹¹ Кража // Одесский листок. — 1917. — 10 авг. — С. 3; См. также: Тепли. Compliments и книксены // Бомба. — № 21, [август?]. — С. 14.

¹² ГАОО. Ф. 16. — Оп. 124, ч. 2. — Д. 17415. — Л. 668. — Квитанция об уплате налога на жилье от 12 апр. 1918.

¹³ Сторицын П. Из альбома пародий: Наши поэты <...> 16. Петр Сторицын: (Автопародия) // Бомба. — 1917. — № 28, [осень?]. — С. 10.

¹⁴ Из альбома пародий: Наши поэты / Пародировал Петр Сторицын // Бомба. — 1917. — № 21. — С. 13; Там же. — 1917. — № 28. — С. 10—11; Там же. — 1918. — № 34. — С. 14.

¹⁵ Азаров В. Письмо к Е. Голубовскому в Одессу. — Ленинград, 4 авг. 1983.

¹⁶ К примеру: Семенов Б. Время моих друзей: Воспоминания. — Л., 1982. — С. 207—210.

¹⁷ Шкловский В. Гамбургский счет. — Л., 1928. — С. 78—79.

ТРЕТЬЯКОВ Сергей Михайлович (1892—1939)¹.

Участник трех последних альманахов — «Авто в облаках», «Седьмое покрывало» и «Чудо в пустыне».

Родился в Кулдиге (Латвия), жил преимущественно в Москве, в 1915-м окончил юридический факультет Московского университета. Участник гражданской войны на Дальнем Востоке.

Начал печататься с 1913-го. Входил в группу московских эгофутуристов. Первый сборник стихов опубликовал в 1919-м во Владивостоке². В 1920-х годах издал совместно с В. Маяковским две агитпоэмы, сотрудничал с Маяковским в журналах «Леф» и «Новый Леф». Несколько пьес С. Третьякова были поставлены в московских театрах, в том числе в театре Вс. Мейерхольда. Погиб в годы «большого террора».

В одесских источниках не обнаружено никаких свидетельств посещения Третьяковым Одессы, никто из местных краеведов не располагает подобной информацией. Других публикаций Третьякова в одесской периодике не встречалось. Не удалось проследить какие-либо прямые контакты, переписку между Третьяковым и одесскими молодыми поэтами, участниками альманахов. Единственное косвенное упоминание содержится в рекламном стихотворении П. Сторицына в декабре 1916 года о выходе в свет последнего из альманахов, «Чудо в пустыне»:

Мы были в Петрограде и нами

<...>

— Нами в книгу

Приглашены Ивнев, Третьяков и Маяковский.³

Стихи Маяковского и Третьякова действительно были опубликованы в «Чуде в пустыне», текстов Р. Ивнева там не оказалось.

¹ КЛЭ. — Т. 7. — М., 1972. — С. 613.

² Тарасенков А. Русские поэты XX века: 1900—1955. Библиография. — М., 1966. — С. 374.

³ [Сторицын П.]. Натэ // Театр и кино. — Одесса, 1916. — № 52, 24 дек. — С. 4. — Рекламное стихотворение без подписи, авторство установлено по другим публикациям Сторицына в последующих номерах журнала.

ФАЗИНИ Сандро (Fasini Sandro) — псевдоним¹, настоящая фамилия — Файнзильберг Сруль Ариев², в быту — Александр (Саул) Арнольдович (1892³ — 1942/1944?⁴). Художник, старший брат писателя И. Ильфа и художника МАФа.

Участник четырех альманахов, начиная со второго.

Родился в Киеве⁵. Учился в Одессе во 2-м еврейском (казенном) училище⁶. Летом 1910 года принят в четвертый класс

Одесского художественного училища, окончил его в 1916 году⁷. В октябре 1919-го подал прошение о поступлении в недавно организованное Высшее художественное училище, но через месяц уволился⁸.

Еще в годы учебы публиковал свои рисунки в одесской периодике, к примеру, в местном юмористическом журнале «Крокодил» (1911–1912)⁹. Был достаточно популярен в Одессе как молодой художник-новатор, в газетных рецензиях его именовали «кубистом». Демонстрировал большое число работ на пяти одесских выставках 1917–1919 годов, «Общества независимых художников» и других. Среди экспонатов – много видов Петербурга и Петергофа, датированных 1917 годом. Сотрудничал с «Театром интермедий» (1918): оформил интерьер¹⁰ и писал декорации. Участвовал в организации кабаре «Веселая канарейка» (1919). По рассказам современников, профессионально занимался фотографией. В 1920 году, после установления в Одессе советской власти, работал в отделе изобразительной агитации ЮгРОСТА. В фондах Одесского историко-краеведческого музея хранится большая коллекция эскизов к плакатам того времени, среди них много работ Фазини¹¹.

Эмигрировал в марте 1922 года, некоторое время жил в Константинополе (Стамбул)¹², затем поселился в Париже. Летом 1942 года, в период оккупации Парижа немецкими войсками, был арестован, погиб в концлагере.

С. Фазини подготовил проекты обложек к четырем альманахам 1915–1917 годов. Кроме того, в двух из них были воспроизведены на отдельных листах его иллюстрации: пять в «Авто в облаках», четыре в «Седьмом покрывале». Сюжетно они никак не связаны с текстами стихов, являются самостоятельными композициями художника, скорее живописными, нежели графическими (техника оригиналов не обозначена). Некоторые из них названы «портретами» известных личностей, интерпретированными с подражанием модному тогда кубизму¹³: популярной певицы Изы Кремер, журналиста Л. Камышникова, германского императора Вильгельма. Шестого августа 1916 года в журнале «Театр и кино» появилось объявление: «Вышла в свет и продается <...> книга „Седьмое покрывало”»¹⁴, воспроизведена одна из иллюстраций Фазини из книги¹⁵. В следующем номере журнала объявление было повторено, репродуцирована другая иллю-

страция из той же книги¹⁶. А ранее, в январе 1916-го, «Театр и кино» поместил работу С. Фазини: портрет Петра Сторицына, издателя альманахов, выполненный в аналогичной манере¹⁷.

¹ В словаре Масанова псевдоним не учтен. Был известен многим одесским старожилам, в печатном виде зафиксирован в книге: Арго А. М. Своими словами. — М., 1965. — С. 20. Упомянут также: Бобович. Все, что память... — С. 41.

² ГАОО. — Ф. 368. — Оп. 1. — Одесское художественное училище. — Д. 1067. «Файнзильберг Сруль Ариев» [личное дело].

³ ГАОО. — Там же. — Л. 2. — В аттестате Художественного училища сказано: «родившемуся 23 декабря 1892 года» — старого стиля, т. е. 4 января 1893 современного (плюс 12 для XIX столетия).

⁴ Информация о годе смерти (гибели) разноречива. По одному источнику (Генкина М. Художники русского зарубежья — жертвы Катастрофы // Евреи в культуре русского зарубежья. — Т. 3. — Иерусалим, 1994. — С. 30): «<...> 20 июля 1942 года был арестован вместе с женой. Они были отправлены в Дранси и, затем, в Аушвиц. Погибли». В словаре (О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. Художники русского зарубежья: Биографический словарь. — С.Пб., 1999. — С. 576) год смерти указан: «1942/43 (Освенцим, Польша)». По данным родных (Илья Ильф. Записные книжки / Сост. и коммент. И. А. Ильф. — М., 2000. — С. 602): «В 1944 году „казнен с женой“ в Аушвице (сведения, поступившие из Национального архива Люксембурга)». — Освенцим и Аушвиц — варианты названия одного лагеря.

⁵ В словаре О. Л. Лейкинда и др. (см. примеч. 4) местом рождения С. Фазини указана Одесса. В «Алфавите родившихся евреев за 1892 год» (ГАОО. — Ф. 39) фамилия Файнзильберг не значится. В письме С. Фазини, Константинополь [Стамбул], от 23 апреля 1922, к «дяде Натану» в Америку написано: «Я Файнзильберг Александр (Саул) 30 л. уроженец Киева <...>». — Домашний архив А. И. Ильф, дочери писателя, Москва.

⁶ ГАОО. — Там же. — Л. 1.

⁷ ГАОО. — Там же. — Л. 2. Аттестат от 23 мая 1916.

⁸ ГАОО. — Ф. Р-5421. — Оп. 1 — Одес. О-во изящных искусств. — Д. 1. Книга протоколов Совета Высшего художественного училища. — Л. 39, 50.

⁹ Лущик С. З. Одесский журнал «Крокодил» и его авторы // Одесский журнал «Крокодил» и его авторы: Избранные страницы / Сост. Т. В. Щурова. — Одесса, 1998. — С. 283—285.

¹⁰ Дэг. Местная художественная жизнь // Южный огонек. — Одесса, 1918. — № 6, 9 июня (27 мая). — С. 15: «<...> удивительно интересно расписанная стена во дворе „Театра интермедий“ <...> художн. Олесевич, Фазини, Предаевич и поэт Эд. Багрицкий».

¹¹ Абрамов В. А. Художники ЮгРОСТА и агитационных художественных мастерских Одессы (1919—1921): [Каталог выставки]. — Одесса, 1980. — [Машинопись]. — ОГНБ, отдел искусств.

¹² Письмо С. Фазини. Константинополь, 23 апр. 1922 (см. примеч. 5): «<...> полтора месяца тому назад. Я уехал, оставив родителей <...>».

¹³ Клем. Б. [Бабаджан В.]. На выставке картин местных и иногородних художников // Южный огонек. — Одесса, 1918. — № 7, 23 (10) июня. — С. 14: «Гг. Фазини и Олесевич — вполне зрелые художники в смысле технической подготовки. Но их кубизм — вряд ли подлинное и глубокое увлечение <...> оба художника поспешат расстаться со своей манерой, как только она перестанет быть модной».

¹⁴ «Вышла в свет <...>» // Театр и кино. — Одесса, 1916. — № 32, 6 авг. — С. 3.

¹⁵ Одесские футуристы / Рис. С. Фазини // Театр и кино. — 1916. — № 32, 6 авг. — С. 13, ил. — Подтекстовка: «Жаннета с голубой собачкой». Из книги «Седьмое покрывало».

¹⁶ Одесские футуристы / Рис. С. Фазини // Театр и кино. — 1916. — № 33, 13 авг. — С. 13, ил. — Подтекстовка: «Жаннета в будуаре». Из книги «Седьмое покрывало».

¹⁷ Одесские футуристы / Рис. С. Фазини // Театр и кино. — 1916. — № 4, 23 янв. — С. 16, ил. — Подтекстовка: Петр Сторицын. Из книги «Смутная алчба». — Альманах «Смутная алчба» с тем же примерно составом участников неоднократно анонсировался в прессе, но не состоялся.

ФИОЛЕТОВ Анатолий — псевдоним¹, настоящая фамилия — Шор Натан Бенъяминович², в быту — Анатолий Васильевич³ (1897—1918)⁴.

Участник четырех альманахов, начиная со второго.

Родился в Одессе. Отец его, «2-й гильдии купеческий сын Бенъямин Хаимов Шор, 36 лет»⁵, умер в 1902 году. Учился Натан-Анатолий в одесских мужских частных гимназиях М. М. Иглицкого и И. Р. Рапопорта (с шестого класса, в 1912—1916 годах)⁶. Осенью 1916-го принят на юридический факультет Новороссийского университета⁷. Адрес его в то время: «Малый Фонтан. Лагерный переулок. Д. № 8»⁸.

Имя Фиолетова стало известно в одесских литературных кругах после «Вечера поэтов» в курзале Хаджибеевского парка 15 июня 1914 года: «Главная заслуга вечера в том, что он показал публике двух молодых, еще нигде не печатавшихся, но безусловно имеющих право на внимание поэтов — гг. Багрицкого и Фиолетова»⁹. Тем же 1914 годом датирован сборник стихов

А. Фиолетова «Зеленые агаты»¹⁰. Время выхода из печати неизвестно, откликов прессы не обнаружено. Следует полагать, что автор-гимназист рискнул издать книгу после своего успеха на «Вечере поэтов». Тоненькая брошюра в 32 страницы содержала 25 стихотворений — откровенных подражаний И. Северянину, реже К. Бальмонту. Лишь четыре из них, основательно переработанные, автор позднее дал в «Серебряные трубы» и «Авто в облаках». Тираж 500 экземпляров¹¹ достаточно большой для такого рода сборников, но в Одессе, месте издания, не удалось разыскать ни одной книжки — ни в библиотеках, ни в частных собраниях. Пришлось заказывать ксерокопию в Петербурге, в бывшей Императорской публичной библиотеке, куда поступали обязательные экземпляры всей печатной продукции страны. Последующие публикации стихов Фиолетова в «Серебряных трубах» и других альманахах 1915–1917 годов закрепили популярность молодого поэта.

После Февральской революции 1917 года, на волне демократического энтузиазма, многие студенты университета, в первую очередь юристы, пошли добровольцами в новую милицию, среди них оказался и Фиолетов. В ноябре 1918 года, в смутное время австро-немецкой оккупации и борьбы между гетманщиной и Директорией, «инспектор розыскного-уголовного отдела при державной варте» Анатолий Шор-Фиолетов был убит «при исполнении им служебных обязанностей»¹². Трагическая гибель молодого, но уже достаточно известного в Одессе поэта вызвала множество эмоциональных публикаций во всех местных газетах и журналах, породила легенды. По выражению Г. Шенгели, Фиолетов стал «жертвой утренней» для «южно-русской школы поэтов»¹³. Прошло несколько литературных вечеров его памяти. Одесское книгоиздательство «Омфалос» анонсировало, начиная с декабря 1918-го, издание посмертного сборника его стихов, но не успело реализовать этот замысел. В архиве поэта В. Бабаджана, одного из соиздателей «Омфалоса», нашелся впоследствии лишь единственный листок с неопубликованным стихотворением Фиолетова и фрагментом другого, без окончания. Посмертные публикации стихов Фиолетова появились в журналах и сборниках Харькова¹⁴, Феодосии¹⁵, Симферополя¹⁶.

Новый этап пристального интереса к творчеству полузабытого поэта возник в Одессе начиная с 1965 года¹⁷. Подняты архивные документы, найдены фотографии, проработана старая периодика, стихи поэта и сообщения о нем прозвучали на вечерах в Доме ученых и Литературном музее, опубликован ряд статей. В январе 2000 года вышел из печати новый сборник стихов Фиолетова — «О лошадях простого звания», который вобрал в себя почти все его поэтическое наследие¹⁸.

¹ Псевдоним был раскрыт в нескольких газетных и журнальных некрологах после гибели поэта. См., например: «Третьего дня при трагических обстоятельствах погиб от руки злодеев поэт Анатолий Фиолетов (Шор)»; «Убитый инспектор уголовно-розыскного отделения Анатолий Шор до поступления на службу работал в <...> журналах под псевдонимом „Фиолетов“» (Одесские новости. — 1918. — 29 (16) нояб. — С. 4). — Псевдоним остался неизвестен Масанову.

² ГАОО. — Ф. 45. Новороссийский университет. — Оп. 5. — Д. 15115. Личное дело студента Н. Шора. — Л. 13. Метрическое свидетельство. — См. также: ГАОО. — Ф. 39. — Оп. 5. — Д. 83. Метрическая книга о рождении Одесского раввината, 1897 г. — Л. 235. — № 1264: «Брацлавский 2 гильдии купеческий сын Беньямин Хаимов Шор, жена Куня. Сын Натан, род. 14, а обр. 21 июля».

³ См., например: «<...> трагической смертью 22-летнего Анатолия Васильевича Фиолетова» (Соколовский Ал. Памяти поэта Анатолия Фиолетова // Одесские новости. — 1918. — 29 (16) нояб. — С. 4).

⁴ Год рождения — по метрическому свидетельству. Год смерти — по записи раввината: «Книга IV на записку умерших в гор. Одессе евреев на 1918 год. <...> № 1966. 16 ноября / [лета] 21 / огнестрельной раны / сын Никопольского второй гильдии купца Натан Беньяминович Шор» (ГАОО. — Ф. 39. — Оп. 5. — Д. 168. — Л. 461, об.).

⁵ ГАОО. — Ф. 45. — Оп. 4. — Д. 652. Личное дело Н. Шора. — Л. н/н. Свидетельство никопольского общественного раввина.

⁶ ГАОО. — Ф. 45. — Оп. 5. — Д. 15115. — Л. 3. Свидетельство.

⁷ ГАОО. — Там же. — Л. 1. Прошение Н. Шора.

⁸ ГАОО. — Там же. — Л. 22. Конверт письма от Н. Шора с адресом.

⁹ «Вечер поэтов» // Маленькие одесские новости. — 1914. — 17 (30) июня. — С. 4.

¹⁰ Фиолетов А. Зеленые агаты: Поэзы. — Одесса: Тип. «Коммерсант», 1914.

¹¹ Владиславлев И. Систематический указатель литературы за 1914 г. — М., 1915. — С. 172. № 923. — Книга Фиолетова зарегистрирована в разделе «Футуристы».

¹² Пер-Гюнт. Впечатления // Театральный день. — Одесса, 1918. — № 185—186, 17 (30) нояб. — С. 4.

¹³ Шенгели Г. Анатолий Фиолетов // Театр. — Одесса, 1919. — № 23, 12—13 дек. — С. 7.; Мордерер В. Я. Блок и Иван Коневской // Лит. наследство. — Т. 92, кн. 4. — М., 1987. — С. 158. — Дана цитата из письма Шенгели к М. М. Шапской от 9 апр. 1924, см. примеч. 47 на с. 175.

¹⁴ Фиолетов А. 1. З. К. Шишовой; 2. Не архангельские трубы // Камена: Книга 2-я. — Харьков, 1919. — С. 9.

¹⁵ Фиолетов А. (Посмертное стихотворение) // Ковчег. — Феодосия, 1920. — С. 5.

¹⁶ Фиолетов А. «У тебя коронка бледная <...>» // Страницы лирики: Избранные стихотворения современных русских поэтов / Собрал А. Дерман. — Симферополь, 1920. — С. 54.

¹⁷ Голубовський Є. Поет, що чекає відкриття // Комсомольська іскра. — Одеса, 1965. — 1 груд.

¹⁸ Фиолетов А. О лошадях простого звания / Сост. Е. Голубовский. — Одесса, 2000. — 96 с., ил. — Тираж 100 экз.

ЦАГАРЕЛИ (Цагарейшвили)¹ **Георгий** Константинович (1893—1955)².

Участник всех пяти альманахов. Их организатор, составитель, редактор³.

Родился в Кутаиси, окончил там гимназию в 1910 году⁴. Учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета (1910—1914)⁵. Его стихи, статьи, рецензии часто публиковались в одесских газетах, журналах, сборниках. Участник литературных вечеров. Входил в состав «редакции и сотрудников» газеты «Южная мысль»⁶. В 1916-м окончил Сергиевское, в Одессе, артиллерийское училище (очевидно, ускоренный выпуск) и ушел в действующую армию⁷. Летом 1917-го, после Февральской революции, стало известно о его тайном сотрудничестве с охранным отделением: «давал сведения о грузинском землячестве в высших учебных заведениях»⁸. По свидетельству И. Бобовича, одесская литературная общественность «прекратила знакомство с ним»⁹.

Любопытна последующая творческая эволюция Цагарели, известная в Одессе лишь фрагментарно. Жил в Тбилиси, бывал в Москве. В 1930 году перевел с украинского языка на грузинский пьесу И. Микитенко «Диктатура» для тифлисского драматического театра¹⁰. В 1937-м был издан его перевод на русский язык полного текста поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре»¹¹ (всего известно пять полных переводов по-

эмы — К. Бальмонта, П. Петренко, Г. Цагарели, Ш. Нуцубидзе, Н. Заболоцкого)¹². В 1938 году Тбилисская киностудия выпустила на экраны «знаменитый» кинофильм «Великое зарево» по сценарию Цагарели¹³, возвеличивший роль Сталина в революции, в 1941-м фильм получил Сталинскую премию¹⁴. В 1942 году издан сборник стихов Цагарели «Дни гнева»¹⁵. Известны также несколько книг стихов грузинских поэтов (Н. Бараташвили, Г. Табидзе и др.) в переводах Цагарели на русский язык. Любопытно, что сборник Цагарели «Избранные переводы. Поэты Советской Грузии», изданный в 1950-м, был после смерти Сталина изъят из общественных библиотек¹⁶.

¹ ГАОО. — Ф. 45. Новороссийский университет. — Оп. 1. — Д. 1048. — Л. 6: в собственноручном его прошении сказано: «<...> Георгия Цагарейшвили (он же Цагарели)».

² Кинословарь: В двух томах. — Т. 2. — М., 1970. — С. 845.

³ Бобович. Письмо от 22 февр. 1974; Бобович. Все, что память... — С. 41.

⁴ Список студентов <...> Новороссийского университета. — Одесса, 1912. — С. 14. — № 133.

⁵ ГАОО. — Ф. 45. — Оп. 1. — Д. 1048. — Л. 12; В университете // Одесский листок. — 1914. — 1 июня. — С. 4; В высшей школе // Одесские новости. — 1914. — 1 (14) июня. — С. 4.

⁶ Состав редакции и сотрудники «Южной мысли» // Южная мысль. Одесса, 1912. — Ил. прил. — 1 сент. — С. 2—3, фото.

⁷ Поэт Георгий Цагарели: К отъезду на театр военных действий // Театр и кино. — Одесса, 1916. — № 31, 30 июля. — С. 10, фото.

⁸ З-горов И. [Златогоров И.]. Кошмар: (О Георгии Цагарели (он же Цагарейшвили)) // Южная мысль. — 1917. — 11 июня. — С. 3; Провокаторы // Там же; Осипович М. Шпики. — Миколаїв, 1931. — С. 155—157.

⁹ Бобович. Письмо от 12 апр. 1974.

¹⁰ Червоний шлях. — Харків, 1930. — № 1. — С. 187.

¹¹ Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре / Пер. с груз. Г. Цагарели. — М., 1937; Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре: Поэма / Пер. с груз. Г. Цагарели. — Изд. 2, перераб. — М., 1953.

¹² Руставели <...> // КЛЭ. — Т. 6. — М., 1971. — С. 553.

¹³ Великое зарево: Монтажная запись звукового фильма / Режиссер М. Чиатурели. Сценаристы: Г. Цагарели и М. Чиатурели. Монтажная запись И. Соколова. — М., 1939.

¹⁴ Кинословарь. — Там же.

¹⁵ Цагарели Г. Дни гнева: Стихи. — Тбилиси, 1942.

¹⁶ Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети. — Ч. 1. — М., 1960. — С. 123.

ШЕРШЕНЕВИЧ Вадим Габриэлевич (1893–1942)¹.

Участник трех последних альманахов: «Авто в облаках», «Седьмое покрывало», «Чудо в пустыне».

Родился в Казани, жил преимущественно в Москве, окончил физико-математический факультет Московского университета.

Первый сборник стихов опубликовал в 1911 году², а всего в 1911–1920 годах вышло из печати свыше 10 его книг. «С появлением в России футуризма Шершеневич примкнул к этому литературному течению, став одним из его теоретиков <...> изложил в работах „Футуризм без маски“ (1913), „Зеленая улица“ (1916)»³. «Впоследствии (1919–24) – один из характерных представителей имажинизма»⁴.

В одесских источниках не обнаружено никаких свидетельств посещения В. Шершеневичем Одессы, никто из местных краеведов не располагает подобной информацией. Других публикаций Шершеневича в одесской периодике не встречалось. Не удалось проследить какие-либо прямые контакты, переписку между Шершеневичем и одесскими молодыми поэтами – участниками альманахов.

В сборнике «Авто в облаках», первом с участием московских авторов С. Третьякова и В. Шершеневича, бросается в глаза некая перекличка поэтов, тексты со взаимными посвящениями: одно из стихотворений С. Третьякова посвящено Вадиму Шершеневичу (с. 35), цикл стихотворений В. Шершеневича посвящен Сергею Третьякову (с. 55). Не исключено, что стихи обоих поэтов поступили в Одессу одновременно, из одного источника.

¹ КЛЭ. — Т. 8. — М., 1975. — С. 699.

² Тарасенков А. Русские поэты XX века: 1900—1955. Библиография. — М., 1966. — С. 414.

³ Русские писатели: Библиографический словарь. — Т. 2. — М., 1990. — С. 406.

⁴ КЛЭ. — Там же.

А. Л. Яворская

НЕОСУЩЕСТВЛЕННАЯ КНИГА В. БАБАДЖАНА (Онуфрий Чапенко. «Марсова дудка»)

Вениамин Симович Бабаджан (1894, Одесса — 1920, Феодосия) был поэтом, художником, одним из организаторов, а впоследствии лидером издательства «Омфалос» (1916—1920). Он автор трех поэтических сборников — «Кавалерийские победы» (1917, Петроград), «Всадник» (1917, Одесса), «Зоя» (1919, Одесса) и двух книг по искусству — «Врубель. Печальный гений» (1918, Одесса) и «Сезанн: Жизнь, творчество и избранные отрывки из писем» (1919, Петроград — Одесса).

В. Бабаджан. 1915—1917

Биографии и творчеству В. Бабаджана посвящены статьи отечественных и зарубежных исследователей¹. На основе его архива, сохранившегося в семье, создан двухтомник «Из творческого наследия», в который включены все книги, отдельные рассказы, статьи, рисунки и часть ранее не печатавшихся стихотворений 1915—1919 годов².

Но один замысел поэта остался лишь в наброске на странице тетради «Идеи и затеи». Речь идет о книге стихов «Онуфрий Чапенко „Марсова дудка“».

Уже неоднократно писали о псевдонимах Бабаджана (см. прим. 1). Первая книга В. Бабаджана «Кавалерийские победы»

вышла под псевдонимом «Клементий Бутковский»³. И если ошибка в словаре псевдонимов И. Ф. Масанова, где «Клементий Бутковский» указан как псевдоним Ю. Г. Оксмана, вскоре была установлена исследователями, то авторство «Онуфрия Чапенко» до последнего времени представлялось спорным.

В сборнике «Омфалитический Олимп» (1918, Одесса) опубликованы пять стихотворений под шапкой: «Онуфрий Чапенко (1853–1914). Из книги „Рябиновка“». По словам М. Лопатто, создателем Чапенко был Н. М. Бахтин⁴. (В литературе о Бабаджане уже отмечалось, что в письмах Лопатто много неточностей и ошибок).

Окончательно удостовериться в принадлежности В. Бабаджану псевдонима «Онуфрий Чапенко» стало возможно при работе с рукописями стихов в рабочих тетрадах поэта.

На первых страницах тетради «Идеи и затеи» записано 2 июня 1917 года:

Весело в моей тетради,
Правда, много чепухи.
То Клементий, шутки ради,
Подмахнет свои стихи.
Или Мирра начертает
Двоестишие свое,
И Чапенко набросает
Про военное житье⁵.

7 ноября 1917 года сделан набросок шуточного стихотворения об издательстве «Омфалос». В нем следующие строки:

Клементий там и Мирра и Чапенко
Сотрудничают весело и дружно⁶.

Некоторые стихи из «Марсовой дудки» Бабаджан ранее предполагал опубликовать под псевдонимом «К. Бутковский». В «Идеях и затеях» есть черновик его письма, написанного до 17 августа 1917 года: «М. г. г. редактор. Посылаю __ стихотворений, которые прошу напечатать в журн. «Новый Сатирикон». Эти стихотворения представляют продолжение и развитие тем, намеченных в моем сборнике «Кавалерийские победы», изданном в этом году в П-де. <...> Стихотворения прошу напечатать под общим названием «Тяжкие будни»⁷. Ответ предлагается направить в: «Д[ействующую] армию, 1-ый Лаза [рег] 15 див. Пра-

п[орщику] В. С. Б. для Клементия Бутковского»⁸. Рядом список из пяти стихотворений: «Три дня [лежали у шоссе]», «Струят уст[алье] дороги», «Солдатское», «Я рум[ынский] попеску», «Жуткий фейерверк [войны]». В журнале стихотворения эти не были опубликованы.

Между 14 и 27 января 1918 года (Бабаджан еще находится на румынском фронте) в тетради появляется запись:

Марсова дудка - Огюстин Пашит

- 1) Марсова дудка
- 2) Струят усталые дороги
- 3) Я - румынский попеску
- 4) Семьдесят три версты
- 5) Дон Жуан на войне
- 6) При дороге школьный домик
- 7) Жуткий фейерверк войны
- 8) Три дня лежали у шоссе
- 9) Баба, дай прохожему солдату
- 10) Когда от скуки убегаешь
- 11) Широко на полях лежат снега
- 12) Где, где ты, вражеская пуля
- 13) Наша любовь цветет на пустырях⁹.

- 1) Марсова дудка
- 2) Струят усталые дороги
- 3) Я – румынский попеску
- 4) Семьдесят три версты
- 5) Дон Жуан на войне
- 6) При дороге школьный домик
- 7) Жуткий фейерверк войны
- 8) Три дня лежали у шоссе
- 9) Баба, дай прохожему солдату
- 10) Когда от скуки убегаешь
- 11) Широко на полях лежат снега
- 12) Где, где ты, вражеская пуля
- 13) Наша любовь цветет на пустырях⁹.

В список входят четыре из пяти названных в письме. (Стихотворения «Солдатское» в рукописях нет).

При дальнейшей работе с архивом Бабаджана девять стихотворений были найдены в тетради «Идеи и затеи», одно — в отдельной тетради с текстом рассказа «Ива». «Струят усталые дороги» в сохранившейся части рукописного наследия Бабаджана отсутствует. Нет и полного текста поэмы «Дон Жуан на войне» — возможно, она не была завершена. В. Бабаджан писал М. Лопатто в начале февраля 1916 года: «Сейчас занят наброском поэмы «Дон Жуан на войне», которая выходит слегка неприлично и в слишком фарсовом духе»¹⁰. Ранние наброски 1916 года не обнаружены, сохранившиеся отрывки датированы июнем и декабрем 1917-го.

Все стихотворения написаны на фронте в 1917 году, крайние даты — 6 июня и 17 декабря.

Любопытно сравнить опубликованные стихи Чапенко и книгу «Кавалерийские победы» с текстами из «Марсовой дудки». В «Омфалитическом Олимпе» перу Чапенко принадлежат пародийные, сугубо «штатские» строки (рукописи этих стихов не обнаружены). В отличие от них, «Марсова дудка» дает реальную картину повседневной военной жизни. В книге «Кавалерийские победы» достаточно иронических нот, «Марсова дудка» же, за исключением одноименного стихотворения и поэмы «Дон Жуан на войне», трагична.

В книгу В. Бабаджана «Из творческого наследия» вошли восемь стихотворений из «Марсовой дудки», но они даны не как цикл, а порознь, в хронологическом порядке. Представляется интересной публикация стихотворений в соответствии с замыслом автора.

Учитывая, что полный текст поэмы «Дон Жуан на войне» не сохранился, отрывки из нее помещены в конце. Стихотворения, кроме оговоренных, ранее не публиковались.

Примечания

¹ Julian Grigor'evic Oksman, 1895—1970 / Edgerton W. B. // Russian Literature. — The Hague, [1973]. — № 5. — Pp. 8—9. — «М. И. Лопатто категорически сообщает <...>, что книгу Кавалерийские победы написал Виктор (Вениамин) Бабаджан». [Пер. с англ. М. Д. Эльзона, Л., окт. 1982].

Лущик С. З. Библиофильское издательство «Омфалос» // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: Тезисы докладов научно-

практической конференции. — Л., 1982. — С. 32—34. — *Раскрыт псевд. К. Бутковского, Вениамин Бабаджан (далее В. Б.) — лидер изд-ва.*

Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Тынянов в воспоминаниях современников // Тыняновский сборник: Первые Тыняновские чтения. — Рига, 1984. — С. 100, прим. 19. — *Упоминание В. Б. как истинного автора книги К. Бутковский. «Кавалерийские победы».*

Тименчик Р. Д. Тынянов и «литературная культура» 1910-х годов. // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. — Рига, 1988. — С. 164—168, 171—172, прим. 23, 24, 29, 31. — *Анализ стихов К. Бутковского из книг «Кавалерийские победы» и «Омфалитический Олимп»; цитаты из рец. 1916—1920 на «Кавалерийские победы»; цитата из письма З. Шишовой к Р. Тименчику об изд-ве «Омфалос».*

Голубовский Е. «Омфалитический Олимп»: К истории одной мистификации // Вечерняя Одесса. — 1990. — 11 авг. — С. 3. — *О сборнике «Омфалитический Олимп», книге В. Б. «Кавалерийские победы»; приведено стих. «Попап поутру в голенище...».*

Книги издательства «Омфалос»: К сообщению С. З. Луцicka «Вениамин Бабаджан (1894—1920) — поэт, художник, книгоиздатель» // Приглашение / Секция книги Одес. Дома ученых. — Одесса, 1990. — 8 с. — *Дана библиогр. книг изд-ва «Омфалос»; книги, объявленные в проспектах изд-ва, но не вышедшие из печати; картины, рис., ксилографии В. Б. в каталогах худож. выст. и музеев. / Сост. С. З. Луцick.*

Эджертон В. Ю. Г. Оксман, М. И. Лопатто, Н. М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос»: (Переписка и встреча с М. И. Лопатто) // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. — Рига, 1990. — С. 211—237. — *Публ. писем М. Лопатто 1951—1980 гг. Упомянуты: В. Б., кн. «Кавалерийские победы» и «Омфалитический Олимп»; поэтич. кружок «Омфалос»; псевд. В. Б.*

Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Несколько цитат, библиографических заметок и мемуарная реплика на полях публикации В. Эджертон. // Там же. — С. 238, 239, 242.

Луцick С. З. Книгоиздательство «Омфалос» // Книга: Исследования и материалы. — Сб. 66. — М., 1993. — С. 158—174.

Купченко В. П. Литературная Феодосия в 1920 году. По материалам газеты «Крымская мысль» // «De visu». — М., 1994. — № 3—4. — С. 86, 87, 88. — *Об участии В. Б. в лит. жизни Феодосии.*

Фуки А. Караимы — сыновья и дочери России: Рассказы и очерки об участии в боях от Крымской войны до Великой Отечественной. — М., 1995. — С. 43—44. — *Краткая биогр. В. Б., фото [вдвоем с сестрой Тотеш].*

Гардзонио С. Два русских поэта во Флоренции (А. Гейнцельман и М. Лопатто) // Славяноведение. — М., 1995. — № 4. — С. 33. — *Упомянуты изд-во «Омфалос»; В. Б.; К. Бутковский.*

Гардзонио С. Михаил Лопатто — прозаик и исследователь пушкинской прозы // Вторая проза: Русская проза 20—30-х годов XX века. —

Trento, 1995. — С. 359, 360. — Упомянуты В. Б.; «Кавалерийские победы»; «Омфалитический Олимп».

Гардзонио С. Новое о Лопатто // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. — Рига; М., 1995/1996. — С. 320—334. — В прим. 1 и 12 библиогр. об изд-ве «Омфалос» и его литераторах.

Яворская Е. Л. Одесский переводчик Р. М. Рильке // «Дом князя Гагарина...»: Сб. ст. и публ. Одес. гос. лит. музея. — Вып. 1. — Одесса, 1997. — С. 132. — О кн. «Кавалерийские победы» и «Омфалитический Олимп», о псевдониме «К. Бутковский».

Товарищество южнорусских художников: Библиографический указатель. Вып. 1: Литература о деятельности Товарищества / Сост. О. М. Барковская. — Одесса, 1997. — С. 102—103, 127. — № 822, 825, 829. — Учены три ст. В. Б. под псевд. «Клем. Б.» и «Клембо» в журн. «Южный огонек» (1918) о совместной выставке ТЮРХ и «независимых». — См. № 116.

Garzonio S. Il poeta odessita Veniamin Babadzan // L'Ucraina del XX secolo Atti del Secondo Congresso dell' AISU, Venezia, 1995 — Padova, 1998. — P. 87—92.

Купченко В. Киммерийские этюды / Сост. и вступ. слово Дм. Посева. — Феодосия, 1998. — С. 35—36, 40. — О вечере поэтов с участием В. Б., изд. альм. «Ковчег», лекции В. Б. о Сезанне, о расстреле В. Б.

Коваленко Г. Александра Экстер в Одессе: 1919—1920 // Искусствознание. — М., 1999. — № 2/99 (XV). — Л. 410, 411, 421, 426. — О В. Б. в «свободной мастерской» и в студиях Экстер.

Лущик С. З. Вениамин Бабаджан: «Дар живописца и поэта» // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах. — Одесса, 2000. — № 1. — С. 138—148. — Биогр. В. Б.; публ. девяти стих. и трех рис.

Товарищество южнорусских художников: Библиографический справочник. — Ч. 1: Литература о деятельности Товарищества [Изд. 2-е, доп.] / Сост. О. М. Барковская. — Одесса, 2000. — С. 103—104, 118. — № 833, 836, 840.

Лущик С. З. Наталья Крандиевская в Одессе: Хроника // «Дом князя Гагарина». Сб. ст. и публ. Одес. лит. музея. — Вып. 2. — Одесса, 2001. — С. 155, 157—158, 159. — Об участии В. Б. в поэтическом вечере совместно с Крандиевской; рец. В. Б. на сб. стихов Крандиевской; биогр. справка В. Б. — Повторная испр. публ. — См. № 114.

Яворская Е. Л. Книги и авторы издательства «Омфалос» // Там же. — Л. 166—210. — Описание всех 22 книг, изданных «Омфалосом». Упоминание о В. Б. — С. 170—177, 179—183, 187, 191, 194, 197—200, 202—206, 208, 210.

Голубовский Е. М. Литературная мистификация или пародия? // Там же. — С. 211—227. — Вступ. ст. с упоминанием В. Б., перепеч. в кн. «Омфалитический Олимп».

Барковская О. Одесса, 1901—194: Выставки, зрелища, концерты [Хроника] // Черный квадрат над Черным морем: Материалы к истории

авангардного искусства Одессы. XX век. — Одесса, 2001. — С. 28, 40, 42, 43, 44, 45, 100, 107. — *Упоминания В. Б. как участника одесских худож. выставок и «Свободной мастерской».*

Возвращение «Ковчега» / Сост. Е. Голубовский. — Одесса, 2002. — Репринтное переизд. альм. «Ковчег». — С. 4, 5, 43—46, 76, 79, 80, 120, 121, 123, 127. — *Кроме четырех стихотворений В. Б., даны воспоминания Э. Миндлина и ст. В. Купченко «Литературная Феодосия в 1920 году».*

Гардзонио С. Бытовая лирика Вениамина Бабаджана и русский модернизм // Тыняновский сборник: Вып. 11. — Девятыне Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. — М., 2002. — С. 391—398. — *Анализ трех поэтич. сб. В. Б.*

Устинов А. Б., Гардзонио С. Письма М. И. Лопатто к Г. П. Струве (К истории русской поэзии 1910-х годов) // Там же. — М., 2002. — С. 552, прим. 10. — *Цитата из письма Т. Бабаджан к В. Б. от 13 дек. 1916.*

Лущик С. З. Вениамин Бабаджан. Жизнь и творчество // Бабаджан В. Из творческого наследия. — В 2-х т. / Сост. С. Лущик, А. Яворская. — Одесса, 2004. — С. 359—495. Полный перечень упоминаний о В. Бабаджане в печати 1917—2003 гг. см. там же. — С. 499—508.

² Бабаджан В. Из творческого наследия. — В 2-х т. / Сост. С. Лущик, А. Яворская. — Одесса, 2004.

³ Бутковский К. [Бабаджан В.]. Кавалерийские победы: Стихи. — Пг.: Омфалос, 1917 [1916]. — 48 с.

⁴ Из письма М. Лопатто В. Эджертону: «В Одессе зародился «Омфалос», кружок бурлескных поэтов, задуманный по образцу Санкт-Петербургского. Бахтин был там основным автором. Главным у него был Онуфрий Чапенко, прямой потомок Фета». — Эджертон В. Ю. Г. Оксман, М. И. Лопатто, Н. М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» (Переписка и встреча с М. И. Лопатто) // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. — Рига, 1990. — С. 236.

⁵ Бабаджан В. Рукописная тетрадь «Идеи и затеи». — Л. 4.

⁶ Там же. — Л. 83—83 об.

⁷ Там же. — Л. 46 об.

⁸ Там же. — Л. 46 об.

⁹ Там же. — Л. 114 об.

¹⁰ Бабаджан В. Тетрадь писем. Опубликовано в: Бабаджан В. Из творческого наследия... — С. 218.

Онуфрий Чапенко

МАРСОВА ДУДКА

МАРСОВА ДУДКА

Я лежу в моей палатке —
Сырость, тишина, прохлада.
Ради скуки, ради шутки
Выдуваю тонкий звук.
Звук прерывистый и сладкий
У моей короткой дудки.
Три ее нехитрых лада
Милы пальцам крепких рук.
Сыт и молод: нет заботы.
Отдыхая, выдуваю
Песню нежную любви.
Отдыхая от работы,
К Афродите я взываю:
«Светлая, благослови...»
Тишина. Мечты витают.
Звезды блещут и мерцают.

30 сент. 917

Саскют

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 70.

Опубликовано: Бабаджан В. Из творческого наследия. — В 2-х т. — Т. 1 — Од., 2004. [Далее везде: Бабаджан В. Указ. соч.] — С. 166.

* * *

Я румынский попеску.
Это значит — священник по-русски.
Хоронил я без блеску,
Без вина и закуски.
А когда нам война
Принесла голодовку и мор —
Мне сказала жена:
«Теодор,
Наступил искупительный пост —

Умирающих бездна.
 Скоро нас отнесут на погост —
 Хорони безвозмездно».
 А назавтра она заболела,
 Девять дней пролежала в жару,
 На десятый холодное тело
 Проводил ввечеру.
 И каким-то небесным весельем
 Надо мной разгорелся простор.
 «Поздравляю тебя с новосельем,
 Я, твой муж, Теодор.
 Жди меня. Умирающих бездна,
 Все творят искупительный пост».
 Ждал. На днях безвозмездно
 Принесут и меня на погост.

*19 июля [1917]
 Мовилица*

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 34.

Опубликовано: Бабаджан В. Указ. соч. — С. 157.

* * *

Семьдесят три версты
 Мы шли походом.
 Первый день было ясно.
 Второй — ясно и жарко.
 А на третий день пошел дождь!

У меня порвались сапоги,
 Я их подвязал ремешком,
 А Степан, тот может босиком, —
 А сапоги прикручены к мешку...

Сегодня мы ночуем в лесу,
 Сыро здесь и прохладно.
 Окопы близко — слышны пулеметы
 И на небе отблески ракет.

Говорят, послезавтра бой.
Значит, опять на счастье:
Если ранят — в Россию поеду,
Цел останусь — опять воевать.

Убьют, — такая от Бога судьба,
Но не дай, Господь, попасть в плен!

6 июня [1917]

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 5 об.

Опубликовано: Бабаджан В. Указ. соч. — С. 154.

* * *

При дороге школьный домик.
Окна настезь. Надпись: сыпной тиф.
На пороге человек в халате.
За углом бочка сулемы.
В этот дом не входите, люди,
Здесь гнездо смерти.
Шестьдесят больных
Разметались в жарком бреду.
Умирает ежедневно два.
Их уносят утром на кладбище.
Прочие видят их участь
И своей покорно ждуг.
Все здесь — унынье и скорбь,
Только мухи неистово веселятся,
Да пыль от проезжих с дороги
Беззаботно влетает в окна.

Вот, принесла нам война
Голод и мор. Пышный справляет пир
Смерть.

22 июня 917

Р. Л. Х.

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 16.

Опубликовано: Бабаджан В. Указ. соч. — С. 155.

Р. Л. Х. — Ратешул-Луй-Харет — городок, в котором В. Бабаджан был с января по июль 1917 года.

* * *

Жуткий фейерверк войны,
Бледная ракета!
В час полночной тишины
Ты — источник света.
Ты оглядываешь даль —
Все, что видно глазу,
И тебе как будто жаль
Так погаснуть сразу.
Не жалеи, всему конец!
Наша жизнь — мгновенье.
Смерть пришла — нашел боец
Вечное забвенье.

7 июня 917

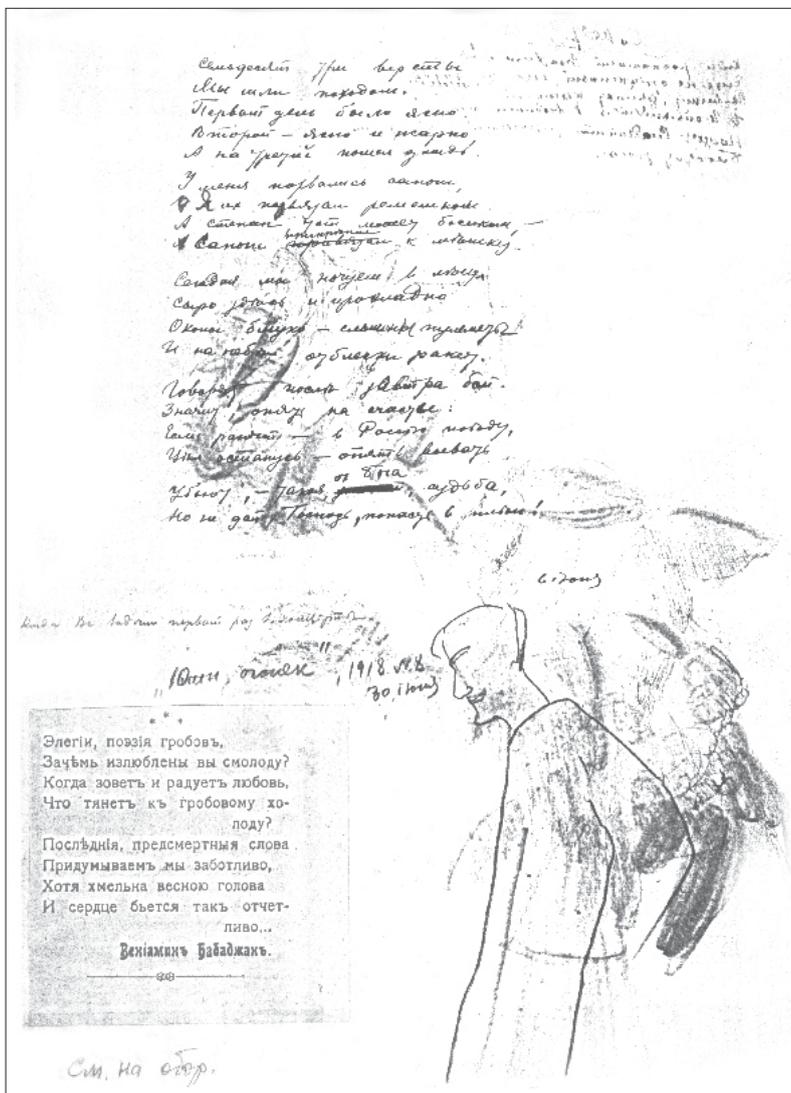
РЛХ

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 29 об.

Опубликовано: Бабаджан В. Указ. соч. — С. 157.

* * *

Три дня лежали у шоссе —
Окопом нам была канава.
Роса мочила, солнце жгло.
Безмолвно покорились все.
По нас шрапнелью били справа
И ветром пыль в глаза несло.
Один, другой и третий день
Мы, изнывая, умирали.
Мы ночью грызли сухари.
Чернели трупы — смерть и лень,
Убитых мы не убирали,

В. Бабаджан. Тетрадь «Идеи и затеи», л. 5 об.

Последней ждали мы зари.
На третий день когда заря
Над нами мирно погасала,
Мы поползли к реке в овраг.
Нас встретил ротный, говоря:
«Ребята, видите, нас мало, —
Силен и беспощаден враг...»

И мы оставили стрелков,
Чтоб до утра они в канаве
Пальбой морочили врага.
Десяток смертных смельчаков
Уйдет под утро сквозь луга
Живущим рассказать о славе.

17.VIII.917

Гомочеа

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 47.

Опубликовано: Бабаджан В. Указ. соч. — В 2-х т. — Т. 1 — Од., 2004. — С. 160.

* * *

Баба, дай прохожему солдату
На дорогу груш.
Вспоминаешь ли свою утрату,
Сын ли, муж...
Вспоминаешь ли, что он ведь тоже
Где-то там бродил,
Ночевал в лесу на мокром ложе
И вставал без сил.
Что его, голодного, кормили
Вдовы в деревнях.
Вспомни, вдовая, и сжался. Ты ли
Груш не дашь в сердцах?

11 сент. [1917]

Саскут

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 49.

Опубликовано: Бабаджан В. Указ. соч. — С. 163.

* * *

Когда от скуки убегаешь
В театр, в концерт или на бал,
Я вижу, милый, ты скучаешь,
Разочарован и устал.
Но если ты забыться хочешь
От вечной скуки на войне —
Напрасно, милый мой, хлопочешь.
Твои мечты — мечты одне.
И на войне, ей-богу, скука,
Скучна походная наука,
Артиллерийская — суха,
В штабах — бумага, чепуха.
Кавалерийские победы
Теперь неведомы бойцам.
А все гусарские обеды
Скучны — ты это знаешь сам.
Итак, скучай ты лучше дома,
Где теплый у тебя клозет,
Где ты с бутылкою боржома —
Разочарованный поэт.

25 сент. [1917]
Саскут

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 69 об.

Кавалерийские победы — название первой книги стихов В. Бабаджана и цитата из стихотворения «Когда вернусь с войны здоровый»:

Узрят испуганные деды
Из золоченых тусклых рам
Кавалерийские победы
Над доблестью пехотных дам.

*Но если ты забыться хочешь
От вечной скуки на войне —
Напрасно, милый мой, хлопочешь...* —

эти строки использованы как эпиграф к рассказу «Ива» (подпись — К. Бутковский).

Он был поэт. Она была
 Не поэтесса, но жила,
 Любовью из фраком сохранила
 Он всем смирившись, она — никак
 Являясь слава. Он гордил
 В работе у шк. елмек, поощрял.
 Поэтом он учил и она
 Было старость проведена одна.
 Мерзави поужину дайте дуги.
 Умнее смелее выже на свисту.

Онуф-
 Чапенко

Идея и затея убогави
 В дуге, ~~там~~ там ~~там~~ там или на зам...
 Я вину жини, же смраки.
 Пожарован а дуги
 Но сии там добавиле поеме
 Оу великий смел на вайт
 Нафранце, шикант илти, китовоси
 Ивай исчите, — шикант днт.
 И на дуги, а в том, смела,
 Свудна поощред дуга,
 Африк илтирисиан — дуга,
 В шикант на дуга, тамука
 Кавказский смел на дуги
 Теперь илтирисиан ~~там~~ там.
 Я в дуге дуги, а в том,
 Свудна — там там дуги сам
 Кора, смелой дуги дуги дома
 Там дуги у дуги кидеи,
 Там там с дуги дуги —
 Пожаровановит мвд.

Онуф-
 Чапенко

В. Бабаджан. Тетрадь «Идеи и затеи», л. 69 об.

* * *

Широко на полях лежат снега,
 Холмы, далекая деревня сини.
 И там, где радостно цвели луга,
 Теперь — безжизненный покой пустыни.
 Окончилась великая война,
 Свершилось кровавое злодейство.
 Соединились снова племена
 В голодное и скудное семейство.

И победитель в ужасе узнал
Бесплодное безумие победы.
Где гром гремел, где грохотал металл —
Окопы, трупы, грязь — плоды победы.
И на полях лежат снега, снега, —
Бесплодье там зимы, покой пустыни!
Скрывают белизной своей снега
Нагую смерть, царящую [в] пустыне.

17 дек. 917

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 91.

* * *

Где, где ты, вражеская пуля,
Которая меня убьет.
Быть может, немец, карауля,
Тебя уже в окоп берет.
А то, быть может, не отлита,
Кипишь в немецком тигеле
Или, от рук людских сокрыта,
Рудой покоишься в земле.
Быть может, ты уже летала
От нас к врагу, оттуда к нам
И зерна твоего металла
Дарили смерть и здесь и там.
Где ты?.. Ах, сердце ждет покорно,
Полно весны, полно любви
И в грудь толкается проворно.
Ну что ж, лови...

Тетр. «Ива». — С. 39—40.

* * *

Наша любовь цветет на пустырях
Среди развала тления и смерти,
Как дикий торжествующий цветок.
Когда к тебе иду и возвращаюсь

Насытившись, уставши в сладких ласках,
 Я вижу жуткие кругом картины,
 Незабываемые никогда.
 Свирепствует у нас во всем селе
 Голодный тиф, сыпной, возвратный, оспа.
 Зараза обошла уже дома
 Один, другой и в третий раз. Собрала
 У жителей свободно дань свою,
 И вот, в четвертый раз теперь обходит.
 Уже июль, но все поля пустынно.
 Нет злаков. Желтый, голубой цветок
 Расцвел на пашнях пышно и свободно,
 Как в сердце у меня любовь. Теперь
 Какое дело мне до этой смерти,
 Когда любим, когда я сам люблю
 И каждая минута драгоценней
 Всей прошлой жизни, всех грядущих дней.

В дворах кругом зловонное молчанье,
 Кой-где уютится под навесом скот,
 Кой-где еще расхаживают куры,
 Но больше все — покой и пустота.
 Иду по улице и вот что вижу:
 Направо, во дворе, на твердом ложе
 Лежит покойница. На животе
 У ней затеплена свеча и руки
 Благочестиво сложены на грудь.
 Страдальчески-бессмысленной улыбкой
 Искривлен голубой невинный рот.
 Лицо покрыто красными прыщами,
 Приманкою голодных быстрых мух,
 Сюда слетевшихся: дитя от оспы,
 Как видно, умерло. Вчера она
 На солнцепеке здесь весь день лежала,
 Покрывшись ватным одеялом. Мать,
 Которая теперь с ее лица
 Платком сгоняет мух, возле нее
 Сидела и весь день варила что-то
 Для умирающей на очаге...

Июль дыхания не оставляет
И пыльный зной мою наполнил грудь.
Как громко, громко бьется сердце! Кровь
Стучит в висках и взоры застит полдень.
Что, что в груди? Что? Смерть, изнеможенье,
Конец всему, начало новых мук?
Любовь одна царица этих дней,
Властительница каждого мгновенья.
Она выросла в пыли на пустырях
Среди развала, тления и смерти.

Война и мор, пожары, долгий голод
Уносят каждый день детей и жен.
Мужья и отцы занялись убийством,
Им некогда, зовет суровый долг
Прочь из дому, в поля, в свинцовый дождь,
В глухую ночь, в пустыню запустенья...
Все замерло. Одна любовь в груди
Цветет, благоухает и пьянит...
Прочь, трупы, прочь! Пряма дорога страсти
Для Венямина и Иветты...

*13 авг. 917
Гомочеа*

Тетр. «Стихи. 1916». Элегии. — Л. 104.

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 44—44 об.

Опубликовано: Бабаджан В. Указ. соч. — С. 159.

ДОН ЖУАН НА ВОЙНЕ

Посвящение

Дон Жуан

Дон Жуан — мечта поэта.
Сам он часто Дон Жуан.
Стефа, Аннушка, Иветта —
Цепь его сердечных ран.
Только истинная скромность
Заставляет нас молчать,

Прятать чувственную томность
И скрывать ее печать.
И поэт молчит, страдая.
Скромность — подвиг в наши дни.
Кровь играет молодая,
Но поэт гасит огни.
Знайте: образ Дон Жуана
Скрытый отражает лик.
Панна Стефа, донна Анна,
О, услышьте страшный крик!
Ночи лунные — проклятье.
Нестерпима тишина!
Пустоты немой объятье,
И опять, опять луна!

26.VI.917

Р.-Л.-Х.

Тетр. «Идеи и затей». — Л. 17 об.

То же на л. 7 об., с незначительными разночтениями:

Цель его сердечных ран — Длинный ряд сердечных ран

Знайте: образ Дон Жуана — Только образ Дон Жуана

Скрытый отражает лик — Отражает скрытый лик

Стефа, Иветта — лирические героини стихов Бабаджана, *Ива* (явно сокращенное *Иветта*) — имя героини одноименного рассказа.

Но была красивее Санка

Панна Стефа, галичанка...

(«Поздней осенью в Ольховцы...» из книги «Кавалерийские победы»);

Прочь, трупы, прочь! Пряма дорога страсти

Для Веньямина и Иветты...

(см. выше — «Наша любовь цветет на пустырях»).

ДОН ЖУАН НА ВОЙНЕ

Сцена третья

Жуан, Иветта, потом полковник Жабокрик

Дон Жуан

Боже мой, какое счастье

Женщин видеть на войне!

И в погоду и в ненастье

Упоительны оне.

Посмотри сюда, Иветта,
Вид Ратешул-Луи-Харета
Удивительно красив.
Золотит заря обрыв...
Желтым берегом Серета
Мы идем, моя Иветта.
Как тепло! Ласкает май.
Сердце бьется гулко-гулко,
Что за чудная прогулка!
Распустились кусты,
Дубы чуть зазеленели,
Нет чудесней красоты
Мягкой луговой постели.

Иветта

Говорите вы красно,
Говорите вы прекрасно,
Только, знаете, одно
Мне немножечко неясно:
Отчего от деревушки
Углубились мы в кусты?
Здесь ведь не растут цветы,
Сыро, прыгают лягушки.

Дон Жуан

Что ты, что ты, друг Иветта,
Все уж солнышком прогрето.
Здесь в тени густых кустов
Мы присядем на минутку...
Знай, что я на все готов,
Я влюблен, и не на шутку.
Ты послушай: соловьи —
В упоении, в концерте.
Чувства пылкие мои
Жгут меня. Я близок к смерти...

Иветта

Ах, оставьте, дон Жуан.
Видно, спятили немного.

Здесь — проезжая дорога,
Здесь гуляют, здесь летают,
Здесь охотятся, стреляют,
Вон летит аэроплан.
И к тому же батарее
Здесь упрятана в кустах,
А немного полее
Склад гранат...

Дон Жуан

Иветта, ах,
Я готов на все. Гранаты
Не страшат в любви бойца.
Мне, Иветта, отдана ты,
Будь моею до конца.
Пусть палят, но я — ни с места,
Я влюблен, и это так!
Пусть меня раздавят в тесто...

Иветта

Милый, милый мой дурак!
Неужели вы хотите,
Чтоб и я погибла здесь?
Извините, извините,
Это — глупость, а не честь.
Три сейчас. Обстрел в четыре —
Нужно уходить скорей.
Живо в путь! Шагайте шире!

Жабокрик

(силится догнать Иветту и Жуана)

Дон Жуан! Ведь он! Ей-ей!
Да еще с сестрой, озорник!
Расторопен, как всегда.
Ведь пришли сюда во вторник,
А сегодня среда.
Прапорщик Жуан! Сестра!

Дон Жуан
Жабокрик! Идем скорее.

Иветта

(оглядывается)

Ах, какой урод! Вчера
Он в любви мне объяснялся,
Животом земли касался,
На колени становясь...

(Иветта и Жуан убегают)

Жабокрик

(пыхтя, выходит на середину сцены)

Вот вам юность! Хоть в болота
Убегут. Да что им грязь!
У меня в ногах ломота,
Пять шагов едва пройду, —
И трясенье и одышка
И к тому же на ходу
Мучат газы и отрыжка.
С каждым днем судьба все строже,
Но за что же, правый Боже,
Здесь, в окопах, на войне
Посылаешь женщин мне?

26 июня 917

Р. Л. Х.

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 18—18 об.

*Боже мой, какое счастье
Женщин видеть на войне! —*

эти строки использованы как эпитафия к четвертой главе рассказа «Ива»
(подпись — К. Бутковский. Дон Жуан).

Ратешул-Луи-Харет — см. примечание к с. 247.

Серет — речка. Ср. стихи В. Бабаджана:

Ратешул-Луи-Харет —
Зима, весна и лето.
Как надоел Серет
И берега Серета.

Уже опять лески
Кругом зазеленели.
И в рукавах реки
Зашелестели мели.
Лишения зимы
Сменились трудным летом
Не расстаемся мы
С Ратешул-Луи-Харетом!
Ратешул тут как тут!
Какого Луя это
Мы ждем, пока снесут
На кладбище Харета?

(Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 15.

Опубликовано: Бабаджан В. Указ. соч. — С. 396—397)

ДОН ЖУАН НА ВОЙНЕ

3-а

Дон Жуан

Снова осень. Снова птицы
Полетят, крича, на юг.
Скучно мне. Когда же вдруг
Век мой вечный прекратится?
Думал тут развлечься я,
На войну приехал... Скучно...
Та же мертвая змея
Гложет сердце мне докучно...
Лепорелло, марш сюда!

Лепорелло

Что прикажете? Являюсь.

Дон Жуан

Слушай... Впрочем... Ерунда...
Знаешь что, ведь я уж каюсь,
Что приехал на войну.
Мне бы вот чего... жену...

Лепорелло

Так-то, ваше благородье,
Так-то, прапорщик Жуан!

Распустили вы поводья,
Сгорбили свой стройный стан!
Нет ни шпаги, ни гитары, —
Гимнастерка, шаровары
Вместо мрачного плаща.
Дон Жуан, вы стали стары,
В этот век любви ища.

Дон Жуан

Ах ты, дерзкая скотина,
Замолчи, да как ты смел!
Или впрямь я постарел?..
Панна нежная, Янина,
На краю села живет.
Сердце у Янины — лед...
Оттого-то мне и тошно:
В первый раз за сотни лет
Дерзкий воин и поэт,
Расточающий роскошно
Сердце, деньги, праздный ум,
Стал задумчив и угрюм.

Лепорелло

Понимаю: вам Янина
Ласково в глаза глядит,
Улыбается невинно,
Вообще — небесный вид.
Но едва любви коснется,
Непреклонна и горда.
Что, неправда? Так ведь, да?

Дон Жуан

Слушай, милый Лепорелло,
Всею Испанией клянусь —
Оторву твой старый ус,
И теперь уже за дело.
Что за слезка, как ты смел!

(хват[ает] Л[епорелло] за ус)

Лепорелло

Дон Жуан, я чист как мел!
 Просто я на старость тоже
 Поухаживать хотел.
 Выбрал девушку помоложе,
 Три недели лез из кожи,
 На четвертую — успел...
 Вы ведь тоже три недели
 Панне Янце песни пели,
 Да таскали ей цветы,
 Да прикидывались страстным,
 Да старались быть прекрасным —
 И поныне не на «ты»!
 Отчего ж случилось это?
 Оттого, что вы секрет
 Дерзко-пламенной душой
 Не находите...

Дон Жуан

(выпускает ус)

Открой!..

В.

Дон Жуан

Здравствуйте, мой друг Янина!
 Что так долго вы не шли?

Янина

Я играла на пьянино:
 «Песнь растерзанной земли».
 Было холодно и грустно,
 Не хотелось выходить.
 Хоть играю искусно,
 Но люблю...

Дон Жуан

Как не любить
 Звуков нежных инструмента...

Помню, как-то я в Сорренто
Звуки из окна слышал.
Я грустил и ночь грустила,
Я вздыхал, — залив вздыхал,
Сердце одиноко стыло...
Вдруг — из темного окна
Позвала меня струна!
Боже мой, какое счастье!

Янина

Нашего соседа дочь
Лучше моего играет.
Пан Жуан ее не знает?

Дон Жуан

Нет, не знаю. И она
Уж наверно не стройна
Так, как вы. Ее улыбки
С вашим смехом не сравнить.

Янина

Но играет без ошибки
Экзерцисы.

Дон Жуан

 Может быть.
Но не в этом, друг мой, дело,
Ах, Янина, то ли дело —
Вдохновенная рука,
То дерзающая смело,
То скользящая слегка.

Янина

Ах, оставьте, пане, споры.
Вы мечтатель. Мне ль мечтать,
Если дома плачет мать,
Расточая мне укоры.
Мы ведь нынче небогаты —
Нету цукру и хербаты.

Дон Жуан

Нету сахару и чаю,
Ах, давно б, Янина, так!
Я давно уж замечаю,
Что живете натошак.
Разрешите, панна, смело
Взяться мне за это дело,
Завтра утром Лепорелло
Сахар, чай вам принесет.

Янина

Пане, вы меня смутили...

Дон Жуан

Вздор! Давайте наперед
Мы условимся: забыли
Прозу жизни мы теперь.
Милая моя, поверь —
Так тоскую по любви я,
Снятся ласки огневые,
Ночи наперед не сплю.
Все мне душно... О, Янина,
Я люблю тебя, люблю!..

Янина

Я... твоя...

13 дек. 917

Дойна

Тетр. «Идеи и затеи». — Л. 72—72 об.

Янина — героиня стихотворения «За горою село солнце».

И полез опять на печку
Мой хозяин, идиот.
Увидав на печке спину,
Знаю: пробил час услад.
Тороплю мою Янину
Выходить в безлунный сад.

(Рукопись не обнаружена. Стихотворение вошло в книгу «Омфалитический Олимп», в цикл стихов К. Бутковского).

Документально-наукове видання

ДІМ КНЯЗЯ ГАГАРИНА

Збірник наукових статей і публікацій

Випуск 3

Частина перша

Відповідальний редактор

Т. І. Ліптуга

Редактор

О. Л. Яворська

Літературний редактор

С. Б. Мітіна

Технічний редактор

С. Б. Кобринська

Підписано до друку 5.08.2004. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Гарнітура «Нью-Баскервіль». Папір офсетний. Друк офсетний.
Умов. друк. арк. 15,34. Наклад 1000 прим. Зам. № 868.

Видавництво ЗАТ «ПЛАСКЕ»

Одеса, вул. В. Арнаутська, 15, тел. (048) 7-385-385

Віддруковано з оригінал-макета в типографії «Моряк»
Одеса, вул. Рішельєвська, 82-А, тел. (0482) 54-50-48